

Елена ТААХ

Время для двоих

**Новокузнецк
2019**

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Елена ТААХ

Время для двоих

И чтоб в веках не разминуться,
С заветной тропки не сойти,
Пошли мне весточку, любимый,
Сквозь холод млечного пути.

И пусть коснутся нас незримо
Судьбы-капризницы персты,
И через пропасти вселенной
Проложат звёздные мосты.

Елена Таах

Новокузнецк
2019

ДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Т 12

ТААХ Елена Алексеевна

Время для двоих : повесть / Елена Таах ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк: Издательство «Ник без Company», 2019. – 102 с.

12+

Таах Елена Алексеевна родилась в г. Макеевка Донецкой области. В раннем детстве уехала с родителями в Казахстан, куда они отправились с другими первопроходцами на освоение целинных земель. Там пошла в первый класс. Далее у родителей, романтиков тех лет, была стройка на Украине, затем Сибирь, Камчатка. Видимо, дух путешествий передался Елене Алексеевне от родителей, и поэтому в своем творчестве отдает предпочтение путешествиям и фантастике. Пишет повести. Стихи и проза Елены Таах были опубликованы в альманахах «Кузнецкая крепость», «Усятская россыпь», в журнале «Озарение», в коллективном сборнике участников литературного объединения «Гренада» (2011 год).

Пролог

Если вы не равнодушны к осени, то знаете, какой неизъяснимой радостью наполняют сердце прогулки по осеннему лесу или парку.

Небо за городом ещё синее-синее, а флора уже поменяла свой зелёный наряд. Роскошные клены просто необыкновенны в это время года. Точно золотом покрылись их резные листья. Видимо, солнце всё лето неутомимо раскрашивало их в золотисто-жёлтый цвет, меняющийся от светло-жёлтого до червонного золота. Так и хочется набрать листья в огромный букет, что и делают малыши, прогуливаясь с родителями.

Зато рябина просто полыхает в цвете огня, вся усыпанная глянцево-красными гроздьями ягод, которые с огромным удовольствием склюют пташки, оставшиеся на зимовье.

И так каждое дерево, каждый кустик имеют свой неповторимый оттенок. Вы бредёте, любуясь сокровищем, вдыхаете целительный воздух, а грудь распирает от восторга... Боже! Как же хорошо вокруг!

Но вот ива почему-то печальна и грустна. Если летом, склоняясь над водой, она любит причёской своих длинных прядей, глядя в отражение заводи, то теперь она что-то приуныла. Опустила ивушка ветви низко-низко к самой воде, словно девушка ресницы. А листочки, как слёзки, падают в тёмные, мутные воды и уплывают неведомо куда. О чём горюет ивушка? О чём её вековая печаль? Может, о том знает берёзка-подружка, что расположилась чуть выше на бережке? Она нарядилась в белый сарафан, распустила зелёные кудри, чуть тронутые позолотой, и что-то шепчет, шелестя листвою, успокаивает ивушку. Какую тайну знает она?

Может, когда-то давным-давно, ещё в глубокой древности, девица-краса из-за неразделённой любви решила утопить горе горькое в мутной заводи и скрыться под сенью густых ветвей? Может, неприкаянная душа с тех пор вселилась в деревце? Может, поэтому она и плачет из века в век, поджидая любимого? Но молчит ивушка, хранит свою вековую печаль. И видимо, поэтому влюблённых девушек тянет прийти к ней, чтобы поведать сердечные тайны.

А вот могучий дуб-исполин расположился на поляне и широко свободно размахнул во все стороны огромные ветви, что по толщине равны среднему деревцу. В тени его густой кроны можно укрыться, как в шалаше. Он здесь царствует... И неустанно хранит порядок. Даже жёлуди и листья, кажется, с гордостью и достоинством опадают на землю, как бы оказывая этим величайшую милость всему окружающему.

Но скоро растительный мир скинет яркое одеяние, чтобы бесстыдно обнажить свои серые, худые тела. Но лишь на малое время! А затем... затем облачится в белоснежные пушистые шубки.

В один из таких осенних дней по парковой аллее медленно шла девушка. Её грустные глаза выдавали невесёлые мысли.

Ну вот, ей уже двадцать пять. А чего она достигла? И что у неё есть? Маленькая двухкомнатная квартира, оставшаяся после гибели мужа? Ещё высшее образование и работа в музее. Небольшой такой музей в пригороде Петербурга. И должность не очень высокая, но интересная – искусствовед. Работа ей нравится, и отношения с сослуживцами складываются вполне благополучно. Но вечерами, добравшись домой на метро или автобусе, она оставалась совсем одна. Единственным развлечением были телевизор или видео.

Год назад от рук каких-то отморозков погиб муж Сергей. Вечером в арке дома его ударили чем-то тяжёлым по голове, с целью ограбления. У Сергея и было-то при себе пара сотен рублей да сотовый телефон. Он скончался в реанимации, не приходя в сознание. Тогда казалось, что не осталось никакого смысла в жизни...

1

Софья вздохнула и отогнала тяжёлые воспоминания. Сегодня у неё день рождения. На работе были поздравления, подарки, добрые, хорошие слова, затем пили чай с тортом, фотографировались и дурачились. Рабочий день закончился, и девушка решила пройтись через парк.

Приближающийся вечер был тёпл и безветрен. Листва, плавно кружась, опускалась и ложилась под ноги. Солнечный диск низко склонился к вершинам деревьев, и длинные тени легли на тропинки. Софья медленно брела по аллее, шурша опавшей листвой и смотря под ноги. А есть ли у неё жетон на метро? Опустила руку в карман плаща... да вот он. Слава Богу, не надо будет толпиться у касс в час пик. Софья неловко повернула жетон в руке и он, выскользнув, покатился под уклон в сторону от аллеи, исчезая в ворохе листвы. Девушка проследила за ним взглядом и, вздохнув, огорчаясь своей неловкости, пошла следом, собираясь поднять. Неожиданно она зацепилась каблучком за корень старого дерева и упала на колени, уперевшись руками в землю, чтобы не растянуться во весь рост. Сумочка и полиэтиленовые пакеты улетели немного вперёд, рассыпав содержимое.

– Ой, – сдавленно вскрикнула Софья. Она встала, отряхнула с коленей и рук налипшую листву, собрала в пакеты разлетевшиеся продукты и прочие предметы, откинула с лица упавшие волосы.

– Господа, вы только посмотрите, какая красotka!

– А какие у неё ножки!

– Думаю, не просто так она выставила их на всеобщее обозрение. Нас ожидает дивный вечер в очаровательном обществе.

Девушка с испугом повернулась на звук голосов. В нескольких метрах от себя она увидела троих парней, направившихся в её сторону. Но как же странно они одеты! Тёмные длинные плащи запахнуты, а под плащами Софья рассмотрела кители, белые обтягивающие лосины, высокие кожаные сапоги. Внешность прямо-таки неряшливая, подумалось Софье. Но что за

маскарад? Наверное, где-то рядом идут съёмки исторического фильма. А где же парковая аллея с ровными рядами осветительных фонарей? А скамейки? Свернув с аллеи, направляясь за жетоном, она точно помнила, что взялась рукой за скамью. Все атрибуты парка исчезли, словно их и не было. Софья зажмурилась и потрясла головой. Но ничего не изменилось. Возможно, задумавшись, она не заметила, как забрела в незнакомую часть парка. Парни, хмельно улыбаясь, подходили всё ближе. Девушка внимательно посмотрела на них и, уловив в глазах похотливый блеск, бросилась прочь.

– Ату! Держи её! – звучали вслед весёлые возгласы.

Страх придавал силы, и Софья стремительно понеслась, не разбирая дороги. А ветви кустов словно сговорились помешать и норовили ухватить то за волосы, то за одежду. Тяжёлый топот и шумное дыхание преследователей были уже за спиной. Вот-вот чья-то цепкая рука схватит её... Кожа между лопатками напряглась, словно её стянуло морозцем. Софье хотелось закричать, но горло сжал спазм. Неожиданно деревья расступились, и девушка выскочила на грунтовую дорогу, накатанную в лесопарке за многие годы. Навстречу приближался экипаж, запряжённый тройкой великолепных гнедых лошадей. В экипаже с откидным верхом ехал мужчина, одетый не менее странно, чем преследователи.

– Помогите! – закричала Софья, бросаясь к экипажу.

Мужчина подался вперёд и что-то сказал кучеру. Тот остановил лошадей.

– Помогите! Меня преследуют те люди! – отчаянно взмолилась девушка.

– Господа, в чём дело? – холодно обратился мужчина к подбежавшим и хватающим Софью парням. Девушка, в панике, пыталась освободиться от назойливых рук.

– Мы первые нашли её, и она пойдёт с нами, – самоуверенно заявил, обдавая Софью хмельным дыханием, один из молодых людей, видимо, являющийся лидером среди друзей. И если бы не неряшливый вид, парня вполне можно было назвать симпатичным.

Мужчина, находившийся в экипаже, взглянул на Софью и заметил ужас в её синих глазах и готовые брызнуть слёзы. Он решил прийти на помощь. Позже он и сам не сможет объяснить странность душевного порыва – оказать помощь девице лёгкого поведения! Ведь, в конце концов, это род её занятий. Но, видимо, страх и мольба о помощи, что он прочел в её взгляде, решили всё в тот момент.

– Эта женщина моя знакомая и поедет со мной, – спокойно сказал он.

– Да это девица лёгкого поведения. Одного из кабаков! Вы только посмотрите, как она одета. И... у неё же краска на лице! Порядочные женщины так не выглядят, – пытался поддержать товарища другой молодой человек.

– Женщина поедет со мной, – твёрдым голосом повторил господин, и, открыв дверцу кареты, подал Софии руку. Она не замедлила и, воспользовавшись помощью, быстро вскочила на ступеньку, запрыгивая в экипаж.

– Но она...

– Она под моим покровительством, господа.

– Н... но вы не можете! – не желая упускать добычу, но уже слабее возражали молодые люди. – Она же продажная женщина. Как вы можете оказывать ей своё покровительство?

– Я не продажная женщина! – возмутилась Софья, чувствуя себя наконец-то под крепкой защитой. – И прекратите меня оскорблять! Я работаю в музее! Я искусствовед!

– Господа, думаю, дама находится в затруднительном положении, и считаю своим долгом – помочь ей.

Мужчина коснулся тростью плеча кучера и распорядился:

– Трогай, Степан.

Карета покатила дальше по дороге, оставив молодых повес в раздражении и недовольстве.

2

Софья забилась в угол сиденья и одёрнула юбку, прикрывая колени. По щекам её катились слёзы, оставляя тёмные дорожки от туши. Мужчина молча подал ей носовой платок. Девушка кивнула в знак благодарности и, достав из сумочки пудреницу, принялась вытирать платком следы туши с лица, глядя в зеркальце. При помощи спонжа припудрила носик и розовой перламутровой помадой подкрасила губы.

– Зачем ты это делаешь? – произнёс мужчина, не глядя на неё.

– Что? – удивилась Софья.

– Зачем ты снова красишь лицо? Если ты торгуешь собой, зачем тогда убегала от господ? Я не заметил, чтобы они угрожали твоей жизни. Они хотели всего лишь поразвлечься, что соответствует роду твоих занятий. Зачем в таком случае просила о помощи?

Презрение, сквозившее в его словах, и надменный тон более чем слова привели девушку в негодование.

– Я не торгую собой! И не продажная женщина, – гневно прошипела она, бросив пудреницу и помаду в сумочку. Повернулась к пассажиру и, в растерянности зажала в руке носовой платок, сомневаясь, можно ли вернуть его испачканным, – как вы смеете? По всем современным меркам я одета даже слишком строго и скромно. А макияж у меня очень лёгкий и сдержанный.

– Ты одета скромно? – иронично подняв бровь, спросил он. И оглядев её с головы до ног, коснулся тростью подола юбки. – Ноги открыты до середины икр, да ещё разрез на плаще, доходящий до... – и он многозначительно замолчал.

– Ясно, – усмехнулась Софья, – вы изображаете эдакого господина... ну, скажем, одного из прошедших столетий. Из времен, когда женщины носили длинные платья, и не позволительно было открыть даже щиколотку. А косметика считалась признаком лёгкого поведения. Я правильно понимаю? Кстати, а вы кто? Вы здесь работаете? В парке? Это что, новый вид услуг для туристов и отдыхающих? Должна согласиться, неплохо придумано. А

вы являетесь гидом, под видом какой-либо титулованной особы, разъезжающей в экипаже под старину. В общем красиво. И ваше занятие приносит неплохие доходы?

Софья говорила не умолкая. Осенившая её идея, казалось, всё объясняла и ставила всё на свои места. Ну, конечно же! Вот откуда этот экипаж и одежда позапрошлых столетий.

– Так значит, нападение на меня было частью инсценировки? – радостно воскликнула Софья. – Что ж, отдаю должное изобретательности работников парка. Я ведь действительно очень испугалась и думала, что молодые люди хотят надо мной поглумиться. А вы, как литературный герой, пришли мне на помощь. В самый кульминационный момент! Так здорово всё было разыграно, что я даже не могу на вас обидеться за пережитый стресс. Хотя... Вы знаете, у вас такая колоритная внешность. Вы очень интересны и даже красивы.

Мужчина при этих словах приподнял бровь и усмехнулся. Но Софья не заметила и продолжила.

– С вашими данными можно было бы найти занятие и поинтереснее. Вы не пробовали себя в кино?

Он слушал, не перебивая. Затем, кашлянув в кулак, произнёс:

– Я не совсем понял, о чём вы говорите. Некоторые слова мне и вовсе не знакомы. Но прежде мне хотелось бы узнать ваше имя; как вас зовут?

– София Розанова, – представилась девушка, подавая руку.

– Князь Дмитрий Николаевич Батурлин, – и взяв её руку, учтиво склонился.

– Да ладно. Хватит вам, уважаемый господин князь, ваша светлость. Или как там ещё к вам обращаться, – рассмеялась Софья, – я устала от этого представления. Если не трудно, подвезите меня до ближайшей станции метро или автобусной остановки. Мне надо домой. Я устала, хочу принять ванну, да и проголодалась.

– Простите, куда вас подвезти?

– До ближайшей станции метро или автобусной остановки.

– Сударыня, вы фантазёрка? Или просто морочите мне голову? Ах да, я, кажется, начинаю понимать; вы что-то там несли о прошлых столетиях. Видимо, наслушались в кабаках бредней о путешествии во времени от повес-романтиков и придумали от скуки новый вид игры.

Софья даже приподнялась со своего места, пытаясь возразить, но Дмитрий мягко усадил её на место.

– Так, стоп! Молчите! Сейчас я попытаюсь объяснить вашу игру. Вы изображаете некую даму, что попадает в другое время и своим *оригинальным* видом соблазняет понравившихся господ. По правде, надо сказать, что вырядились вы и впрямь оригинально. Вы что же думаете, что люди когда-либо станут одеваться таким вот образом? Никогда бы не поверил. – Софья вновь сделала попытку возразить, но князь так же мягко остановил её, – что ж весьма изобретательно. Это что-то новое и думаю, вносит романтическую ноту в ваш род деятельности. Занятно. А что же вы тогда

убегали от молодых людей? Они хороши собой, богаты, а, следовательно, в состоянии оплатить ваши услуги. Или вы испугались, что их много для вас одной? Вам, видимо, подходит один клиент. И увидев мой экипаж – вы выбрали меня. Что ж – я польщён.

Софья ошеломлённо смотрела на Дмитрия, приоткрыв рот, явно ничего не понимая. Оглядевшись по сторонам, она вдруг осознала, что они довольно долго едут, а пейзаж не меняется. Судя по времени, давно должны были выехать из парка. Окружающие деревья больше походили на лес. А почему так тихо? И где все признаки современного шумного города? Нет ни гула моторов, проходящей невдалеке трассы; ни шумной городской суеты.

– Простите, – с тревогой в голосе сказала Софья, – но кроме шуток, где мы находимся? Я устала и мне пора домой.

– Сударыня, мы почти подъехали к моему имению. Здесь вы сможете утолить голод и... принять ванну, – добавил он, усмехаясь.

– Нет, я хочу домой. А что это за имение?

– Я уже сказал – это моё имение. Родовое имение Батурлиных

Карета подъехала к огромному дому, окружённому ровными ухоженными газонами и садом. В палисаднике и на клумбах у дома цвели поздние цветы: астры и хризантемы. К дому вела дорожка, выложенная ровно подобранным булыжником.

– Вся наша семья уже переехала в городской дом, – продолжал он, – и только смотритель с супругой присматривают за имением.

Дмитрий подал ей руку, и Софья вышла из экипажа. Она заворожено смотрела на дом, что по своим размерам напоминал скорее дворец. Странно, вокруг Петербурга ей были известны все сохранившиеся поместья и имения. А об этом она даже ничего не слышала. Хотя в справочниках музея о нём что-то вскользь упоминалось, но, кажется, как о разрушенном.

Князь прошёл по дорожке, ведущей к крыльцу и, открыв дверь, пригласил Софью в дом.

– Прошу, прекрасная незнакомка, – полушутя с поклоном промолвил он, опуская взгляд на открытую часть ног, – простите, Софья, – поправил себя князь.

– А где смотритель? – робко спросила девушка, вдруг почувствовав себя очень неловко наедине с малознакомым человеком. Вся её бравада куда-то мигом исчезла. Появилось новое, давно, казалось, забытое чувство. Чувство трепета и волнения.

– Он у себя дома. А здесь бывает только с проверкой в отсутствие хозяев.

– А кто поддерживает порядок в доме?

– Да этого и не требуется. Обычно в имение семья возвращается к лету. А к приезду хозяев слуги всё подготовят. Зимой здесь почти никогда не живут.

– А Степан?

– Он распрягает лошадей. Покормит их и уйдёт к себе. Его домик – сторожка в конце сада за конюшней.

– А кто будет здесь? – взволнованно прошептала Софья.

– Мы с вами, – произнёс он и внимательно посмотрел на Софью.

Жаркая волна от сердца хлынула к щекам и ярким румянцем покрыла лицо. Софья ощущала себя, как в ловушке. Что же делать? И отступить-то уже поздно. Развернуться и уйти? Но куда? Местность незнакомая, да и вообще творится что-то непонятное. Где она и куда попала? Что здесь за маскарад с костюмами и особняками? Нет, надо во всём этом разобраться.

– Послушайте, – несмело начала она, – мне лестно, как вы организовали... игру, но мне действительно пора домой, – девушка робко взглянула на Дмитрия и произнесла, – вы не могли бы подвезти меня до автобусной остановки, чтобы я могла добраться до Петербурга. Видите ли, я не знакома с этой местностью.

– И где же вы проживаете в Петербурге?

– В старом центре недалеко от Невского.

Дмитрий громко рассмеялся.

– Ну, ты и фантазёрка. В старом центре! Надо же. Ты мне нравишься всё больше и больше, – вытер слёзы, выступившие в уголках глаз, от смеха, – ладно, раздевайся и проходи. Сейчас позову Степана, и он приготовит нам что-нибудь поужинать. А в Петербург Степан отвезёт тебя завтра. Уже поздно, да и коней он уже распряг.

Князь снял дорожный плащ и прошёл через гостиную.

– Это вход на кухню, – спросила Софья, заглядывая в приоткрытую дверь.

– Да, – ответил Дмитрий, едва взглянув.

Но Софья, заинтересовавшись, вошла в приоткрытую дверь. В правом углу просторного помещения располагалась огромная печка, которую, по всей видимости, топят углём и дровами. За свой жизненный век Софья такой ещё не видела.

– Что это за антиквариат? – спросила она, указав на столь необычный предмет для нашего времени.

– Печь, – удивлённо взглянув на Софью, ответил Дмитрий, входя следом.

– Как я говорил ранее, вся наша семья переехала на зиму в Петербург, поэтому печь давно не протапливалась. Но если вам холодно, можно пройти в библиотеку и там разжечь камин.

– Нет, нет, мне не холодно, – поспешила заверить «князя» Софья.

– Ну, что ж, тогда я сейчас позову Степана и прикажу принести что-нибудь из съестных припасов.

– Вы знаете, Дима, – решила она больше не церемониться. А Дмитрий в очередной раз удивлённо посмотрел на неё, поражаясь подобной фамильярности. Но Софья продолжила, – перед тем, как пройти через парк, я зашла в супермаркет и купила кое-какие продукты на ужин. Вот смотрите.

И она начала выкладывать на стол продукты.

– Что это? – удивился Дмитрий и, как показалось Софье, вполне искренне.

На стол легли: батон хлеба, майонез в мягкой упаковке, семга и сервелат в нарезке в вакуумных упаковках. Затем свежие помидоры, огурцы и зелень,

упакованные в прозрачные полиэтиленовые пакеты. Выложенный на стол пакет с курицей-гриль, распространил по кухне дивный аппетитный аромат.

– Знаете, – подняв на хозяина глаза, сказала девушка, – у меня сегодня день рождения. Ко мне в гости могли зайти друзья, поэтому я накупила столько всего. Но раз мы будем ужинать здесь – не пропадать же добру.

Князь ошеломлённо смотрел на продукты, появившиеся на столе. Ни в одном магазине или лавке Петербурга он не видел ничего подобного. Откуда столь необычная прозрачная упаковка? Он взял в руки один из пакетиков.

– Неужели где-то научились делать стекло таким мягким? Я заметил, что и сумки у тебя из необычной материи.

Софья вопросительно посмотрела на Дмитрия...

– Материал... Он такой мягкий. Это же не стекло? – пояснил он.

– Дмитрий, ну, пожалуйста. Ну, достаточно уже пошутили. Мы с вами люди начала двадцать первого века, и такие вещи, как полиэтиленовая упаковка или электрический чайник никого уже не удивят. Вы переигрываете. Я ценю вашу изобретательность в отношении костюма и обстановки в доме, и даже то, как вы меня сюда доставили... Но я действительно устала от затянувшейся игры. Мы с вами одни, поэтому никто, кроме меня не оценит вашего театрального искусства. Где здесь включается свет? И где можно нагреть воду для чая? У меня есть ещё рулет с варёной сгущёнкой. – Сняв, шуршащую упаковку, Софья принялась нарезать рулет и укладывать на тарелку. – Я поняла, что вы решили по каким-то своим причинам, пригласить меня в гости. Но предупреждаю – никаких сексуальных домогательств. Иначе я подам в суд.

Дмитрий молчал, продолжая ошарашено смотреть на неё.

– Как вы сказали? Двадцать первый век? – наконец произнёс он.

– Дмитрий! – не выдержав, даже притопнула Софья. – Ну, прекратите же! Я действительно устала. Затянувшийся розыгрыш меня уже начинает раздражать. – И сделав глубокий вдох, уже спокойнее сказала: – Единственное, что меня удивляет, так это ваш особняк. Я, как историк, знаю все восстановленные имения в области, а о вашем не слышала. Вы восстановили его недавно? Только тогда почему-то в отделке использовали материалы, полностью придерживаясь старины. Нет, вы не подумайте, ваш дом очень мил, и я как будто попала в восемнадцатое – девятнадцатое столетие. Не только отделка, но и мебель соответствуют стилю той эпохи. Хотя, вы перегнули с кухней. Ведь грубо и неудобно – такая вот печь. Для её растопки нужны уголь и дрова. Согласитесь – это обременительно. Насколько удобнее была бы современная электрическая или газовая плитка. И чисто, и быстро. Но у вас, как у любого нового русского свои причуды, да?

– Я не новый, я обычный русский. И наследник княжеского имения.

– Интересно, когда вы узнали? О наследстве.

– Я всегда знал. С рождения.

Софья аккуратно раскладывала продукты по тарелкам. Помидоры и огурцы нарезала кружочками, полила майонезом и украсила зеленью.

– Ужинать будем на кухне? – спросила она.

– Зачем же? В гостиной.

Дмитрий прошёл в гостиную и зажёл свечи в канделябрах. Софья с тарелками в руках остановилась у стола и следила за действиями Дмитрия.

– Вы верхнюю-то одежду снимите. Так и будете ужинать одетой? – небрежно заметил князь.

Софья оглядела себя, и, поставив тарелки на стол, сняла плащ, подавая его хозяину. Дмитрий повесил его рядом со своим на вешалку и, повернувшись, замер. На девушке была синяя гипюровая блузка, которая плотно облегла тонкую фигурку. Юбка плавно обрисовывала стройные бёдра и расширялась книзу, доходя до середины икр. На ногах красовались модные полусапожки на тонком высоком каблукке.

– Что-то не так? – взволнованно спросила Софья, оглядывая себя и неловко одёргивая одежду, пытаясь поправить несуществующие погрешности.

– Я ещё никогда не видел такой одежды и тканей. Даже при дворе ширина кружева, которым отделяют платья, должна быть такова у той или другой дамы, в зависимости от того, к какому классу она принадлежит. А у тебя вся блуза кружевная.

– Да я тоже читала в исторических справочниках об этом, – отмахнулась Софья.

Но Дмитрий, не слушая её, подошел ближе и обхватил руку девушки чуть выше локтя, взял в пальцы ткань и слегка потянул. Лёгкое удивлённое восклицание сорвалось с его губ, когда стрейчевая ткань эластично растянулась.

– Кто вы? И откуда? Ваша необычная манера вести беседу и многие непонятные слова... Но вы и не простолюдинка. Речь ваша отличается, как от простолюдинов, так и от моей, – задумчиво рассуждал Дмитрий, скорее сам с собой. Он стоял почти вплотную и, очарованная его близостью девушка разволновалась.

– Н... но мы... уже знакомились, – она судорожно сглотнула. – Я, Ссофья. Софья Розанова. Я искусствовед и работаю в музее. Ой, – воскликнула она, – у меня же есть пропуск!

Она подбежала к дивану и из сумочки достала пропуск, на котором было её цветное фото и вписаны данные паспорта.

– Вот, смотрите.

Дмитрий осторожно взял в руки документ и минуты две молча изучал его.

– 1980 год рождения?

– Да, здесь же написано.

– И вам сейчас, простите, сколько лет?

– Двадцать пять. Сегодня мой день рождения: четвертое октября 2005 года.

Дмитрий взял Софью за руку и быстрым шагом направился в библиотеку. У большого окна, зашторенного мягкими тяжёлыми портьерами, стоял

массивный дубовый стол. Князь выдвинул один из ящиков и, достав какую-то бумагу, подал её Софье. В документе сообщалось, что это паспорт и выдан он Батурлину Дмитрию Николаевичу 1772 года рождения от Рождества Христова.

– Это паспорт вашего давнего предка? – спросила Софья. – И вас назвали в честь него?

– Это мой паспорт. И сейчас 1805 год. И мне тридцать три года.

– Не может быть, – только и смогла прошептать девушка. В ушах вдруг зазвенело и их заложило словно ватой. На глаза с обеих сторон мягко надвинулась плотная тёмная пелена.

3

– Софья. Соня. Сонечка, очнись.

Что-то прохладное и влажное коснулось лица, и девушка открыла глаза. Дмитрий, склонившись, протирал ей лицо влажной салфеткой.

– Где я?

– Мы по-прежнему в библиотеке. С вами случился обморок, и я положил вас на диван.

Девушка нахмурилась, пытаясь привести мысли в порядок.

– Скажите, – умоляюще произнесла она, – это была шутка? Розыгрыш? Это всё мои друзья? Они решили подшутить надо мной и подговорили вас сделать мне подарок в день рождения, в виде сюрприза? Особняк и есть сюрприз, который недавно восстановили, а я о нём ничего не знала, но как историк должна была заинтересоваться. И вы, приняв на себя роль князя, преподнесли мне подарок – знакомство с памятником истории. Так?

Софья с надеждой смотрела на Дмитрия.

– Поверьте, я бы от всей души желал, чтобы всё оказалось шуткой, – грустно и с нежностью сказал он, сжимая в руке её маленькую ладонь, – но всё это происходит в действительности. Я так же поражён не меньше вашего, но я и благодарен случаю, что оказался в надлежащее время, в надлежащем месте, чтобы прийти к вам на помощь.

– Подождите! – Софья встала, отодвинув его руку, и, выбежав в гостиную, направилась к своему плащу. Взяв из кармана телефон, попробовала позвонить, но все попытки оказались безрезультатными.

– Что это? – спросил Дмитрий, заинтересованно глядя на серебристый овальный предмет в руках девушки, который издавал мелодичные звуки и переливался, светился яркими цветными огоньками.

– Мобильный телефон, – мрачно ответила Софья, недоверчиво посмотрев на Дмитрия, – если вы не лжёте, что я вначале девятнадцатого столетия, то в моё время с помощью таких аппаратов мы общаемся, друг с другом, если находимся на недоступном для прямого общения расстоянии.

– Выходит, к вашему времени цивилизация шагнёт далеко вперёд? – спросил князь, всё ещё не отрывая взгляда от телефона.

– Более чем, – проворчала Софья.

– Можно мне? – попросил Дмитрий телефон и, получив, спросил: – А вас дома кто-то ждёт?

– Нет, я живу одна. Я была замужем, но муж погиб год назад.

– На дуэли?

– Если бы, – криво и печально улыбнулась Софья, – в наше время давно нет дуэлей в том смысле, как вы себе это представляете.

– А как же ваши мужчины отстаивают свою честь и честь дам?

– В основном кулаками.

– Как простое мужичьё?

– В наше время применять оружие как огнестрельное, так и холодное, считается преступлением. А нарушение закона грозит тюремным заключением.

– Так разбойники наказаны?

– Нет, их не нашли.

– Не справедливо, – нахмурился Дмитрий, – зло должно быть наказуемо.

– Я согласна, но Сергей и сам никогда не стал бы носить оружия. У нас оно просто запрещено. А грабители были во все времена.

– Ну, хорошо, – согласился Дмитрий, – хотя мне это трудно понять.

– Чтобы что-то понять, надо знать об этом.

– Согласен. Но я бы хотел попросить у вас прощение. Софья, простите меня, что оскорбил вас, приняв за девицу лёгкого поведения. Я вёл себя недостойно. – И, взяв её руку, князь поднёс к устам. – Теперь-то я понимаю, но тогда, увидев вас в столь короткой одежде, был ошеломлён. Ведь даже девицы из кабаков, выходя на улицу, надевают длинные платья.

– Я представляю, – улыбнулась Софья, – но в наше время одежду носят и намного короче. По меркам двадцать первого столетия я сегодня одета очень строго. Я возвращалась с работы, когда со мной всё приключилось. Вот смотрите, – Софья вынула из пакета мини-журнал «Космополитен», – пожалуйста, полистайте, и будете иметь хоть какое-то представление о моде моего времени.

– Чуть позже, – князь отложил журнал в сторону. – Милейшая Софья, вы моя гостя и позвольте пригласить вас разделить со мной вечернюю трапезу. Если вас не затруднит, накройте, будьте любезны, на стол. Скатерть и приборы в шкафу, вот здесь. А я скоро буду.

Дмитрий удалился, а Софья накрыла стол белоснежной льняной скатертью, разложила столовые приборы для двоих и принесла из кухни блюда и тарелки с продуктами, что приготовила ранее. Всё аккуратно расставила, водрузила серебряный подсвечник в центре стола и розожгла свечи.

Открылась дверь, и вошёл Степан с корзиной в руках.

– Превосходно! – похвалил Дмитрий, входя следом. – А вот и шампанское, возьми-ка два бокала.

Софья поставила на стол два великолепных хрустальных бокала.

– Окорок из нашей копильни, фрукты из сада, – перечислял он, – и шоколад. Минутку...

Дмитрий снова вышел за дверь, но через мгновение вернулся. В руках он держал чудесные белые розы, источающие нежнейший аромат и покрытые капельками росы.

– С днем рождения, Софья, – сказал он, улыбаясь.

– Боже! Какое чудо – белые розы! – восторженно, но тихо промолвила девушка, зарывшись лицом в букет. Затем, в порыве благодарности, привстала на цыпочки и, обняв одной рукой за шею, поцеловала Дмитрия в щеку. – Спасибо.

Дмитрий смущённо улыбнулся.

– У вас так принято?

– Что именно? – не поняла Софья.

– Вы так легко и свободно поцеловали меня, как будто мы сто лет знакомы. У нас допустимо поцеловать только руку даме, если она не близкая родственница. А если поблагодарить желает дама, то любезно сама подаст руку для поцелуя.

– Ах, да. Извините, – смутилась девушка. – Конечно же, я помню все тонкости этикета вашего времени, но по привычке поступаю, как у себя дома.

– В вашем времени другие правила этикета?

– Да они изменились. Руку целуют на официальных приемах дамам, желая выразить особое расположение. А иногда для прикола, если молодой человек стесняется признаться в своих чувствах, но хочет каким-то образом выразить своё расположение.

– Не понял, как, для прикола?

– Это наше современное выражение, заменяющее слово шутка.

– А как же в других случаях?

– Да по-разному. Но более свободно, чем сейчас. К примеру: молодёжь выражает свои эмоции, как только что сделала я. Вас шокируют подобные действия?

– Шокирует? Данное слово имеет значение поражать?

– Да, ты быстро усваиваешь нашу терминологию.

– В таком случае, немножко есть, – улыбнулся князь, и, подумав, пояснил: – Видите ли, подобная близость и лёгкость в обращении, вызывают определённые чувства между мужчиной и женщиной. Ваши мужчины не требуют чего-то большего после «дружеских поцелуев» в первый день знакомства?

– Нет, они привыкли. У нас все, кто симпатизируют друг другу, так поступают. А если девушка и парень знакомы давно, они могут легко подружески поцеловаться и в губы.

– Я бы не смог жить в вашем времени.

– Ты бы привык, как и все. Я тебе скажу больше, но пусть тебя это не шокирует; у нас, если влюблённые имеют очень близкие отношения до свадьбы, их уже не осуждают, как в ваше время.

– А если они не поженятся, к примеру, разонравятся друг другу или родители не позволяют?

– Ничего страшного – встретят другую любовь. А родители, как правило, не запрещают влюблённым сочетаться браком. Бывают, конечно, исключения, но в основном – так.

Софья взглянула на ошеломлённого князя.

– О, Господи, – улыбнулась она, – для тебя же все мои доводы выглядят аморально и непристойно. Но нравы в обществе формировались не год и не десять лет. Отношения между людьми складывались многими десятилетиями и столетиями. Конечно, с точки зрения христианства связь между мужчиной и женщиной моего времени порочна и не правильна – я согласна. Видишь ли, образование у нас получают одинаковое – и юноши, и девушки. Здесь действуют многие жизненные аспекты.

И если ребёнок с рождения вырастает в определенной среде, то он и взрослеет с ней, для него это норма. Но правила этикета у нас так же существуют, так же есть понятие о чести, долге, порядочности. Просто молодёжь у нас несколько более раскована.

– Несколько?

– Дмитрий, не судите слишком строго. Ведь те юноши, что на меня напали в парке, у них, как я думаю, были не благие намерения.

Дмитрий подошёл к столу, откупорил бутылку с шампанским и разлил его по бокалам.

– С днем рождения, Софья. – Они подняли бокалы и пригубили игристое вино...

– Настоящее французское? – спросила Софья, взглянув на бутылку.

– А разве бывает другое?

– У нас – да. Но самым ценным так и осталось французское. В наше время оно очень дорогое.

Князь внимательно наблюдал за Софьей.

– У нас с тобой тоже могут быть свободные отношения, – насмелившись, спросил он. И добавил: – Близкие?

– Я не давала тебе повода, – строго посмотрев на него, сказала Софья. – Прежде всего, даже в наше время, подобные отношения случаются, если люди любят друг друга. А если предложение поступает произвольно без любви, то оно расценивается, как оскорбление. Я вам говорила о любви, а не о распущенности, «ваша светлость», – не удержалась девушка от иронии.

– Прошу, простите меня, – покаянно произнёс Дмитрий, – в мои намерения не входило обидеть вас.

– Дмитрий, давайте перейдём на «ТЫ», а то мы скачем с ты на вы, как-то неудобно.

– Буду рад, Софья. А к какому роду ты принадлежишь?

– Не знаю. После революции все титулы, знатное происхождение – всё упразднилось, отошло на задний план. Многие имения были разрушены. Но сейчас, спустя много лет, люди решили возвратиться к своим корням, восстановить разрушенное. А семьдесят с лишним лет о наследстве и родословии даже никто не думал. По выражению твоего лица предвижу следующий вопрос: нет, революция произойдёт только через сто с лишним лет. Для вас ещё не скоро.

– Софья, если не трудно, расскажи мне о будущем.

И девушка в течение часа за ужином кратко излагала историю от войны 1812 года до наших дней.

– Значит, и у нас скоро будет война с Наполеоном? – задумчиво произнёс Дмитрий. – А мы надеялись избежать её.

– Да, но не так долго и не такая страшная, как вторая мировая. Господи, что же я говорю, – одёрнула она себя, – все войны страшны. Это всегда потери, разруха, голод. Особенно для простого народа. Даже перестройка в моё время принесла нищету, горе и нестабильность.

В дверь постучали, и вошёл Степан.

– Ваша светлость, вода согрелась, и вы просили согреть чайник, вот возьмите.

– Спасибо, Степан, – Дмитрий взял чайник и вежливо напомнил: – Будь добр, наполни ванну, что за кухней, горячей водой.

– Будет сделано, ваша светлость, – поклонился Степан и вышел.

Дмитрий взял в руки журнал «Космополитен».

– Добротная бумага, – похвалил он.

Софья же всё внимание сосредоточила на выражении лица князя. Почти на каждой странице была реклама той или иной продукции. Вдруг лёгкая краска покрыла лицо мужчины. Девушка подошла сзади к его стулу и через плечо Дмитрия заглянула в журнал. На развёрнутой страничке рекламировался гель от VICHY для тела, а рекламу сопровождало фото красивой женской попки и ног. Дмитрий поспешно перевернул страницу.

– Дима, ты привыкнешь, все наши журналы пестрят подобными рекламами.

На другой странице была изображена бегущая девушка в лосинах и майке топ. Ещё на следующей – модели рекламировали нижнее бельё. Дмитрий закрыл журнал.

– Если ты не возражаешь, я посмотрю его позже один.

– Как пожелаешь.

Где-то хлопнула дверь, и что-то загремело. Софья вопросительно посмотрела на Дмитрия.

– Степан принёс горячую воду для ванной, – пояснил Дмитрий, – ты же хотела помыться?

– Да, с удовольствием, а где он грел воду?

– В своём домике, чтобы здесь не разжигать печь.

– А вода в колодце?

– Да, а где же ещё?

Софья встала, окинула взглядом стол и, собрав тарелки, понесла на кухню.

– Зачем? – изумился Дмитрий. – Степан всё уберет – ты же моя гостья.

– Вот поэтому, – назидательно произнесла Софья, – произошла, вернее, произойдёт революция.

– Почему? Из-за уборки посуды?

– Из-за эксплуатации человека человеком. Степан – пожилой человек. Он трудился сегодня целый день, возил вас, как я понимаю. Сейчас,

вместо того чтобы отдохнуть, он истопил печь, наносил воды, нагрел её. И ещё он должен заняться уборкой со стола? Дмитрий, мне не трудно помыть посуду. В моём времени люди всё для себя делают сами. Предвидя вопрос, отвечаю; конечно же, есть и такие, кто нанимает горничных, повара. Но прислуга отрабатывает положенные ей часы, а остальное время, если есть необходимость, каждый человек обслуживает себя сам.

– А почему у вас прислуга работает по часам? Мы своей даём только выходные.

– У нас не слуги, а наёмный рабочий персонал. За труд они получают заработную плату и хорошую. Если же прислуге что-то не нравится, она вправе уволиться и найти другую работу.

– Да, дела... – только и промолвил князь.

Софья унесла грязную посуду и остатки продуктов на кухню. Взяла изумительной работы фарфоровый чайник с кипятком, что принёс Степан, и разлила по чашечкам, предварительно положив туда пакетики с чаем, что были у неё с собой.

– Тебе сахар положить или ты сам? – с иронией спросила Софья.

– Я сам, – проворчал Дмитрий, помешивая ложечкой в чашке. Затем сказал, попробовав рулет: – Очень вкусно, спасибо.

– Дмитрий, у тебя найдётся халат? – осмелилась поинтересоваться Софья после чаепития.

Пока он отсутствовал, девушка убрала со стола и уже домывала на кухне посуду. Князь появился в дверях с шёлковым халатом, перекинутым через руку, льняным полотенцем и тапочками.

– Такой подойдёт? – спросил он.

– О, какой красивый халат и тапочки! – восхитилась Софья. – Спасибо, ты можешь идти, я помоюсь и приду.

– Странная ты, – задумчиво глядя на неё, сказал он, – то отчитываешь меня и готова делать всё, как служанка, то отстаиваешь свою честь, с высокомерием царицы, а то радуешься простому халату, как маленькая девочка.

– Я – искренняя, – улыбнувшись, ответила Софья и закрыла за собой дверь.

Помывшись, девушка вытерлась льняным полотенцем и надела халат, который был ей очень длинным. Чтобы не запнуться, она подняла полы халата и подпоясала.

– Как маленький Мук, – засмеялась Софья, увидев своё отражение в зеркале.

Она обернула голову полотенцем и, сжимая полы халата на груди, вошла в гостиную.

– У тебя не найдётся булавки?

– Ты красива даже в халате, – сказал Дмитрий. – А без краски выглядишь очень юной.

Пока Софья принимала ванну, князь так же переоделся в домашнюю одежду. Он отвернул воротник своего халата и, отстегнув с изнаночной стороны припрятанную булавку, подал Софье.

– Я здесь немного просмотрел и почитал... – неуверенно начал он, – правила правописания немного отличаются от наших.

– Да, изъяли из правописания твёрдый знак в конце слов после согласной и букву «и» с точкой так же изъяли.

– Верно. Но я хотел сказать о другом. Здесь ведут беседы с мужчинами и женщинами, и они отвечают на невозможно постыдные вопросы. Неужели журнал свободно продаётся? Верх безнравственности! – возмутился Дмитрий.

– Как на данную проблему смотрит священство?

– Отрицательно. И я с тобой согласна, что о некоторых вещах нельзя писать столь откровенно, а тем более выносить на всеобщее обсуждение. Но как видишь... – Софья развела руки, – моего мнения никто не спрашивал.

– А... купальники? Вы что купаетесь почти без одежды? Обнажёнными?

– Да, к этому давно привыкли.

– Но как? И вы не стыдитесь друг друга? Ты тоже так купалась?

– Дмитрий, возьми, к примеру, папуасов. Они с рождения ходят обнажёнными и даже не замечают своей наготы. Так и у нас, если все одеты в короткие юбки или шорты, а ноги у всех открыты, к этому просто привыкаешь.

– Я никогда не привыкну, – произнёс поражённый князь.

Софья присела рядом на софу.

– Мне очень жаль, но мода менялась веками, а не за один день. И ещё мне очень хотелось бы, чтобы ты побывал в нашем времени. Ведь я должна найти ту дверь, чтобы вернуться к себе. Завтра и послезавтра у меня выходной, но в понедельник – на работу. Ты сможешь мне?

– Разумеется, я помогу тебе, – охотно согласился он.

Софья взяла из своего пакета крем для лица, для рук и для ног. Подруги по работе надарили ей сегодня множество различных баночек, тюбиков, бутылочек с кремами и лосьонами. Софья отвернула крышечку с баночки и, глядя в зеркальце, нанесла крем на лицо ровными похлопываниями, равномерно распределяя его. Затем ту же процедуру произвела с руками. Но когда она нанесла крем на стопы и стала втирать его, массируя ноги, взгляд её случайно упал на Дмитрия. Он пристально смотрел на неё со странным выражением в глазах.

– Извини, пожалуйста, – смутившись, сказала Софья, – так тоже нельзя? Я что-то неправильно сделала?

– Нет, но наши дамы наносят крема в опочивальне.

– Видишь ли, я после ванны всегда пользуюсь кремом, но ты не предложил мне ещё комнаты.

– Ах да – моё упущение. Прости.

Он встал, приглашая Софью пройти с ним.

– Надеюсь, комната тебе понравится?

Светлая просторная комната была обита голубым шёлком. Окна закрывали тончайший тюль и шторы, чуть насыщеннее, чем драпировка стен. В центре комнаты стояла широкая кровать с резными спинками. Над

кроватью мягкими складками спадал балдахин из той же ткани, что и шторы. В углу комнаты находилось очаровательное трюмо, а возле него резной стульчик. На полу лежал толстый пушистый ковёр.

– Здесь очень красиво! – восхитилась Софья. – Но можно я пока побуду в библиотеке, я не привыкла так рано ложиться спать.

– Да, конечно, прошу, – учтиво склонился князь, – а я пока приму ванну.

Софья прошла в библиотеку, зажгла свечи на большом серебряном подсвечнике и осмотрелась. Огромные стеллажи с книгами располагались вдоль стен. Параллельно им в несколько рядов занимали большое пространство стеллажи, к которым можно было подойти с двух сторон. У окна находился массивный письменный стол, а в углу, удалённом от книг, был выложен и отделан мрамором камин. Софья когда-то читала заметки Теофиля Готье о том, что в России дворянские особняки поражали своим богатством и великолепием. Он писал, что гостиные были такими просторными, что во Франции, к примеру, на той же площади могли разместить несколько комнат в два этажа. Ещё он отмечал, что гостиница «Россия», расположенная на углу Михайловской площади, рядом с Невским проспектом, была величиной с Лувр.

Софья прошла вдоль стеллажей с книгами и взяла одну из них. Раскрыв книгу, она увлеклась содержанием и некоторое время читала, стоя у стеллажа. Но вскоре продрогла и, взяв свечу, прошла к камину. В нём кем-то предусмотрительно были сложены дрова для растопки. Софья от свечи подошла лучину и поднесла к дровам. Через некоторое время дрова весело затрещали, отдавая тепло окружающему пространству. Девушка пододвинула кресло к камину, поставила свечу на каминную полку, и забралась с ногами в кресло. Уютно устроившись, принялась просматривать книгу. Но мысли её вернулись к Дмитрию. Странность всего случившегося, шокировала, но она смирилась с фактом и ждала, к чему приведёт это приключение.

Даже по самым высоким меркам XXI века, Дмитрий был очень привлекательным и интересным мужчиной. Высокий рост, широкие плечи, стройные крепкие ноги, узкие бедра – всё как в любом женском романе, весь джентльменский набор. Да, в общем-то, и черты лица не подкачали: высокий лоб, тёмные изогнутые брови. Вот цвет глаз она не разобрала. Нос прямой, рот красивой формы и чётко очерчен волевой квадратный подбородок. Такие данные внешности, как говорили классики, определяли *породу*! И волосы! Волосы у него густые тёмно-русые средней длины и лежали мягкой волной, к которой так и тянуло дотронуться. Странно, он же физически не работает, отчего тогда такая мощная фигура? От рождения что ли? Не бывает. В наше время, кто хочет красивую фигуру, должен не вылезать из спортзалов.

Хотя, что это она? Ведь дворяне XVII – XVIII веков обязаны были делать карьеру на военной службе. Указ Петра III, а позднее и Екатерины II, гласил: «Дворян, не дослужившихся до обер-офицерского чина, прежде двенадцати лет службы в отставку не увольнять». Вот так-то! А военная служба – это

фехтование, верховая езда и ежедневная муштра. Вот тебе и фигура. А образование у русского дворянства всегда было на высоте. Тот же Готье отмечал, что русские – самый читающий народ. Софья оглядела обширнейшую библиотеку – впечатляет.

Затем она уютнее устроилась в кресле, подложив под голову маленькую подушечку, и мечтательно прикрыла глаза. За размышлениями девушка не заметила, как её сморил сон.

Дмитрий осторожно открыл дверь и вошёл в библиотеку. Дрова в камине почти прогорели и помимо свечи красноватыми бликами мягко освещали кабинет. Князь, бесшумно ступая по мягкому ковру, подошёл и присел на корточки перед креслом, в котором безмятежно спала «то ли девушка, а то ли виденьё». Софья во сне расслабилась и была дивно хороша. Её каштановые волосы упали на лицо, и он осторожно убрал их. Странно, волосы неодинаковой длины. И почему-то она носит их неприбранными. Наверное, без горничной не может уложить. Дмитрий улыбнулся. А говорит: всё сама, сама. Хотя камин всё же разожгла! Такая маленькая, упорная, неугомонная, как пчелка. Возникает ощущение, что эта девушка постоянно куда-то спешит. А куда спешить-то? Всему своё время. Вот именно – своё время! А она, выходит по всему, из далёкого будущего. Стоп! Может это козни нечистого? На нашей Святой Руси чего только, и каких только чудес не бывало! Дмитрий перекрестился и прочёл молитву Животворящему Кресту. Ничего! Осенил Софью крестным знамением – спит, как и спала. Значит, живая душа, родная.

Халатик у неё слегка распахнулся, приоткрывая подогнутые колени. Неужели они там у себя носят платья, открывая ноги – вот так, выше коленей? У них мужчины что, евнухи? И Дмитрий поспешил осторожно прикрыть ей ноги, почувствовав, что поступает неблагородно, рассматривая спящую беззащитную девушку.

Но от его прикосновения Софья проснулась и открыла глаза. В первое мгновение она вздрогнула от испуга, увидев перед собой незнакомого человека. Но вот осознание происходящего вернулось, и она улыбнулась.

– Прости, я напугал тебя, – прошептал князь, беря её руку и поднося к губам.

Софью вдруг охватило волнение, в горле пересохло, и сердце гулко застучало. Видимо, это от полумрака в комнате, подумала она. А может от свечей, бросающих таинственные тени от предметов и прячущиеся по углам. А может... его губы? Такие горячие и мягкие. Пальцы слегка задрожали, и она попыталась отнять у него руку. Но Дмитрий задержал её.

– Какие необычные у тебя ногти, разве у людей такие бывают?

– Это маникюр. У нас есть парикмахерские, где делают причёски, стрижки.

– Цирюльня по-нашему.

– Верно. А специальный мастер обрабатывает ногти, даже может нарастить их искусственным материалом. Затем цветным лаком наносит рисунки. Обработку ногтей на руках называют маникюр, а на ногах – педикюр.

– У тебя и на ногах так?

– Нет, – улыбнулась Софья, – на ногах проще.

Она осторожно распрямила ноги, предоставив его взгляду аккуратные ноготки, покрытые нежно-розовым лаком.

– Мило, – согласился Дмитрий, – но для чего? Ноги-то всегда закрыты.

– У вас – да. А в нашем времени летняя обувь очень открыта и называется босоножки.

– Босоножки, – повторил он, растягивая и обдумывая слово, – верное название.

– Дмитрий, давай поговорим об этом завтра. Я что-то очень хочу спать.

4

Софья проснулась, когда солнце стояло уже высоко, и золотистые блики проникали в спальню. Сладко потянувшись, она села в кровати. Опустив ноги на мягкий ковёр и сунув их в тапочки, встала. Накинув на себя халат, спустилась вниз. Никого. Прошла на кухню. От печи шло приятное тепло, и на самом её краю в баке стояла уже согретая вода. Но Софья подошла к умывальнику и умылась холодной водой. В дверь, идущую на кухню с внутреннего двора, вошёл Степан.

– Доброе утро, барышня, – поклонился он, – а я всё дожидался, когда же вы проснётесь. Дмитрий Николаевич ещё до свету удалились в Петербург, и велели согреть вам воды и приготовить завтрак.

– А когда он вернётся?

– Дак ить, скоро будут. Сказали-с, что к обеду возвратятся. А вы, барышня, откушайте. Для завтраку, оно-то, уже поздновато. Но не голодать же, – развел руками Степан.

– Спасибо, Степан, – мягко сказала Софья. – А ты садись со мной. Вместе позавтракаем.

Мужичок удивлённо взглянул на неё и замахал руками:

– Да нешто можно нам с господами-то за стол садиться? Что вы, что вы, барышня, благодарствуем сердечно. Да и ел я. – Он неуверенно глянул на Софью и, решившись, спросил: – А верно, барышня, что вы вчерась обо мне сжалились? – И заметив улыбку на лице девушки, расплылся щербатым ртом: – Премного благодарен, барышня.

И Степан низко поклонился.

– Ну, что ты, Степан, мне совсем не трудно было, – промолвила Софья, – перестань кланяться, ты же пожилой человек. И спасибо тебе за услуги.

Девушка направилась к столу, где для неё был приготовлен завтрак, и не заметила поражённое и удивлённое лицо старика. Позавтракав, она уже было принялась убирать со стола, как вдруг дверь со стороны гостиной открылась, и вошел Дмитрий с коробками и свертками. Лицо его размялилось от быстрой скачки и глаза светились весельем. Надо же, они у него карие с золотистым оттенком. Такой же насыщенный цвет, как... виски! Точно! Как виски.

– Ты уже позавтракала? Очень хорошо, – прямо с порога быстро заговорил Дмитрий, – я предполагал, что ты проспишь сегодня подольше, и просил Степана не будить тебя, а завтрак держать подогретым.

– Спасибо, я давно не чувствовала себя такой отдохнувшей и свежей. Мы живём в бешеном ритме, и все куда-то спешат. А здесь, – Софья развела руками, – тишь да гладь, да Божья благодать.

– Я рад, что ты отдохнула. А сейчас пойди, переоденься, – он подал ей коробки и свёртки.

– А во что же я переоденусь? У меня только то, что на мне.

– Здесь всё необходимое, – указал Дмитрий на свертки, – надень амазонку, поедем кататься.

– Но я не умею! Я в жизни не ездила верхом.

– Пойдём, – нетерпеливо проговорил он и, взяв Софью за руку, повёл в комнату.

Полная любопытства, как и всякая нормальная женщина, Софья очень хотела взглянуть на наряды, что таились в свертках. Поднявшись в её спальню, Дмитрий бросил свёртки на кровать и распечатал бумагу. Софья просто ахнула! На кровать легли: голубое бальное платье, а к нему небесно-синий плащ, туфли и шляпка. Затем зелёная бархатная амазонка, к которой так же прилагались плащ, шляпка и сапожки.

– Какая красота! Но как ты узнал мои размеры и где ты всё взял?

– Я взял с собой твои сапожки, по ним и подобрал нужный размер, а платье и всё остальное купил у модистки, услугами которой пользуюсь сам. Я сказал ей, что для кузины. А всё остальное выбрал из готовой одежды то, что, на мой взгляд, должно было подойти тебе. Это было легко, прости, но твоя одежда совсем не скрывает фигуры.

– А здесь что? – поинтересовалась девушка по поводу нераспечатанного пакета.

– Здесь нижнее бельё, – сказал Дмитрий, отвернувшись, – его подобрала модистка, после того как я купил платья.

– Мне, правда, надеть амазонку? – смущаясь, спросила Софья. – Но здесь столько застежек сзади, как же я...

– Я как-то не подумал, – Князь потер пальцами подбородок. – Все горничные вместе с матушкой переехали в город... хорошо, я найду тебе горничную. Да и не подобает, когда в доме одинокого холостого мужчины, живёт молодая красивая особа без компаньонки.

– Дима, ты просто постой за дверью, а я, если что-то не смогу застегнуть, позову тебя, хорошо?

– К вашим услугам, мадам, – улыбнулся он, в который раз удивляясь её непосредственности, и вышел.

Но Софья сама справилась со всеми крючками, только надела не корсет, а своё привычное бельё. Волосы зачесала кверху и закрепила заколками.

– Сударь, можете войти, – громко сказала она.

Он вошёл и замер.

– Ты великолепна! – наконец-то промолвил Дмитрий.

Девушке приятно было слышать комплимент от него, и она слегка раскраснелась.

– Я думал, что без горничной ты не можешь уложить волосы.

– Ну, почему же? Просто у нас модно носить их распущенными. Мои ещё средней длины – всё же ниже плеч. А девушки делают очень модные стрижки, намного короче, чем у тебя.

– Боже, стригутся? Барышни? – удивился он. – Хотя, да. Я помню в твоём журнале. Ещё хотел спросить... ну да ладно обсудим это позже. Ты готова? – И подав ей руку, вышел во двор.

Из конюшни Степан вывел двух лошадей. Одна из них была осёдлана дамским седлом.

– Я так боюсь, – сказала Софья, взяв его под руку, – я ещё ни разу в жизни, даже близко к лошади не подходила. А тем более не ездила верхом.

– У вас, что же лошади перевелись? А на чём вы ездите?

– Нет, они существуют для развлечений. Например, конные бега или что-то подобное. Некоторые очень состоятельные люди держат конезаводы, но повторюсь, только как увлечение, хобби.

– А как же вы передвигаетесь на большие расстояния?

– Для этого изобрели машины.

– Хотелось бы посмотреть.

– Может, и увидишь, если сможешь мне отыскать тоннель во времени.

– Я приказал Степану оседлать для тебя лошадку, – вместо ответа сказал Дмитрий, – она немолодая и смиренная. Подходи, не бойся.

– А как я на неё заберусь?

Вместо ответа князь обхватил Софью за талию и, легко подняв, посадил в седло. Она только ахнула.

– А почему ты не надела корсет? – спросил он, беря под уздцы лошадь.

– А как бы я его зашнуровала? – усмехнувшись, ответила девушка. Дмитрий только искоса взглянул на неё, поняв, что сказал неподобающее.

– Держи спину прямо, ноги – вот так, – давал он указания. Взял лошадь за удила и провёл по двору.

Вначале Софья опасалась и была напряжена, но лошадь, осторожно ступая, смиренно шла за Дмитрием. Он объяснил, как управлять самостоятельно, и примерно через час девушка легко могла проехать по двору.

– Ну вот, видишь, как славно у тебя выходит. А теперь, не спеша, проедем к месту нашей первой встречи.

Софье очень понравилась прогулка верхом по осеннему лесу. Восхитительно чистый и прозрачный воздух пьянил её. Она ощущала себя знатной дамой в обществе князя. Настоящего князя! Да ещё такого красавца. Украдкой посматривая в его сторону, девушка отметила, сколько благородства и достоинства было в нём. Дмитрий, по всей видимости, относился к обществу англоманов. В конце XVIII – начале XIX веков петербургское общество молодых дворян разделилось на два лагеря –

галломанов и англоманов. Первые во всём следовали французской моде, говорили исключительно по-французски, товарами пользовались из модных французских лавок и даже поваров выписывали из Франции. Манеры их отличались изысканной вежливостью, а беседы лёгкостью и приятным остроумием.

Англomаны же, напротив, и в разговорах, и в одежде были подчёркнуто, сдержанны, старались на манер англичан казаться флегматично-ироничными скептиками и разочарованными денди. Каждый норовил хоть чем-нибудь отличаться от других.

И хотя Софья знала Дмитрия всего ничего, но во всём его облике замечала лениво-высокомерную манеру держаться. Даже сейчас, сидя верхом на коне, князь выглядел царственно-спокойным и самоуверенным. А девушке в нём это очень нравилось. Но вчера вечером под внешним спокойствием и надменностью Софья заметила огонь в его глазах. И ей вдруг очень захотелось, чтобы этот самоуверенный красавец влюбился в неё до безумия, до потери сознания, а не просто бы был уважительно-пренебрежительным.

Дмитрий же краем глаза наблюдал за Софьей. Как принцесса, думалось ему. Изящная, стройная – определённо в ней есть порода. Ей даже корсет не понадобился, чтобы надеть амазонку. Корсеты в то время надевались дамами, чтобы затянуть стан, и верхняя одежда смотрелась бы изящно. Иначе у многих из них платья не сошли бы в талии. А у Софьи от природы очень тонкая фигурка. Неожиданное волнение охватило князя недавно, когда он решил посадить её на лошадь. Дмитрий был не готов к тому, что ощутит под амазонкой не жёсткий корсет, а мягкость и нежность стройного тела. Незаметно он продолжал наблюдение: упрямо-вздёрнутый носик над по-детски припухлым ртом говорил о вздорности и упрямстве нрава. Он помнил, как Софья вчера отстаивала свою честь, и ему импонировало упорство в её характере.

– Софья, – обратился он к ней, – кажется, вчера это случилось здесь.

– Да, возможно, – ответила девушка, оглядывая незнакомый лес.

Дмитрий соскочил с коня и подошёл к Софье, чтобы помочь спуститься на землю, заранее предвкушая заключить её в объятия.

Он обхватил талию девушки широкими ладонями, и она, доверяясь, подалась вперёд и наклонилась. Дмитрий нарочито медленно опускал её, глядя в глаза. Софья же растерялась, не зная, что предпринять, но руки сами обхватили его. Казалось, что они существуют независимо и действуют вопреки своей хозяйке. И в самом деле, она не может всего на второй день знакомства обнимать чужого, хоть и понравившегося мужчину. Но эти руки!!! Они крепко обвили его шею, глаза утонули в глазах, цвета виски... Она уже чувствовала на губах горячее дыхание... Но где-то у самого уха громко заржала лошадь. Софья вздрогнула, словно ушат холодной воды окатил её, и оттолкнула Дмитрия, вырываясь из объятий. Густая краска волной залила лицо, уши и шею.

– Извините, – глухо пробормотал князь, – я не должен был. Простите меня, Софья.

Но она, ещё не придя в себя, спотыкаясь, побрела прочь между деревьями.

– Соня, вы идёте не туда, вы вчера выбежали вон с той стороны.

Софья развернулась и пошла в указанном направлении. Дмитрий пошёл следом, ведя на поводу лошадей. Достаточно отойдя от дороги, он привязал их к дереву и догнал Софью. Взял её под руку и повернул к себе.

– Софья, простите меня, – покаянно произнёс князь, – я вёл себя недостойно. Мне не хочется потерять вашу дружбу, которая только начала завязываться между нами. Я вижу, что вы обижены, простите меня и, если возможно, верните своё расположение.

Столь искреннее раскаяние тронуло девичье сердце, она успокоилась и улыбнулась.

– Я не сержусь, Дмитрий, – сказала она и, отведя глаза, добавила: – Мне тоже неловко, что я чуть не потеряла голову.

И чтобы снова не раствориться в чувствах, которые князь вызывал в ней, она быстро отвернулась и зашагала дальше.

– Пойдём же, Дмитрий. Нам надо найти потайной ход во времени, он где-то здесь.

Они продвигались не спеша, внимательно всматриваясь в опавшую листву.

– Смотри! – окликнула вдруг Софья. – Вот авторучка. Она выпала из сумочки, когда я здесь чуть не растянулась, зацепившись за корень.

– Чуть не растянулась? – улыбнулся он.

– У нас так говорят, то есть чуть не упала во весь рост. Ищи в листве круглый плоский предмет, он похож на монету.

– Софья, это он?

– Да! – обрадовалась девушка. – Где-то здесь должен быть проход.

Они ходили по кругу очень долго, вдоль и поперёк истоптали площадку в диаметре двадцати метров, но всё напрасно.

– Дмитрий, что же будет? – вопрошала Софья со слезами на глазах. – Как же я вернусь домой? Ведь в понедельник мне на работу.

– Не волнуйся, мы найдем твой лаз.

– А если он закрылся?

– Не думай об этом, всё будет хорошо. Вот увидишь, – успокаивал её князь, – может, мы что-то не так делаем, давай вернёмся домой, пообедаем, и ты мне всё подробно ещё раз расскажешь.

5

– Софья, мы с тобой сегодня едем на бал.

– На бал? Но меня туда никто не приглашал, – удивилась девушка.

– Я приглашён и приглашаю тебя.

– Но, Дмитрий, как я... в качестве кого ты меня представишь?

– Мы заедем в наш городской дом, и я представлю тебя матушке с отцом, как сестру моего друга.

– А это удобно? Что ты скажешь, почему я одна без сопровождения?

– Мы скажем, что ты из Москвы. Друг мой москвич.
– Но мне так страшно знакомиться с твоими родителями, вдруг я им не понравлюсь.

Дмитрий улыбнулся.

– Я думаю, ты не можешь не понравиться.

В дверь постучали, и вошёл Степан.

– Ваша светлость, – обратился он к князю, – пришла Анна, мельникова дочка.

– Хорошо, зови.

Вошла светло-русая девушка лет двадцати. Она поклонилась и стояла, опустив голову.

– Анна, – строго сказал Дмитрий, обращаясь к ней, – барышне нужна служанка и горничная. Матушка сказывала, что ты была у неё в услужении в моё отсутствие. Сможешь ли прислуживать?

– Да, ваша светлость, – смиренно ответила девушка.

– Вот и хорошо, помоги барышне одеться к балу.

Софья приняла ванну, высушила волосы, и Анна сделала ей завивку щипцами, которые постоянно приходилось подогревать на плите. При помощи заколок и лака, что был в числе подарков, девушки соорудили красивую причёску по моде того времени. Анна помогла Софье надеть и зашнуровать корсет, а поверх него голубое бальное платье, которое выгодно подчёркивало синеву глаз Софьи. Из украшений на ней была золотая цепочка с крестиком, и змейка со стразами. В ушах и на пальце красовался гарнитур с бриллиантами, подаренный Сергеем к свадьбе. Лак для волос, естественно, привёл Анну в недоумение, а также длинные ногти с красивым узором. Софья, не вдаваясь в подробности, объяснила, что в Москве в лавках появился новомодный товар из Парижа и мода на цветные ногти.

– Чего только кудесники не выдумают, – сказала Анна, – но уж больно длинные ногти у барышни, это ж можно себя так невзначай поцарапать, а то и ещё кого.

– Не беспокойся, Аня, я уже привыкла и для других мои ногти не представляют опасности.

Софья обулась в новые сапожки и захватила с собой голубые шёлковые бальные туфельки. Поверх платья накинула синий бархатный плащ с капюшоном. Но шляпку одевать не стала, чтобы не испортить причёску.

– При дворе нет никого прекрасней! – восхищённо произнёс Дмитрий.
– Ты сегодня произведёшь фурор.

Внимательно оглядел девушку и добавил:

– И драгоценностей более чем достаточно. Не люблю излишеств в украшениях, как это у любителей всего французского.

– Да я заметила, что ты англоман, – улыбнулась Софья.

– А тебе по нраву галломаны?

– Нет, мне по вкусу более сдержанные и строгие наряды, – ответила Софья.

– Я рад, что наши вкусы сходятся. Прошу к экипажу, нам пора.

Карета, ожидавшая пассажиров у парадного входа, выглядела намного роскошнее прежнего открытого экипажа. Князь галантно помог девушке устроиться на мягком сиденье, а сам сел напротив. Дмитрий опасался, что ему будет трудно сдерживать свои эмоции, если он снова окажется рядом с девушкой бок о бок.

Садясь в экипаж, Софья высокомерно приподняла пышные юбки, и Дмитрию открылись её стройные ноги до колен. Чуть позже, когда карета уже катила по дороге в Петербург, он спросил, отведя взгляд в окно:

– Прошу простить меня за нескромность, но почему ты без чулок? Модистка по моей просьбе должна была положить в пакет.

– На мне есть чулки, – взглянув на него, ответила Софья, – только у нас они называются колготы. Вот смотри, – и, приподняв юбку совсем чуть-чуть, чтобы ещё больше не шокировать его, слегка оттянула тонкую лайкру двумя пальцами. Когда же её отпустила, лайкра с лёгким хлопком прилегла к ноге.

– Как вторая кожа, – изумился князь, – на ноге даже незаметно. А в них не холодно?

– Так же, как и в обычных чулках, только совершенно отсутствует риск, что они могут соскользнуть с ноги.

– Однако постарайся, пожалуйста, не так высоко поднимать юбку, когда выходишь или садишься в карету. Я прощаю тебе подобные промахи и знаю, что ты не привычна к нашим современным нарядам, но общество осудит.

– Благодарю за совет, ваша светлость, – кокетливо улыбнулась девушка, – учту ваши замечания. – И помолчав, серьёзно сказала: – Наверное, при дворе, да и у тебя дома, будет лучше, если мы снова перейдем на «вы».

– Я согласен, но только если данный факт не обидит тебя.

– Ну что ты, Дмитрий, я ведь тоже боюсь, что моя речь может выдать меня.

– У тебя красивая речь, но несколько отличается от принятой. Просто следи, чтобы не произносить новых неизвестных слов для нашего времени.

– Я постараюсь. Ну, а если кто-то что-то заметит, скажу, что в Москве так нынче модно, – произнесла Софья, надменно подняв нос кверху, что Дмитрия развеселило.

– Ты – чудо!

В этот момент колесо кареты попало в ямку, карету тряхнуло, и она, сильно качнувшись, притормозила. А так как Софья сидела лицом вперёд, то по инерции полетела прямо на Дмитрия. Если бы князь не подхватил её, то девушка упала бы прямо на пол кареты. Софья уткнулась лицом ему в грудь и почувствовала гулкие удары сердца. Дмитрий приподнял её и посадил рядом. Обхватив рукой тонкий стан, медленно прижал девушку к себе. Сердце у неё забило, как птичка в клетке. Его горячее дыхание согревало и щекотало щеку, чуть шевеля, локоны на виске. Голова у Софьи закружилась, а руки и ноги, словно оцепенели.

– Как хорошо, что на тебе корсет, – прошептал он, – иначе мне было бы трудно сдерживать себя.

– Да? – рассеяно спросила она, приподняв к нему лицо.

В вечернем сумраке глаза их встретились, и... она не смогла отвести взгляд. Дмитрий чуть склонил голову и губами коснулся её легко-легко, как бы спрашивая разрешения. Софья же приоткрыла рот и ласкающим движением легко поцеловала его, ещё раз повторив движение. Дмитрий замер лишь на одно мгновение, удивляясь такому поцелую, но тут же подключился, отвечая, и перехватил инициативу.

– Софья, Сонечка, – страстно шептал он, когда девушка спрятала лицо у него на груди, – прости, я обещал не вести себя так больше. Но когда ты вот так рядом... – он ещё крепче прижал её к себе. – Я просто теряю голову.

– Это я виновата. Ты только предложил, а я первая поцеловала тебя.

Дмитрий пытался заглянуть ей в лицо, но Софья крепко прижалась к его груди и не позволила, стыдясь своего порыва. Он ослабил объятия и нежно поглаживал девушку по спине, успокаивая.

– Твой поцелуй... – сказал он немного погодя, – в нём столько нежности, чистоты и ласки. Я уже не юноша, но никто меня так никогда не целовал, я и не знал такого.

– А как же ещё? – наивно осведомилась она, и Дмитрий быстро, пока девушка не ускользнула, обхватил губами её рот.

– Вот так сейчас целуют, – сказал он, заглядывая ей в глаза.

– Тоже неплохо, – осмелев, ответила Софья, – но, Дима, если мы будем всю дорогу целоваться, твои родители всё поймут. Позволь я сяду на прежнее место.

Софью напугали те чувства, что в ней рождали объятия и поцелуи Дмитрия. Зачем ей это надо? Ведь она вернётся в своё время, если удастся найти потайной лаз. Зачем ей новые переживания и муки потерянной любви. Ведь в сердце ещё жива память о прошлом. Но здравые мысли рассудка рассеивались в потоке чувств, обрушившихся на неё.

– Да, мы уже подъезжаем к Петербургу, – глянув в окно, сказал князь. Он помог Софье пересесть на прежнее место и, улыбнувшись, спросил: – Ты вот иногда обращаешься ко мне просто – Дима. В этом есть что-то личное, но мне нравится. Меня так никто, кроме батюшки с матушкой не называл.

– В наше время по имени отчеству обращаются только официально или к старшему человеку. А титулы вообще не упоминаются. Поэтому, когда я говорю – Дмитрий, я просто смиряюсь с обычаем вашего времени. Дима – для меня сказать свободнее и легче.

Экипаж остановился у строгого величественного особняка, и Дмитрий помог Софье выйти из кареты. Помня его наставления, девушка лишь слегка приподняла платье и кокетливо посмотрела на Дмитрия, как бы спрашивая, правильно ли она всё сделала?

Он ободряюще улыбнулся и кивнул.

Дворецкий впустил их в дом и принял верхнюю одежду. По лестнице со второго этажа спускались князь с княгиней. Это были красивые ещё не старые люди. У Дмитрия были глаза и волосы от матери, а прямой нос, широкий подбородок и губы от отца. Понятно, в кого он так красив, подумалось Софье.

– Дмитрий, ты не один? – задал вопрос отец.

– Отец, матушка, – приветствовал он их, нежно обнимая и целуя. – Позвольте представить вам Софью Розанову, сестру моего друга по службе. Софья, – обратился он к девушке, – мои родители: князь Николай Александрович и княгиня Ольга Владимировна Батурлины.

– Очень приятно познакомиться с вами, Ольга Владимировна, и вами, Николай Александрович, – присела Софья в реверансе.

Дмитрий лишь удивлённо поднял бровь, но никто не заметил. Позже он спросил, откуда она знает, как делается реверанс, ведь перед ним она его ни разу не исполнила.

– У нас с тобой знакомство было несколько в другой ситуации, – ответила она. – Но ты прав у нас реверансы не приняты, однако мы в школе и вузах изучаем классику и историю своего государства.

Городской особняк поражал богатством и великолепием. Но времени, чтобы рассмотреть всё подробнее, у неё не было, так как её засыпали вопросами: какими судьбами она здесь? Почему одна? Кто её родители и тому подобное. Дмитрий, как всегда, пришёл на выручку.

– Я служил с братом Софьи – Розановым Андреем Ивановичем в оренбургском полку. Родители их богатые неслужилые дворяне графского рода. Недавно здесь встретил Андрея, и он познакомил меня с Софьей. Он ещё не ушёл в отставку, как я, а получил отпуск. Андрей привёз сестру в Петербург на начало зимнего сезона, чтобы молодая барышня посетила несколько балов, но его неожиданно отозвали на службу. Батюшка, вы понимаете, что в наше беспокойное время – это вполне нормально. Граф Андрей не мог отправить Софью в Москву одну без сопровождения. А здесь для неё так же непозволительно оставаться одной. Андрей очень просил меня позаботиться о сестре. Матушка, вы же понимаете, что я не могу сопровождать девушку на первый бал – пойдут сплетни, толки. И поэтому я нижайше прошу вас быть сегодня с нами и сопровождать Софью на первый для неё бал в Петербурге под вашим покровительством.

– Голубушка, – обратилась княгиня Ольга к Софье. – Конечно же, я помогу вам, дорогая. Важно, чтобы свет увидел вас на первом балу со мной. Я представлю вас важнейшим особам в городе и объявлю, что отныне Дмитрий будет сопровождать вас на бал.

– Благодарю вас, ваша светлость, – мило улыбнулась Софья.

6

– Оказывается, соблюдение этикета – огромный труд, – тихо говорила Софья Дмитрию, когда они поднимались по огромной парадной

лестнице. – Я чувствую себя Золушкой, впервые попавшей на бал. И это соответствует действительности.

– Не волнуйся, дорогая, – так же тихо отвечал Дмитрий, – у тебя всё получится, ты сказочно красива и мила.

Ольга Владимировна представила Софью огромнейшему количеству людей. От нескончаемой вереницы лиц и имён у неё закружилась голова.

– Дима, – шептала она ему на ухо, – боюсь, что не смогу никого вспомнить из тех, кому я была представлена.

– Главное, что они-то уж все тебя запомнили, здесь собраны главные сплетники и сплетницы Петербурга. Очень важно, что тебя представила матушка – она имеет здесь огромный вес.

Богатство нарядов и дорогих украшений поражали пышностью и великолепием.

Софья воочию смогла убедиться в различии нарядов и украшений галломанов и англоманов. Дамы и господа, следовавшие французской моде, сверкали, как рождественские ёлки от изобилия украшений, бантов, рюшек и воланов. Они весело болтали. То там, то здесь слышались взрывы хохота. Галломаны напоминали бабочек, вылупившихся из коконов. Англоманы же нравились Софье больше своей сдержанностью, как в манерах, так и в одежде. Учтивая улыбка, сдержанный поклон, неторопливость в движениях, строгость в линиях смокинга у мужчин и простые, но элегантные платья на дамах. На взгляд модников XXI века, вторые выигрывали своим изяществом на фоне пышности галломанов. Поэтому Софья, ловя на себе восхищённые взгляды Дмитрия (других она просто не замечала), чувствовала себя прекраснейшей из дам. Перед выездом из дома, она подкрасила губы помадой, чуть ярче телесного, и ресницы тушью, что придало выразительности глазам. Не только восхищённые мужчины, но и завистливые дамы засматривались на неё. Что это там за выскочка из Москвы появилась в Петербурге? Чтобы отбивать лучших женихов? Ну, уж нет.

Объявили менюэт, которым всегда открывались балы. Дмитрий с поклоном подошёл к Софье.

– Я не поинтересовался, – вдруг забеспокоился он, – а в вашем времени танцуют эти же танцы?

– Нет, их совсем не танцуют. Там в моде другие танцы и манеры.

– О, Боже, что же я? Надо было...

– Не волнуйся, я с детства занималась в школе бальных танцев, куда меня определили родители. Так что я не новичок, – успокоила его девушка. – Ну а если будут какие-то различия, ты поможешь мне.

Прозвучали первые аккорды, пары прошлись в танце.

– Софья, – говорил князь, глядя ей в глаза, – мне иногда кажется, что само Провидение забросило тебя сюда. Ты хорошо знаешь нашу историю, помнишь обычаи, а теперь вот и танцы. Не могли же твои родители или ты сама знать, что попадёшь сюда, когда обучали тебя нашим танцам. Движения твои легки и грациозны, – сделал он комплимент.

– Спасибо, ты тоже отлично танцуешь.
– В наше время говорят: «благодарю».
Менуэт закончился, и пары разошлись по залу.
– Дмитрий! Какая встреча! – К ним подошёл молодой мужчина среднего роста, крепкого телосложения.
– Андрей! Смолин! Откуда ты здесь? – удивился и обрадовался Дмитрий.
– Да вот, ушёл в отставку. Я слышал, ты тоже?
– Недавно. Но поговаривали, что ты и Павел Котов погибли на Кавказе?
– Я был тяжело ранен, а вот Павел действительно погиб.
– Жаль его. Да, повеселились мы в своё время... Софья, – обратился он к спутнице, – разреши представить тебе друга моей бурной юности – граф Андрей Смолин.
– Мадемуазель! – склонив голову в приветствии, щёлкнул каблуками по армейской привычке Андрей.
– Софья Розанова, – представил её Дмитрий, – она сестра моего московского друга.
– Полонез, надеюсь, за мной, – поклонился Смолин.
– Непременно, сударь, – ответила Софья.
– Дмитрий, а ты что-нибудь слышал о других гусарах из нашей бравой компании?
– Нет, к сожалению. После той нашей пьяной выходки с бюстом царя, меня заслали далеко в провинциальный армейский полк в Оренбург. И слава Богу, могли ведь и расстрелять или в Сибирь сослать. А вернулся я недавно, всего несколько дней назад. Ещё ни с кем не встречался, это мой первый выход в свет.
– И у меня тоже.
Пока старые друзья обменивались воспоминаниями, Софья оглядывала зал. Стены задрапированы дорогим шёлком. Узоры в простенках, колонны, поддерживающие высокие потолки, двери, ручки на дверях – всё отделано позолотой. Даже кисти и шнуры на шторах из золоченых нитей. Картины известных в 20-21 веках художников украшали зал, освещённый множеством свечей.
Неожиданно её взгляд остановился на группе молодых людей из трёх человек, что оживлённо вели беседу и указывали в её сторону. Софья, стараясь не привлечь внимания Дмитрия, как бы ненароком, обошла его и встала с другой стороны, прячась от группы, заинтересовавшихся ею гусаров.
– В чём дело? – обратился к ней Дмитрий.
– Ничего, – мило улыбнулась Софья, – а что такое?
– На тебе же лица нет! Чего ты испугалась? – И Дмитрий немного сместился в сторону. Софья схватила его за руку и снова спряталась за его плечо.
– Дима! Это они! – зашептала девушка.
– Кто?
– Тише! Ну, те господа, что тогда в лесу преследовали меня.

– Тебе нечего опасаться, – попытался князь успокоить её, – ты под моим покровительством.

– А если они пригласят меня на танец? Я могу отказать, никого не обидев?

– Ты скажешь, что все твои танцы расписаны.

– Они же могут пустить слух, что я девица лёгкого поведения. О, Боже, один идет сюда

– Не беспокойся, высшему обществу тебя представила моя матушка, а её положение, повторюсь, имеет здесь огромный вес.

Не успел Дмитрий закончить речь, как к ним подошел недавний Софьин обидчик.

– Граф, не представите ли меня своим знакомым? – обратился он к Смолину.

– С удовольствием, – и Андрей представил их друг другу: – Мой давний знакомый – граф Юрий Константинович Селезнев, – и повернувшись к другому, – князь, Дмитрий Николаевич Батурлин.

– Князь, могу я пригласить на танец вашу даму? – поинтересовался Селезнев.

– У *мадемуазель!* – сделал ударение князь, – все танцы расписаны.

– О, старые знакомые, – как будто только узнав их, усмехнулся Селезнев.

– Сударыня, мне крайне жаль, что так произошло.

Дмитрий побледнел от охватившего гнева. Но Софья, чтобы не привлекать к себе внимания, решила предотвратить скандал.

– Благодарю Бога, что послал мне во спасение князя Батрулина, – тихо произнесла она, взяв Дмитрия под руку. – Если бы не его благородное вмешательство, то мне грозила бы явная опасность, – и, отвернувшись, гордо зашагала прочь, не выпуская князя.

– Софья, твоя речь почти не отличается от нашей, – похвалил её Дмитрий. – Ты делаешь успехи.

– Благодарю, ваша светлость, – кокетливо ответила девушка.

Весь вечер Софья не знала отбоя от кавалеров. Почувствовав себя усталой к концу бала, она предложила Дмитрию прогуляться в зимнем саду. Тем более, что ей очень хотелось взглянуть на это дивное творение прошлых столетий. Сам Готье восхищался русскими зимними садами, называя их русским чудом.

По дороге Дмитрия перехватил отец Николай Александрович, и Софья прошла в сад одна, ожидая, что Дмитрий её вскоре догонит.

Она помнила описания зимних садов, что славились изобилием экзотических деревьев, но такой красоты не могла и предположить. Здесь были не только деревья редких экземпляров, но и огромная коллекция цветов. Обилие резных решёток и подставок, увитых вьющимися растениями, гармонировали с резными, просто кружевной работы, скамьями. Вот это были мастера! Увлечённая созерцанием красот флоры, она углублялась в сад всё дальше и дальше.

– Какая приятная встреча! – неожиданно прозвучал голос.

Поручик Селезнев и два его товарища показались на боковой дорожке. Они наблюдали, как Софья одна вошла в сад, и поспешили воспользоваться ситуацией.

– Ну что, *мадемуазель*, – насмешливо начал Селезнев, – вы и теперь будете утверждать, что не искали случайных встреч в лесопарке, в том экзотическом наряде? Где многие, подобные вам, находят развлечения, определённого рода.

– Мне не о чем с вами говорить, – испугалась девушка, решив не связываться с ними.

– Зато нам есть, что сказать. Вы нам задолжали один вечерок. А я от такой красоты не намерен отказываться.

– Вы слишком высокого о себе мнения, *сэр*, – презрительно бросила Софья, – вы отвратительны и совершенно не в моем вкусе.

Она развернулась и хотела уйти, но поручик быстро преградил ей дорогу. Он схватил её за плечи.

– Зато вы, мадам, даже очень в моём вкусе, – и сделал решительное движение, чтобы поцеловать её.

Но Софья отвернулась и с силой упёрлась ему в грудь. Яростно сопротивляясь грубому натиску, она лихорадочно пыталась вспомнить слова, подходящие в этом времени и для подобной ситуации.

– Ну, ты! Не вторгайся в мою приватность! – выкрикнула она первое, что пришло на ум. Фразу, что совсем недавно она слышала в своём времени в нашумевшем фильме «Турецкий гамбит». Но так как силы были не равны, закричала, не помня себя: – Убери от меня свои мерзкие шупальца!

Селезнев рассвирепел и ещё крепче вцепился в неё. Обхватил рукой её затылок и, повернув лицом к себе, уже было хотел впиться в губы. Но он-то не знал, что Софья – девушка XXI века, где частенько приходится постоять за себя. Она оставила все церемонии, видя, что они бесполезны, и коленом резко пнула его между ног. Поручик издал приглушённый вскрик и согнулся пополам. Девушка бросилась к выходу. Двое друзей Селезнева, что наблюдали со стороны, не вмешиваясь до этого, ринулись за ней. Но, увидев бегущего к ним князя, остановились.

Дмитрий уже искал Софью в саду, когда услышал её возмущённый крик, и побежал на голос.

– Дрянь! Ты мне сейчас заплатишь! – распрямляясь, закричал Селезнев. – Задержите её! – И столкнулся с Дмитрием.

– Селезнев! Вы – подлец! – гневно отчеканил князь, швырнув тому в лицо печатку.

– Дуэль! – крикнул поручик.

– К вашим услугам, сударь, – резко бросил Дмитрий, – сегодня же, на рассвете. О месте и времени вам сообщит мой секундант.

Он взял Софью за руку и вывел из сада.

– Дмитрий, – взволнованно говорила девушка, – он же убьёт тебя.

– Сударыня, меня трудно убить, – высокомерно-пренебрежительно заявил он. – Не забывайте об опыте моей двенадцатилетней службы.

– Но что скажут ваши отец и матушка?

– Обещайте, сударыня, – останавливаясь и повернувшись к ней, сказал Дмитрий, – что никто не узнает о дуэли, кроме Андрея. Я не желаю ещё больших неприятностей.

Софья впервые, после сцены в саду, взглянула в глаза князю и увидела в них скрытую ярость. Но странное дело – это совсем не напугало её и не обидело.

– Да куда уж большие, – проворчала она и добавила, – обещаю, Дима, но я так боюсь за тебя.

Её обращение «Дима» и нежность, с какой она произнесла фразу, смягчили раздражение князя. Он взял её руку в горячие ладони.

– Прости, Софья, я слегка погорячился.

– Я понимаю, это всё из-за меня.

– Мой долг – защищать тебя и твою честь, – промолвил Дмитрий, целуя ей руку.

Господи, думалось ей, неужели так раньше было? Ведь мужчины – её современники даже продают соотечественниц в сексуальное рабство. В повседневной жизни к женщине относятся пренебрежительно, а зачастую и с оскорблениями. И это в век высокой цивилизации! Может, к более высокой цивилизации стоит отнести прежние века, где культура и мораль были намного выше? И где слово «честь» не простой звук? Безусловно, и в нашем веке есть настоящие мужчины, но они словно подснежники, спрятанные под снегом, в общей массе пьяниц, тунеядцев, наркоманов, альфонсов или просто отчаявшихся от трудностей мужиков.

– Я очень благодарна тебе за защиту и покровительство, – тихо сказала девушка, и он ещё крепче сжал её руку.

– Андрей, – обратился Дмитрий к другу, отыскав его, – будь моим секундантом.

– Ты что, с ума сошёл? – запротестовал друг.

И Дмитрий кратко изложил ему суть дела.

Софья залилась краской, когда Дмитрий дошёл до места, где она коленом разделалась с обидчиком.

– Мадемуазель, снимаю перед вами шляпу, – улыбнулся Андрей.

Девушка ещё больше покраснела. Оказывается, Дмитрий успел заметить, как она ударила поручика. А она-то надеялась, что он не видел. Что он о ней теперь думает? Боже, стыд-то какой! Он относился к ней с такой нежностью и заботой, а она, как какая-то хулиганка, раздает тумаки налево и направо. Господи, она ещё как-то там обругала Селезнева! Видя её замешательство, друзья, переглянувшись, улыбнулись.

– Да, сударыня, с вами опасно иметь дело, – пошутил Дмитрий.

А Андрей, видя, что смущение девушки от их подтрунивания дошло до предела, перевёл тему разговора к дуэли:

– Дмитрий, я почту за честь, быть твоим секундантом.

Друзья обговорили детали, и Андрей отправился к противникам с сообщением о месте и времени дуэли.

В доме Батурлиных Софье отвели отдельную комнату, ещё более богатую, чем в загородном особняке. Но любоваться и оценивать интерьер, она была просто не в состоянии. Мысли о предстоящей дуэли целиком поглотили её. Она ходила из угла в угол и очень хотела пойти к Дмитрию, отговорить его или попросить взять её с собой на поединок. Софье казалось, что если она будет рядом, то с ним ничего не случится, каким-то образом она сможет уберечь его. Но знала, что просьбы ни к чему не приведут. А что, если вдруг она сейчас пойдёт к нему – и кого-то встретит у его двери? Репутация будет безнадежно погублена! Так, стоп – это диагноз! Она уже начала рассуждать, как барышни того столетия. Да какая там репутация? Ей ли – девушке XXI века думать о такой мелочи, если на карту поставлена его жизнь? Жизнь любимого человека! Вот именно – любимого! И нечего избегать действительности, надо смотреть правде в глаза. Поэтому она не замечает никого вокруг, а ловит только его взгляд, только его слово, только его дыхание. И только его мнение о ней имеет значение. Всё, решено! Сейчас же она набросит халат и пойдёт к нему, а там... будь, что будет. Софья представила, как ночью входит к Дмитрию в спальню... Он наверняка тоже не спит. Соблазнительные картины пронеслись перед внутренним взором. А что подумает Дмитрий? Как отреагирует? Как отнесётся к такому «бесстыдству»? Софья улыбнулась своим мыслям. Но ведь он мужчина не XXI века, хотя и знает о нравах её времени – с её рассказов. Принципы морали, вложенные в него с детства, наверняка возьмут верх над «знаниями о будущем». Хотя, возможно, он будет рад такому подарку в первое мгновение, но потом-то осудит.

Даже в наше время надо иметь смелость, чтобы решиться на такой поступок. Он и так, при первой их встрече в лесу, принял её за непристойную девицу. А сейчас собирается отстаивать её честь на дуэли, рискуя жизнью! Как же она может разочаровать его? Нельзя.

Софья погасила свечу и свернулась клубочком под одеялом. Сон не шёл. Господи, обрати свой святой взор на девушку, которая никогда не ходила в церковь, никогда не просила Тебя ни о чём, но которую Ты почему-то отправил в позапрошлом столетие. Спаси Дмитрия! Молю тебя.

Весь остаток ночи девушка провела в беспокойных метаниях, и только перед рассветом тревожный сон сморил её. Она не слышала, как Дмитрий тихо вышел к поджидавшему его Андрею, и проснулась лишь, когда раздался шум отъезжающего экипажа.

* * *

– Господа, к барьеру! – прозвучала команда.

Дуэлянты разошлись в стороны и стали сближаться. Дмитрий поднял руку с оружием и спокойно шёл, глядя в глаза поручику Селезневу. Молодой человек не выдержал – вскинул руку и выстрелил. Мощный удар в руку выше локтя заставил покачнуться Дмитрия. В первое мгновение он не почувствовал боли. Кровь хлынула горячей струей из раны, пропитывая

рубашку и сюртук. Князь покачнулся и попытался левой рукой зажать рану, но резкая боль обожгла и пронзила током всю его правую сторону.

Селезнев в ужасе оттого, что промахнулся, бледный, молча ждал своей участи.

– Князь, ваш выстрел, – напомнил секундант.

Дмитрий, видя ужас в глазах противника, усмехнулся и опустил раненую, дрожащую руку.

– Я оставляю выстрел за собой, – сказал он спокойно и, повернувшись, пошёл к карете. Андрей поддержал его, помогая сесть.

– Как ты? – заботливо поинтересовался друг.

– Кажется, кость не задета, – простонал Дмитрий.

– Да, навывлет, – подтвердил Андрей, осматривая рану, – но крови много – может начаться жар. – И обратился к кучеру: – Степан, помоги мне сделать перевязку.

* * *

Софья уже больше часа поджидала Дмитрия. Умывшись и одевшись, она заправила кровать и ходила по комнате из угла в угол. Но с тревогой то и дело подходила к окну. Наконец-то в отдалении послышался топот копыт и стук колёс по булыжной мостовой. Карета остановилась у дома, и девушка увидела, как Андрей помог выйти Дмитрию. Она облегчённо вздохнула. Но бледность князя бросалась в глаза, хотя накинутый плащ скрывал ранение, и Софья поспешила вниз. На полпути она замерла и прикрыла рот рукой. Дворецкий помог снять плащ с Дмитрия, открывая пропитанный кровью сюртук.

Пожилые князь с княгиней ещё спали в это раннее утро после бала.

Андрей помог Дмитрию подняться в его комнату, и Софья проводила их, открыв дверь. Она поспешила вниз и с помощью Степана принесла из кухни таз, кувшин с тёплой водой и мыло.

– Водка есть? – спросила она. – Или спирт?

– Да, барышня, на кухне в буфете, – сказал Степан.

Вскоре он принёс бутылку с водкой. Андрей помог Дмитрию раздеться, и Софья осторожно промыла рану и область вокруг неё, где были потёки крови.

– Дима, а сейчас потерпи, пожалуйста, – взглянув ему в глаза, попросила девушка.

Князь кивнул, и она ловким, быстрым движением облила плечо с двух сторон водкой. Обжигающий напиток вызвал новый приступ боли, и Дмитрий глухо застонал, заскрежетав зубами. Софья приложила к ране два тампона заранее обработанные водкой и туго забинтовала чистой тканью.

Неожиданно в комнату вошёл старый князь. Он мгновенно оценил ситуацию, взглянув на сына.

– Дуэль? – только и спросил он.

Дмитрий кивнул.

– Но ты же знаешь, что дуэли запрещены, тебя снова сошлют в провинцию, если не хуже. Мало я за тебя прошлый раз просил государя?

– Отец, прости. Я сейчас же уеду в имение. О дуэли никто не должен знать, даже матушка – это расстроит её.

– Но ты бледен, как ты поедешь?

– Я поеду с ним, – храбро заявила Софья.

Все удивлённо посмотрели на неё, только Дмитрий украдкой улыбнулся.

– Но, сударыня, – изумился князь-отец, – а ваша репутация?

– Николай Александрович, ваша светлость, я обязана Дмитрию не только по божьим, но и по человеческим законам. Это за мою честь он дрался на дуэли. И я буду ухаживать за ним. А репутация? – девушка мгновение помолчала, опустив глаза. И решительно, вскинув голову, уверенно продолжила: – Да что она стоит, когда речь идёт о жизни? Неужели вы ставите какие-то условности выше человеческой жизни? Меня почти никто здесь не знает. Если же спросят – скажите, отбыла в Москву к родителям. А если вы беспокоитесь о моей чести, то Дмитрий Николаевич уже доказал однажды, что ему можно доверять.

– Сударыня! – горячо воскликнул Андрей. – Мне уже дважды хочется снять перед вами шляпу.

– Вы – милая и отважная барышня, – промолвил старый князь, – но где, позвольте узнать, вы научились ухаживать за ранеными?

– С огнестрельными ранами мне ещё не приходилось сталкиваться. Но порезы, ушибы, ожоги и прочие мелочи приходилось обрабатывать. В гимназии нас учили оказывать первую помощь. Мы практиковали сёстрами милосердия в каникулы, – даже не моргнув глазом, врала Софья, вспомнив уроки в вузе и телепередачи по оказанию первой помощи пострадавшим.

– Вот как? При московских гимназиях барышень обучают оказывать первую помощь раненым?

– Конечно. По-моему, это нужное дело. В жизни ведь чего только не случается. Такие навыки всегда могут пригодиться. Тем более что времена нынче беспокойные.

– И мы на деле видим правоту ваших слов, милая, – рассудительно сказал Николай Александрович, – я думаю, подобные уроки полезно ввести и в наши учебные заведения.

Тем временем Андрей помог Дмитрию надеть чистую рубаху, сюртук, и все спустились в гостиную. Дмитрий попрощался с отцом.

– Матушке скажите, что я не хотел её будить, поэтому и уехал не протрившись.

– Ваша светлость, – обратилась Софья к князю, – передайте Ольге Владимировне мою благодарность за гостеприимство и покровительство. Я никогда не забуду вашу доброту.

И подойдя к пожилому человеку, обняла его и расцеловала в обе щёки.

– Милая, – растрогался старый князь, – вы же уезжаете не навсегда? Я ещё надеюсь увидеть вас, – шепнул он ей на прощанье и вышел проводить до кареты.

Дмитрия усадили на переднее сиденье, подложив под спину подушку, чтобы тряска в дороге не причиняла дополнительных страданий. Софья устроилась рядом, поддерживая его под левую руку. Андрей расположился напротив, а своего коня привязал к карете, чтобы можно было вернуться обратно.

– Я провожу вас до имения, вдруг понадобится помощь, – сказал он.

Степан умело правил экипажем, стараясь избегать тряски и случайных впадин на дороге.

В имении Дмитрия уложили в постель, а Софья быстро освободилась от платья с корсетом и надела домашний халат. Заглянула в свою дамскую сумочку. Должны же там быть болеутоляющие препараты, что почти каждая женщина XXI столетия имеет при себе. Точно, вот аспирин, а вот и нурофен, которые девушка иногда принимала от головной боли попеременно, чтобы не вызвали привыкания. Чудесно!

Софья вошла к Дмитрию, он лежал поверх одеяла в хлопковой рубашке и брюках. Лицо приобрело болезненный румянец. Андрей сидел рядом на стуле, и они о чём-то тихо вели беседу, но сразу же замолчали при появлении девушки. Она подошла к больному и положила руку ему на лоб.

– Ты же весь горишь! Я помогу тебе.

Она налила из графина в стакан воду и бросила туда таблетку аспирина. Таблетка зашипела, быстро растворяясь.

– Это что такое? – удивился Андрей, наблюдая за её действиями.

– Это лекарство снимет жар. А вот это, – и она подала Дмитрию другую таблетку, – значительно, а то и полностью на несколько часов снимет боль.

– А оно не убьёт его? – забеспокоился Андрей: – Я такого лекарства ещё не видел.

– Нет, – улыбнулась Софья и отпила немного из стакана, доказывая тем, что лекарство не отравлено.

Дмитрий же догадывался, откуда у Софьи препараты, но помалкивал.

– Батюшке привёз снадобье его друг – лекарь, когда путешествовал по Европе и странам Азии. Поверьте, это проверенное лекарство и быстрого действия.

Софья заботливо укрыла пледом Дмитрия и, смочив в тазу с холодной водой салфетку, положила ему на лоб, облегчая жар.

– Спасибо, Софьюшка, – нежно промолвил Дмитрий.

– Не ты, а я должна благодарить, из-за меня ты так страдаешь, – с любовью глядя ему в глаза, ответила девушка.

Через несколько минут лоб князя покрылся испариной, температура пошла на убыль. А спустя ещё какое-то время Дмитрий сел на кровати и, удивлённо приподняв бровь, сказал:

– Действительно, боль отступила. Я великолепно себя чувствую.

– Я тебе завидую, друг, – улыбнулся Андрей, – теперь могу тебя оставить, когда рядом такая сестра милосердия. На днях я навещу тебя.

Софья проводила его, выйдя на крыльцо.

– Андрей, спасибо за помощь, я вам очень признательна.

– Не стоит, сударыня. Мы с Дмитрием – старые друзья. – И подмигнув, добавил: – Не забудьте пригласить меня на свадьбу.

Он поцеловал девушке руку и, вскочив на коня, усакал.

Софья вернулась в дом и зашла на кухню. Она приготовила лёгкий завтрак и, расставив всё на подносе, сама поднялась в спальню к Дмитрию. Он, казалось, задремал. Но когда она поставила завтрак на столик у кровати, открыл глаза.

– Что же ты сама? – удивился он. – Есть же Анна.

– А может, мне приятно поухаживать за тобой. Ещё никто, ни разу в жизни не защищал мою честь так, как ты. А насчёт этого, – Софья указала подбородком на поднос с завтраком, – так ведь дома я для себя всё делаю сама. И для мужа делала, и он для меня – всё друг для друга и всё сами. Так устроено наше общество.

Между тем она подвинула столик к кровати, аккуратно расставила тарелки, налила кофе и помогла Дмитрию сесть. Сама же устроилась на стуле.

– Как странно, – сказал Дмитрий после завтрака, когда Анна убрала посуду и ушла, – ты говоришь, что всё делаешь сама. И стираешь? И убираешь дом?

– Да, – улыбнулась девушка, – ещё к тому же, ежедневно хожу на работу в музей.

– Как же трудно вам там живётся. Ведь чтобы постирать белье, требуется наносить воды, согреть её. Это тяжёлый труд.

– В наше время вода поступает в дома по трубам. И горячая тоже. А стираю я не вручную, у нас изобрели стиральные машины, которые всё делают сами. Надо только загрузить бельё, а затем чистое вынуть и просушить. Машина даже отжимает сама. У нас много разных машин.

– Любопытно, – задумчиво продолжил князь, – но манеры твои изысканны. А держишься ты с достоинством и простотой знатной дамы.

– Нас так воспитывают. В нашем времени все получают среднее образование, независимо от сословий. А воспитание... Основное дают родители, конечно, в семье. Но огромное влияние оказывает и общество в целом. Здесь подразумевается и школа, по-вашему – гимназия, и средства массовой информации.

– Газеты, что ли?

– Не только. Информация в наше время – понятие довольно обширное. Ты даже представить не можешь. Помимо газет и журналов, одним словом – прессы, у нас существуют и другие информационные источники. К примеру: радио, телевидение, телефоны, компьютеры и много ещё чего. Тебе, видимо, даже эти названия ни о чём не скажут.

– И что же, благодаря информации все люди у вас обладают изысканными манерами? Даже крестьяне?

– По-разному. Я же сказала, что всё зависит от множества факторов. Есть люди из рабочей среды и крестьян, что стремятся к высшему

образованию и выбиваются в лидеры. Раньше у нас... да, собственно, и сейчас считается многими, что интеллигенция – это слой населения, занимающий руководящие должности и профессии, такие, как учитель, инженер, врач и т.п. Но, несмотря на свой маленький жизненный опыт, я всё больше убеждаюсь в обратном. Интеллигентность – это высокодуховное внутреннее состояние человека. Есть среди вышеперечисленных лидирующих людей ужасные хамы, грубияны, наглецы и просто толстокожие непробиваемые типы. Они заботятся только о своём благосостоянии. А есть среди простых людей такие, что не заканчивали вузов, а очень умные, начитанные, культурные люди. У простых людей бывают манеры, что впору поучиться так называемым «интеллигентам». Моя бабушка, очень мудрая женщина говорила, что можно быть необразованным, но умным. А можно получить несколько высших образований и быть круглым дураком.

– Ну, сие есть неоспоримая истина. Вот Степан – необразован, но умнейшая bestия.

– Верно. У нас в доме есть один мужичок. Он простой работяга и такой... незаметный, что ли? Я ни разу не слышала, чтобы он грубо выругался в присутствии женщины или сидел бы, если женщина стоит рядом. В квартире у него идеальная чистота. Все бабушки и одинокие женщины нашего дома обращаются к нему за помощью: то полку прибить, то карниз повесить, то раковина забилась. Да мало ли в доме какие нужды случаются. И он никогда никому не отказывает и денег не берёт. А как интересно с ним просто поговорить. Он столько всего знает, что диву даёшься. А он на удивлённые вопросы соседей отвечает, что просто много читает. Его манеры, чувство такта, как поставлена речь – всё наводит на мысль, что он врождённый интеллигент. А есть, у нас же в доме, очень состоятельные люди и вроде бы с образованием... Но пообщаешься с такими – и хочется свежего воздуха вдохнуть. Один снобизм, высокомерие, презрение и цинизм. И так тоскливо становится; где же то благородство, чувство чести, ответственности за Россию, что всегда были присущи и которыми так славилась исконно русская интеллигенция?

– Неужели всё так плохо? – нахмурившись, спросил Дмитрий.

– Да, как тебе сказать? В двух словах невозможно объяснить. Вот если бы ты смог сам у нас побывать.

– Что-то жутко мне стало от твоего рассказа.

– Да нет. В целом все нормальные люди. Живут, работают. Может, просто борьба за власть в наше время жесточайшая. И из-за неё наши олигархи убивают друг друга. А страдает простой народ. Я и сама ничего понять не могу.

– Данный факт, как раз объясним, ведь борьба за власть велась во все века. И убийства за престолы, как правило, случались среди кровных родственников. В этом-то нет ничего удивительного. Таков уж грешный наш мир.

– Дима, ты поспи немного, – промолвила Софья, вставая, – ночь-то была бессонной. Я тоже пойду, прилягу.

– Хорошо, милая, – и он поднёс её руку к губам, – иди, поспи.

Проснувшись, Софья взглянула на часы – начало четвёртого. Она быстро оделась и поспешила к Дмитрию. Он уже бодрствовал.

– Как ты себя чувствуешь? Рана болит? – с порога спросила она.

– Только чуть-чуть. Давай-ка прогуляемся.

– Но ты же ранен, и у тебя болит рука.

– Но не настолько чтобы я не мог подышать свежим воздухом.

– Ты хочешь поехать верхом?

– Нет, конечно. Пешком. Тебе ведь надо попасть домой, – беря её под руку и направляясь вниз, сказал Дмитрий.

– Но ты ранен, и я не оставлю тебя сейчас, – остановила его Софья.

– Мы просто погуляем по лесопарку, – настойчиво повторил князь. – Я хочу подышать свежим воздухом.

– Ну, хорошо, только прими ещё обезболивающее, – согласилась она.

Софья зашла в свою комнату, переделалась, взяла дамскую сумочку и спустилась в холл. Дмитрий, уже одетый для прогулки, поджидал её.

– Как же ты сам оделся?

– Мне помог Степан. Я его уже отпустил, – улыбнулся князь и подал даме руку.

Они не спеша брели по лесной дороге. Чистота и прозрачность воздуха пьянила и завораживала. Стоял тихий безветренный вечер, и лес замер в безмолвии. Листочки неохотно срывались с веток и, плавно порхая, опускались на лесные тропинки, покрывая их и всё вокруг золотым ковром.

– Как же я сейчас понимаю Александра Сергеевича Пушкина, – не подумав, промолвила Софья под впечатлением:

Осенняя пора, очей очарованье,

Приятна мне твоя прощальная краса.

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и золото, одетые леса.

Вдруг она замолчала.

– Красивые стихи. Но ты говоришь, Пушкин. Кто он? Я не слышал. Он, что твой современник?

– И не удивительно, что не слышал. Но нет, он ваш современник, а не мой. Я оговорилась, начав читать. Видишь ли, ему сейчас только шесть лет. Он станет известным в двадцатых-тридцатых годах этого столетия. Его имя будет стоять в одном ряду с именами таких гениев литературы, как Гомер, Шекспир, Гёте. Ваш девятнадцатый век будет изобиловать талантливыми людьми в искусстве.

– И ты можешь о них рассказать?

– Могу, но пока не хочу. Что-то меня удерживает. Я не уверена – должны ли люди знать о будущем. Я и так многое тебе рассказала. Обещай, что об этом никто не узнает.

– Даю слово, – торжественно пообещал князь.

– Дмитрий, а о какой выходке вы с Андреем вспоминали на балу? Вы ещё упоминали, что вас за это выслали в провинцию.

– Ах, да, – улыбнулся князь, – теперь-то я могу с лёгкостью говорить о том происшествии. А когда-то одно напоминание о нём причиняло боль. Мы тогда были молоды и беспечны. Часто любили кутить и шляться по пивнушкам. У нас была довольно дружная и весёлая компания. Я слыл известным кутилой на весь Петербург. Однажды, после очередной попойки, сорвал с аптечной вывески двуглавого орла и прошествовал с ним через Дворцовую площадь. Протрезвев, мы опасались, что это нам с рук не сойдёт, но батюшка всё уладил. Однако, обедая в другой раз в ресторане, мы пытались накормить бюст императора супом. За оскорбление его величества я был исключён из гвардии и переведён в провинциальный армейский полк. Моих же приятелей сослали на границу с Польшей. Там пан Костюшко вёл партизанскую войну. Вот такая была история.

– Зато сейчас ты стал степенным и важным, – улыбнулась Софья.

– Я, правда, произвожу такое впечатление?

– Конечно, да ты и сам знаешь. Но за твоей важностью и высокомерием легко просматривается благородство и великодушие. Именно этим ты и покори меня.

– Уже покори? – князь лукаво приподнял бровь.

– Постой! – вдруг схватила его за руку девушка.

– Что случилось? – встревожился Дмитрий.

– Дима, смотри, – тихо заговорила Софья, – снова они, те люди!

– Кто?

– Да Селезнев с дружками. Они следят за нами.

Но в этот момент раздался выстрел, нарушив тишину леса.

– Бежим!

И Софья, схватив его за руку, понеслась в заросли, увлекая князя за собой. Сзади слышались проклятия и шум преследования. Вот они уже добежали до истоптанной ими же в прошлый раз поляны, но неожиданно, зацепившись за корень ногой, Софья плашмя полетела в сухую листву. А так как Дмитрий бежал за ней след в след, то по инерции, запнувшись об неё, упал сверху и придавил Софью всем своим весом.

Преследователи добежали до поляны и резко остановились.

– Где они? – завертелся на месте Селезнев, – князь ведь ранен. Он видел нас и, скорее всего, уверен, что стреляли мы. Необходимо найти его.

– Как сквозь землю провалились, – ответил его дружок.

– Свят, свят, свят, – перекрестился третий.

– Я же видел, как они упали здесь.

– Но здесь никого нет.

– Они, наверное, отползли и успели скрыться в зарослях, пока мы тут рассуждаем. Листва-то на кустах ещё густая.

– Но кто же стрелял? – удивлённо оглядывался Селезнев.

8

– Проклятие, – застонал Дмитрий, перекаtywаясь на левый бок и освобождая Софью.

– Дима, ты ударился? Тебе больно? – отплёвываясь от листьев, говорила Софья. Она поднялась, продолжая отряхивать с себя сор. – Прости, я снова запнулась за корень, и опять на том же месте.

Но Дмитрий молчал, хотя уже поднялся с земли. Она вопросительно взглянула на него, мужчина стоял, как столб, изумлённо поводя вокруг глазами. Софья наконец-то так же огляделась.

Только что в парке зажглись осветительные фонари, и они слабо в вечерних сумерках освещали ровные парковые аллеи со всеми скамейками, статуэтками и прочей атрибутикой.

– Дима! Димочка! – восторженно захлебываясь и не веря своим глазам, воскликнула Софья. – Мы же снова попали в моё время! Как здорово! Я тебе столько всего интересного покажу! Ну что же ты молчишь? Ты не рад? Мы же убежали от Селезнева, и он нас здесь не достанет.

– Да, собственно, я его и там не боялся. Просто он напал неожиданно, а я не вооружён. А этот негодяй ещё и стрелять не умеет, как следует.

– Но ты, кажется, расстроен. Ты не рад?

– Я... если этим словом можно выразить моё состояние – оглушён. У себя дома я поверил и принял тот факт, что ты из другого времени. Но всё же где-то очень глубоко червь сомнения подтачивал мою уверенность, несмотря на виденные мной доказательства. А вот сейчас всё это, – и он сделал широкий жест рукой, – хоть и вижу, но очень трудно принять, как данность. Что же мы будем делать?

– А что мы делали, когда я оказалась у вас? Ты просто отвёз меня к себе домой. А сейчас мы дойдём до метро и поедem ко мне домой.

– Далекo?

– Судя по расстоянию – да. Но на современном транспорте поездка займёт не более пятнадцати минут. Главное, прошу тебя, ничему не удивляйся, а веди себя спокойно и равнодушно, как все окружающие. Вопросы, что у тебя появятся, задашь мне дома. И ещё, мы с тобой сейчас одеты необычно для современных людей, как и я тогда для вас. На нас будут обращать внимание. Но ты не беспокойся, бывали случаи, что современные актёры в гриме и костюмах ехали на метро со съёмок в театр. И люди, в общем-то, хоть и не привыкли к подобному зрелищу, но могут понять, а ещё попросить автограф. Помнишь, я тоже приняла тебя за переодетого подставного экскурсовода?

– Да помню, – усмехнулся Дмитрий

Софья помогла ему отряхнуть сор с одежды и, взяв под руку, зашагала к выходу из парка. Сумерки быстро сгущались. Открывшаяся проезжая улица была наполнена звуками и шумом проезжающих автомобилей.

– Ты об этих машинах говорила, когда упоминала, что вы передвигаетесь без лошадей?

– Да, о них и многих других. Вон смотри – автобус. Он, как и метро, относится к общественному транспорту. Только в метро ходят электрички, я позже о них расскажу.

– А маленькие машины – это как личный экипаж?

– Верно, личные автомобили.

– У тебя тоже такой есть?

– Нет, я не настолько богата.

Они подошли к станции метро. В кассе Софья купила жетоны и объяснила, как пользоваться эскалатором и турникетом.

– Мы что же поедем действительно под землёй? – удивился Дмитрий, когда они подошли к эскалатору.

– Да, только говори тише, – улыбнулась Софья, так как на них с интересом все засматривались и улыбались, – здесь в метро электрички ходят под землёй по специальным тоннелям и это намного быстрее, чем ехать поверху.

Дмитрий хоть и настороженно, но с достоинством преодолел впервые виденные им технические новшества. Оказавшись на платформе, Софья оберегала его от нечаянных толчков, став справа. По перрону туда-сюда сновали люди и с интересом задерживали на них внимание. Девушка лучезарно отвечала всем улыбкой, а Дмитрий держался с княжеским достоинством, и лишь слегка уголки его губ приподнимались в подобии улыбки.

– Что случилось? – полушёпотом спросила она, когда его лицо покраснело.

– Ничего, – и Дмитрий отвернулся в другую сторону. Но тут же резко развернулся лицом к Софье, опустив глаза, – о, Господи! Да что же это?

Наконец-то Софья поняла причину его смущения. Мимо прошла девушка, лет шестнадцати, в короткой курточке и очень короткой кожаной мини-юбочке, которая обтягивала её попку, открывая длинные стройные ножки в лайковых колготках и в ботиночках на высоком тоненьком каблукке. А с другой стороны к ним приближалась такая же юная особа в светлых специально порванных джинсах, что плотно прилегали к её телу, как вторая кожа, а в рваных прорезях легко просматривались загорелые ножки.

– Дмитрий, – сказала Софья тихо, – не обращай внимания на то, как они одеты, ты ещё и не такое увидишь. Тебе надо привыкать, просто смотри вверх голов. С подобными нюансами будешь сталкиваться на каждом шагу.

– Я теперь понимаю твоё возмущение, когда ты доказывала, что одета более чем скромно.

Подошла электричка, и из открывшихся дверей вылился поток людей. Ожидавшие тут же хлынули другим потоком внутрь. Софья потянула за собой Дмитрия, но он, учтиво пропуская дам вперёд, сторонился. Софья так же отошла, ожидая его. Они вошли последними и, став у двери, были застрахованы от толчков.

– Надо же они не только в костюмах прошлых столетий, но молодой мужчина и ведёт себя, как джентльмен, – слышался разговор стоящих рядом старушек.

– И не говори, Вера Матвеевна, как не хватает сейчас таких учтивых джентльменов. Я как будто попала в годы своей юности.

– Верно. Верно, Елизавета Антоновна, золотые были времена. Не то, что сейчас.

Софья тихонько подтолкнула Дмитрия и подмигнула ему.

– Вот видишь. Твои манеры уже покорили, некоторых наших дам.

Вечерние сумерки окутали город, когда Дмитрий и Софья вышли из метро.

– Так это же центр! – воскликнул Дмитрий. – Но ведь до него ехать около часа. Невероятно!

– Ничего удивительного, есть транспорт и быстрее. Только у нас это уже старый центр. Помнишь, я говорила?

– Да, припоминаю. Но город очень изменился. Хотя дома, что были тогда, есть и сейчас... Ага, я понял – нет булыжных мостовых, их заменили. Ещё освещение! У нас, как ты вчера видела, совсем другое. А у вас очень яркое и такое красивое, торжественное. Но, если честно, мне мой Петербург милее и роднее. И не хватает лошадиного цокота копыт...

– Дима, я понимаю тебя. Я ведь у вас чувствовала то же самое. Это чувство называется ностальгия.

Дверь подъезда Софья открыла ключом, и на лифте они поднялись на пятый этаж. Если Дмитрий и испытывал чувство оцепенения, то внешне этого не выдал, подъём в лифте он вынес стоически. В прихожей Софья включила свет, и Дмитрий на мгновение зажмурился, не ожидая столь яркой вспышки.

– Скажи, – не выдержал он, наконец, – что там внутри? Почему лампа так ярко светит? Я правильно назвал?

– Правильно. Лампа осталась лампой, только горит она от электричества. Если говорить научными терминами – направленный поток заряженных частиц. Начиная с XX века, всё работает от электричества, что, конечно же, имеет свои плюсы: чисто, не требует угля и дров. Я тебе сейчас всё покажу и буду понемногу знакомить, рассказывать.

– Я помню – ты говорила про печь и чайник, кажется.

Софья сняла верхнюю одежду и помогла Дмитрию. Подала ему тапочки и прошла на кухню. Из морозилки вынула курицу и положила в микроволновку размораживаться.

По ходу дела она объясняла принцип работы того или другого электроприбора. Прошла в ванную комнату и открыла воду. Из душа окатила ванну горячей водой и, отрегулировав температуру, стала наполнять её. Объяснила, как пользоваться туалетом и душем.

Незадолго до гибели её муж Сергей сделал в квартире евроремонт, и Софье было очень приятно демонстрировать Дмитрию все новшества

своего века. Туалетная и ванная комнаты были совмещены и выложены плиткой под малахит.

– У вас очень маленькие помещения, но красивые, – высказал князь своё мнение, – когда ты говорила, что горячая вода у вас течёт по трубам, признаться – я не поверил.

Софья налила в ванную пену, и та взбилась под струёй воды.

– Верно, квартиры у нас не такие большие, как в старые времена, но богатые люди строят себе огромные особняки и квартиры намного больше моей.

В спальне она взяла из шкафа новые боксеры и джинсы, что так и не надел ни разу её муж. Затем, передумав, вынула из шкафа спортивное трико.

– В джинсах тебе с непривычки будет неудобно находиться в квартире. Вот, возьми трико. Наденешь сначала вот это, – и она слегка покраснела, подавая ему боксеры, – они совсем новые, а трико – свободная одежда, предназначенная для занятий спортом, но дома в ней тоже очень удобно. При падении ты, возможно, потревожил рану, поэтому в ванной размочи повязку, чтобы легче снять. Я перевяжу тебя снова. Вот возьми полотенце.

– Такое пушистое!

– Махровое, сейчас такие делают.

– Ты здесь спишь? – спросил Дмитрий, указав на широкую кровать.

– Нет, я давно здесь не сплю. Предпочитаю в зале на диване.

– После его кончины?

Софья кивнула.

– И одежда тоже его?

– Да, но ты не переживай, всё совсем новое. Сергей любил иметь запас новых вещей. Всё, что он носил при жизни, я раздала людям после его гибели. Оставила только спортивный костюм, он тоже почти новый. Тебе неприятно это надеть?

– Нет, не беспокойся, – улыбнулся он, – хотя по логике – я умру намного раньше, если вернусь домой.

– Дима, ты иди в ванную, и никому на звонок не открывай. А я сбегаю в аптеку, куплю кое-что для перевязки.

Аптека находилась в соседнем доме со стороны проспекта. Купив всё необходимое, Софья забежала в магазин, купила Дмитрию классические туфли по мерке, снятой с его сапог, кожаную куртку, джемпер, несколько пар носок и нижнего белья. Вернувшись, она прошла на кухню и приступила к готовке ужина.

Что-то Дмитрий долго не выходит. Софья тихонько подошла к двери ванной и прислушалась.

– Дмитрий, – окликнула она, – как ты?

– Скоро выйду, всё хорошо.

– Ты повязку снял?

– Да.

– Рану не трогай. Одевайся, и я перевяжу тебя.

– Извини, я без рубашки, – выходя, сказал Дмитрий.

– Ничего страшного, иди сюда, – позвала она.

Осмотрев его предплечье, Софья аккуратно нанесла мазь на пластырь, и закрыла им рану, а сверху закрепила бинтом, повязав его поверх пластыря.

– Это обезболивающая антисептическая и быстрозаживляющая мазь. Рана не воспалилась, потому что мы обработали её водкой, и не кровоточит. Хороший признак! Через пару дней начнёт затягиваться, если всё пойдёт хорошо.

– Любопытный перевязочный материал, особенно тот, что ты приклеила к руке.

– Пластырь, предназначенный для ран, – пояснила Софья, – он не присыхает и легко снимается. Пластырь ещё бывает для сухих мозолей и для тех, которые натирают обувь. Давай я помогу надеть тебе рубашку.

Софья распаковала купленные вещи для Дмитрия.

– Тоже твоего мужа?

– Нет. Я это купила, пока ты принимал ванну. Вот носки и ботинки, – перечисляла девушка по мере того, что доставала из пакета, – куртка для выхода на улицу.

Дмитрий примерил ботинки.

– Как раз! Как же ты так точно подобрала размер?

– Сняла мерку с твоих сапог. Впрочем, то же самое и ты сделал для меня. А это джемпер и рубашки.

– Спасибо, Соня, но ты говорила, что небогата. Зачем потратилась?

– Ну, на одежду-то деньги есть. Я не богата, но и не бедна. У меня приличное жалованье. Я, так сказать, – середняк, – улыбнулась она.

Собираясь в магазин, Софья переоделась в джинсы и свободную блузку. Поэтому Дмитрий хоть и молчал, но украдкой бросал на неё заинтересованные взгляды.

Кухня наполнилась ароматом жареной курицы. Пока варился картофель, девушка порезала овощи для салата, сложила всё горкой в салатник, приправила специями, майонезом и перемешала. С помощью кухонного комбайна приготовила картофельное пюре.

– Я понимаю, почему тебе не нужна служанка, – задумчиво промолвил князь, – столько разных приспособлений и ты всё так быстро делаешь, даже самому хочется попробовать. Как ты только не путаешься.

– Когда ежедневно пользуешься техникой, то привыкаешь и действуешь механически. Большие знания здесь не требуются, – объясняла Софья, разобрав меж тем комбайн и моя его под струёй горячей воды.

– Дмитрий, я схожу минут на пятнадцать в душ, а ты подожди меня в зале.

– Как скажешь, – согласился он.

Пройдя в зал, она включила свет.

– Что это за машина? Я правильно назвал?

– Где? – и Софья проследила за его взглядом – Я тебе о нём рассказывала, это телевизор, одно из средств массовой информации. Проходи, садись.

Дмитрий сел в кресло, а Софья включила телевизор. Засветился экран, и появилось изображение со звуком. По первому центральному каналу шёл воскресный концерт. Слава Богу, пел Николай Басков в приличном костюме. Дмитрий смотрел на экран с широко открытыми глазами.

– Н... но, как? Как это возможно? Как они туда попали?

– Это только изображение. Внутри куча разных проводков, пластин и всего, о чём я имею очень скудные знания, а точнее поверхностные. Это область физиков. В Москве находится центральное телевидение, а здесь, в Питере, местное, откуда ведутся передачи. На крышах всех домов есть специальные антенны, что принимают передачи и по специальному проводу... – Софья наклонилась и указала на телевизионный шнур, – вот он, видишь, подключен к телевизору? Изображение поступает на экраны телеприемников. Я, конечно, объяснила всё некомпетентно, в общих чертах.

– Поразительно! Я такого и представить не мог. Изображение похоже на ожившую картинку.

Софья подала ему пульт и ознакомила, как переключать с канала на канал.

– Выбери себе любую передачу, что заинтересует, а я тем временем освежусь в душе.

Дмитрий удивлённо посмотрел на Софью и с трудом проглотил комок, подступивший к горлу, когда она вошла в зал через несколько минут. На ней были облегающие лосины и свободная шёлковая блузка, доходящая до середины бедра.

– Дима, извини. В мои планы совершенно не входило соблазнять тебя, но вся моя современная одежда... Я долго думала, что надеть, но мои халаты все короткие, почти как эта блузка. И чтобы не шокировать тебя, я надела лосины. Они всё же скрывают ноги.

– А, по-моему, лосины совершенно не скрывают твоих ног, – ответил он. – Но после того, что я видел по вашему телевизору, ты даже очень одета.

– А что ты видел?

– Да вот смотри сама, – и переключил телевизор на первый канал.

Под весёлую музыку по сцене скакали полуголые девицы и крутили бёдрами. Тряпочки, что заменяли юбки, при этом поднимались, оголяя попы, ничем не прикрытые. Ну не мог же Дмитрий знать, что такое стринги! Как это ему объяснить, если он и плавок-то не видел? В его время дамы носили панталоны ниже колен. Вместо блузок на певичках были открытые бюстгалтеры.

– Понимаешь, Дима, в наше время люди любят демонстрировать красивое тело, как когда-то это любили изображать великие художники. Современное поколение много времени посвящает занятию спортом. Спорт, бассейны, правильное питание, загар – всё это совершенствует фигуру человека. Артисты на сцене одеты более свободно и раскованно. В повседневной жизни они, конечно же, так не одеваются.

– А как же ваши мужчины? У вас же, наверное, насилия на каждом шагу?

– Да нет, наши мужчины привыкли к таким зрелищам, и ведут себя спокойно. Они и сами летом в жару ходят в шортах – таких коротких штанишках, предназначенных для мужчин.

Между тем Софья накрыла стол скатертью, поставила приборы и попросила Дмитрия открыть бутылку вина. Подала на стол салаты, бутерброды и горячее.

– За нашу встречу! – подняла Софья бокал, – За столь крутой поворот в нашей судьбе.

– Действительно, крутой поворот, – улыбнулся Дмитрий и поднял свой бокал.

Вечерние новости смотрели с особым интересом.

– Я не понял, – сказал он, – ваш президент провожал утром посла Швеции в Москве, а утром другого дня его уже встречают в Японии? Как это? Даже ваш подземный транспорт, на котором мы ехали, не может за столь короткое время покрыть огромное расстояние, разделяющее Россию и Японию.

– Вообще-то метро предназначено для местного городского перемещения. А в другие города и страны летают самолёты. Скорость у них очень высокая. К примеру, от Петербурга до Москвы лететь всего полчаса. А от Москвы до Японии часов девять. Хотя президентский авиалайнер возможно и быстрее обычного.

– Поразительно. А как они выглядят? Самолёты.

Софья взяла из шкафа энциклопедию и нашла раздел об авиации.

– Здесь всё о развитии авиационной техники. Давай ты завтра самостоятельно прочтёшь, когда я уйду на работу. Хорошо?

– А я не могу пойти с тобой?

– Завтра я схожу одна, посмотрю, как там да что. Я ведь исчезла на выходные, а меня могли искать друзья. На следующий день я покажу тебе наш музей.

Дмитрий всё же ради любопытства полистал книгу.

– Здесь написано, что самолёт может вместить до двухсот пассажиров. Он что, таких больших размеров?

– Да мы побываем с тобой в аэропорту, и ты сам их увидишь.

– Хотелось бы.

После программы «Время» начался показ художественного фильма.

– Что значит – художественный фильм?

– Это почти как театральная постановка. В фильме так же задействованы артисты, как и в спектакле, только художественный фильм снимается на киноплёнку. События там выглядят реально, как в жизни. Фильмы можно смотреть и по своему желанию, при условии, конечно, что у тебя дома есть необходимая видеоаппаратура. Но давай смотреть.

Начался фильм. Софья погасила люстру и включила бра, чтобы смягчить освещение. Дмитрий, внимательно не отрываясь, следил за действием фильма. Софья же украдкой наблюдала за выражением его

лица. На экране герои впервые поцеловались, и Дмитрий взволнованно взглянул на Софью. Улыбнувшись, она встала, собрала посуду и унесла на кухню. Девушка догадалась, что увиденная впервые подобная сцена смущает его.

– Почему ты ушла? – спросил Дмитрий, когда Софья вернулась.

– Я убрала посуду.

– Нет, ты ушла по другой причине, я же не идиот.

– Ну что ты, Дима. У меня и в мыслях нет – обидеть тебя. Просто, я уже видела этот фильм.

– Я не о том. Тебе ведь так же было неловко смотреть ту сцену в моём присутствии, как и мне.

– Я и не хотела смущать тебя своим присутствием. Наши современные фильмы изобилуют подобными сценами. Сейчас никого не удивишь поцелуем на экране.

– А как же мораль?

– Я понимаю тебя, но современное общество более раскрепощено. Сейчас нет тех жёстких ограничений, что были раньше. Ты обрати внимание, что в фильме, даже в откровенных сценах, отсутствует пошлость. Наоборот, акцент сделан на любовь и нежность. Ведь любовь – это прекрасно.

– Ты так легко об этом говоришь. В моём времени дама смущённо опустила бы веки.

– Но ведь эволюция движется вперёд. Наше общество, конечно же, не отрицает вопросы морали, но с развитием цивилизации люди поняли, что отрицать красоту чувств любви – это ханжество.

Закончилась реклама, и молодые люди продолжили просмотр фильма. Приближался момент близости героев. Софья знала, что режиссер акцентировал внимание зрителей на лицах и глазах героев, показав их крупным планом. Но всё же, хотя Софья и отстаивала современную раскрепощенность, ей было неловко в присутствии Дмитрия смотреть интимную сцену. Если бы она была к нему равнодушна... Девушка встала и вышла. Когда сцена на экране сменилась, она вошла с подносом, на котором дымилась чашечки с горячим чаем, а в вазочках лежали печенье и конфеты. Софья аккуратно всё поставила на столик.

– Почему ты снова вышла?

– Чтобы принести чай, – лукаво улыбнулась она.

– Софья, это предлог. Если ты так рьяно отстаиваешь достижения цивилизации в свободе проявления, что касается любви и отношений между мужчиной и женщиной, то почему опять сбежала в пикантной ситуации?

– Я хотела, чтобы ты без помех мог оценить красоту чувств, которые передавали герои.

– Я оценил. Я оценил, и кое-что другое. И для меня это намного важнее.

– Что именно?

– Твоё внутреннее целомудрие. Несмотря на браваду и рьяное отстаивание раскрепощения в чувствах, ты, как и женщина моего времени, так же

смущаешься, – он улыбнулся. – Но только ты не опускаешь скромно глаза, а спасаешься бегством с «места сражения», как сказали бы мои бывшие сослуживцы. Ты боишься, что я замечу то, что отразится в твоих глазах, – и добавил очень тихо, – то, что ты хочешь скрыть от меня.

– Да ты – психолог, – пробормотала Софья, покраснев.

А Дмитрий довольно улыбнулся, откинувшись на спинку кресла.

* * *

Поздно ночью, лежа на широкой кровати в спальне, Дмитрий прокручивал события прошедшего вечера. Столько всего нового и непредсказуемого свалилось на него. И Софья... Дмитрий улыбнулся. Необычная, внешне непохожая на его современниц, незнакомая, непостижимая женщина. Женщина, с которой так неожиданно свела его судьба. Как же она сказала? Крутой поворот в их судьбе. И хотя их разделяют целых два столетия, она удивительно близка ему по духу. Родство душ... Многие его современники посчитали бы Софью вульгарной, невоспитанной, грубой особой. Это оттого, что они не знают её, улыбнулся Дмитрий. За два дня он успел увидеть в ней утончённость, благородство, ум, самоотверженность. Но она такая же слабая, беззащитная и нежная, как женщины его столетия. Надо же, в XIX веке дама не должна без сопровождения прибыть на бал. А здесь они самостоятельно разъезжают по городу, ходят на работу и занимают руководящие должности. Несмотря на веяние моды, все новшества, типа коротких юбок и обтягивающих лосин и ещё... как она их назвала? Ах, да – джинсы. Софья сегодня весь вечер мелькала перед ним в таком виде... практически – раздетой. В его время в постель ложились более одетыми, чем она сейчас в домашнем костюме. Её лосины и полупрозрачная блузка не оставляли места для фантазии. Дмитрий еле сдержался, чтобы не сорвать эти признаки одежды и не заключить её в объятия. Но он – князь, человек благородный и должен вести себя соответственно. А она ни в чём не виновата, не она же придумала такую моду.

Проснулся Дмитрий от неясного шума. Как будто где-то лилась вода. Он не сразу понял, где находится. В окно с улицы пробивался свет ярче, чем лунный. Дмитрий попытался повернуться на бок и застонал от боли. Он встал, надел спортивное трико и вышел из спальни.

С кухни шёл аппетитный запах. У Софьи на плите что-то готовилось, а она мыла посуду.

– Доброе утро, – поздоровался Дмитрий.

– Доброе утро. Я тебя разбудила, прости.

– Нет, что ты. Я привык вставать рано. Но я опять без рубашки, извини. Мне трудно надеть её самому.

– Вот и хорошо, – улыбнулась девушка. – Мы сейчас тебя перевежем.

Она сделала необходимые приготовления. Осторожно сняла бинт и пластырь с раны.

– В общем-то, нормально, но немного кровит. Ты, видимо, во сне задел.

– Да хотел повернуться, совсем забыл.

– Ничего, сейчас промоем раствором перекиси.

Сделав перевязку, Софья проводила его в ванную и дала новую зубную щётку.

– Извини, я забыла вчера о щётке. В вашем веке зубы чистили, кажется, зубным порошком? Но паста удобнее – попробуй.

Софья резко повернулась, чтобы уйти, но Дмитрий подошёл и стоял вплотную. С разворота она почти уткнулась носом ему в шею, ведь ростом была чуть выше его плеча. А в небольшой ванной комнате он, казалось, занимал всё свободное пространство. Дмитрий слегка приобнял её, но Софья легко выскользнула и, поднырнув под руку, выскочила и прикрыла за собою дверь. Она прижалась спиной к стене, чтобы перевести дыхание. Сердце бешено колотилось. Господи, как же её волновал этот мужчина! После Сергея казалось, что никто больше не затронет сердце. Многие интересные мужчины назначали ей встречу, приглашали в ресторан, театр и другие мероприятия, но ко всем она оставалась равнодушна. А вот уже третий день, как ни разу не вспомнила о Сергее.

– Сережа, прости, – прошептала Софья.

Но откуда такое волнение? Она ведь уже целовалась с Дмитрием в карете. Вот именно! И едва себя не забыла от тех ощущений! А сейчас снова, как только прикоснулась к нему... Тепло и аромат, исходящие от его полуобнажённого тела... нет! Она не будет думать об этом. Надо успокоиться.

Софья накрыла на стол, пока Дмитрий совершал утренний туалет. А когда он вошёл на кухню, уже разливала готовый свежесваренный кофе. Она еле взглянула на него, делая вид, что полностью занята завтраком.

– Соня, помоги, пожалуйста, надеть рубашку.

Софья придержала рубаху, помогая ему продеть в рукав раненую руку, затем здоровую. Стараясь не смотреть в лицо, застегнула дрожащими руками пуговицы на рубашке.

– Благодарю, – тихо сказал он и, взяв её дрожащие пальцы, поднёс к губам.

Девушка ещё больше смутилась и покрылась ярким румянцем.

– Как видишь, чувства за сотни лет так и не изменились, – мягко произнёс он.

– Давай завтракать, – сказала Софья, чтобы как-то выйти из смущающей её ситуации.

– Ты очень вкусно готовишь.

– Спасибо.

– Я всё больше понимаю, почему вы обходитесь без слуг. При таком количестве умных машин, видимо, даже интересно что-то сделать самому, и доставляет удовольствие. Верно?

– Разумеется.

Закончив завтрак, Софья сложила посуду в мойку, времени для мытья, у неё уже не оставалось. Она объяснила Дмитрию, как пользоваться чайником и микроволновкой.

– Домой я вернусь к шести вечера. Согрей в чайнике воду, чай в пакетиках. В холодильнике ещё остались пюре и жареная курица. Подогреешь в микроволновке.

– Хорошо, я всё понял.

Софья переделалась в джинсы и лёгкую блузку. Дмитрий старался уже не удивляться её одежде, а только с интересом рассматривал. У выхода она надела курточку и обула туфли на низком каблукке. Взяла сумочку и остановилась у двери.

– Дима, никому не открывай и не выходи за дверь в моё отсутствие, иначе дверь может захлопнуться, и ты не попадёшь в квартиру.

* * *

– Сонька! Где ты была? – бурно встретила её подруга Катя.

– Я? – не готовая к вопросу, растерялась Софья.

– Мы с девчонками хотели в пятницу зайти к тебе после работы и посидеть, устроить девичник, в честь твоего дня рождения.

– Я, – Софья пыталась придумать причину, – видишь ли, встретила в парке давних друзей и уехала с ними на дачу. Вернулась только вчера вечером.

– Но я тебе звонила, а ты не отвечала.

– Телефон разрядился, – сказала Софья, и этот довод оказался почти правдой, – а зарядное осталось дома.

– Признавайся, – хитро прищурилась Катя, – у тебя появился ухажёр? Софья слегка покраснела.

– Точно! Я попала в цель! – обрадовалась Катя.

– Ну, не совсем ухажёр, – пыталась увильнуть Софья, – я ещё сама не знаю, как это назвать, но я встретила человека, который заинтересовал меня.

К подругам подошёл шеф, как они про себя называли директора Ивана Егоровича.

– Девушки, сегодня вы поработаете в хранилище.

– Иван Егорович, – протянула недовольно Катя, – но у нас и здесь работы полно.

– Сегодня мало экскурсий, поэтому в выставочном зале достаточно будет двух-трех человек. Я очень прошу вас, милые леди. Такое ответственное поручение я могу доверить только вам. Дело требует аккуратности и бережливости. – И серьёзно сказал: – Девушки, скоро зима; в хранилище надо «сделать ревизию» и всё привести в порядок. Да, да, Катюша, – видя, что девушка хочет возразить, тактично остановил её Иван Егорович, – я знаю, что там всегда порядок, но мы обязаны неукоснительно выполнять не нами установленные правила.

– Мы согласны, Иван Егорович, – взяв подругу за руку и потянув за собой, сказала Софья.

– Сонь, да не тяни ты так меня, – возмутилась Катя.

– Кать, а почему ты не любишь здесь работать? Мне так даже очень нравится. Здесь тихо, спокойно, никто не мешает.

– Мне нравится, но пусть шеф думает наоборот.

– Почему? – искренне удивилась Софья.

– Чтобы пораньше отпустил нас домой, как только закончим здесь с работой. Так сказать, в благодарность за тяжёлый труд.

– Ну, ты и симулянтка, – рассмеялась Софья.

– А что? Всякий труд должен вознаграждаться. Но так как нам не заплатят в денежном эквиваленте за дополнительный труд, попросим награду в виде сокращения трудового дня.

– Но это же не сверхурочная работа, – пыталась урезонить подругу Софья.

– Но и не прямые наши обязанности, – парировала та.

– Как хочешь, а мне здесь очень нравится. Здесь столько всего загадочного, интересного. Есть картины неизвестных художников. Неужели тебе никогда не хотелось разгадать их тайну?

– Хотелось, но это почти невозможно. В таком деле только случай может прояснить истину.

– Может быть.

Девушки беззаботно болтали, протирая мягкой тканью рамки старых полотен. В хранилище очень строго поддерживались чистота, влажность и постоянная температура. Несколько раз в год проверялось состояние полотен. Время от времени одни картины спускали в хранилище, а другие поднимали в выставочные залы.

– Сонь, а что за ухажёра ты подцепила и где?

– Да не ухажёр он, а просто приятный человек, джентльмен. Он оказал мне услугу.

– Какую же?

– Он защитил меня от каких-то типов, что пытались напасть в парке.

– В пятницу? В день твоего рождения?

Софья кивнула.

– Я же звала тебя с нами. Это всё твоё желание побыть в одиночестве. Но расскажи же, как всё было?

– Ты знаешь, что я люблю гулять одна. Я пошла через парк по аллее и свернула на грунтовую дорожку – пошуршать осенней листвой. Вдруг какие-то типы бросились ко мне со смешками и издёвками. Я стала убегать, а навстречу он.

– И что? – широко открыв глаза и уставившись на Софью, спросила Катя.

– Ну, он стал защищать меня, и они подрались. Дмитрий был ранен в руку.

– Так! Значит, его зовут Дмитрий! Надо понимать, что ни на какую дачу со старыми друзьями ты не поехала, а все выходные провела дома, выхаживая раненого?

– Да, – ответила Софья, – и поэтому на звонки не отвечала.

– Ну и как он?

– О чём ты?

– Ой, Сонь, не притворяйся. Естественно, меня интересует не тот факт, уступил ли он тебе место в автобусе. Каков он... ну, в другом смысле.

– Ну, что ты несёшь? – возмутилась Софья. – Ты, как всегда, спешишь.

– Ты хочешь сказать, что вы ещё не были близки?

Софья укоризненно посмотрела на подругу.

– Дмитрий получил ранение в руку от... ножа. В больницу нельзя – начнутся расспросы, допросы и все такое. Я просто ухаживаю за ним и делаю перевязки.

– Он и сейчас у тебя? – вытаращила глаза Катя. – А вдруг ограбит квартиру и скроется? Ты хоть видела его паспорт и прописку?

– Видела, – улыбнулась Софья, вспомнив, как впервые увидела его паспорт и грохнулась в обморок.

– Ну, не тяни! Что мне каждое слово из тебя вытаскивать? Где он живёт?

– В имении под Питером. А родители его в Питере, но летом живут с ним в имении.

– Потрясно! Он что новый русский?

– Когда я задала ему этот же вопрос, он ответил, что обычный русский из старинного княжеского рода.

– Надо же! Вы только поглядите – какие мы важные, – иронизировала Катя, – а ты не... ой, Сонь, иди сюда! Смотри!

Катя стояла перед старинным портретом молодой женщины.

– Она так похожа на тебя, только старше. Здесь что-то написано... ага, и имя Софья. А фамилия... очень плохо видно, – говорила Катя, присматриваясь к полотну, – так, Ба-тур-ли-на, – по слогам прочла она.

Софья ошарашено смотрела на портрет.

– Сонь, я бы подумала, что это ты. Но этой женщине за тридцать, а тебе всего двадцать пять. Вывод – это не ты. Может, одна из твоих прапра-прабабушек?

– Может быть, – промолвила Софья со слезами на глазах.

– Что с тобой?

– Ничего.

– Нет, ты определённо расстроена из-за портрета.

– Кать, поклянись, что никому не скажешь.

– Клянусь! – тут же охотно ответила она. – Я же твоя подруга. В чём дело?

– Дмитрий тоже Батурлин. Если я потомок этой женщины, то мы с ним родственники, – и у Софьи глаза вновь наполнились слезами.

– Всё с тобой ясно, ты в него влюбилась! А может, женщина его однофамилица?

– Но ведь Батурлины – старинный княжеский род. А какого года картина? – смахнув слезу, спросила Софья.

– Сейчас, минутку. Так, кажется, 1814 год.

– Я спрошу у Дмитрия, – воскликнула, не подумав, Софья, – есть ли у него такая родственница?

– Ты что? – уставилась на неё подруга. – Он-то откуда знает? Он же живёт не в XIX столетии.

Катя даже и не догадывалась, как сейчас попала в точку.

– Ах, да. Но, может, у них в семье есть старинные портреты? – выкрутилась Софья.

– Да не переживай ты так. За две сотни лет ваша кровь так разбавилась, что ничего родственного между вами, может, и не осталось. Да и фамилия у тебя другая.

Часам к трём девушки закончили работу, и по просьбе Кати их отпустили домой. Софья с трепетом открыла ключом дверь и вошла в прихожую. Навстречу вышел Дмитрий и взял сумки с продуктами у неё из рук.

– Ты говорила, что будешь позже.

– Просто директор отпустил меня пораньше. Мы с подругой закончили свою работу на сегодня.

– Ты какая-то грустная. Что-то случилось?

Софья посмотрела в его глаза, цвета виски... Господи, неужели они родственники? Но так не должно быть! Зачем тогда эта встреча? И это чувство, что заставляет трепетать её сердце от одного его взгляда? Ведь к родственнику нельзя испытывать такое влечение. Она отвела взгляд и прошла на кухню.

– Нет. Ничего не случилось, – ответила Софья, разбирая сумки с продуктами. Но, поразмыслив, решила: – Дима, у тебя в роду есть женщина, похожая на меня? И с таким же именем?

– Нет, никогда не видел и не слышал о такой.

– Правда? – с надеждой в голосе спросила она.

– Слово чести! А что случилось?

– Мы сегодня работали в хранилище, и нашли портрет Софьи Батурлиной. Она удивительно похожа на меня, только старше.

– И что?

– Я боялась, вдруг, мы с тобой – родственники?

– Боялась?

– Ну, да. Если мы с тобой родственники, то тогда не можем, – она вдруг замолчала, не договорив, опустила глаза и снова занялась продуктами.

– Не можем – что? – спросил он.

– Ничего, – смутилась своей откровенности девушка.

– Ты испугалась, что мы можем быть родственниками, а поэтому не можем любить друг друга?

Софья мельком взглянула на него и кивнула. Дмитрий подошёл и заключил её в объятия. Девушка, как бы защищаясь, положила руки ему на грудь и напряглась.

– Ну вот, – улыбнулся он, – ты так рьяно отстаивала свободу в чувствах, а как только я к тебе приближаюсь, то принимаешь защитные меры, как и девушки моего времени. По-моему, ничего не изменилось, кроме моды. Софья, посмотри на меня, – сказал он, приподнимая ей подбородок. – Я давно уже прочёл в твоих глазах то, что ты пытаешься скрыть. Можно, я поцелую тебя?

Комок подкатил к самому её горлу.

– Я... я не... – забормотала она.

Дмитрий медленно наклонился и... и всё исчезло: и неловкость, и сомнения. Она обхватила его за шею, и пальцы рук заблудились в густой гриве волос. Девушка страстно прижимала его голову, как бы боясь, что он вдруг прекратит поцелуй.

– Вот видишь, милая, мы не можем быть родственниками. К сестре у меня совсем иные чувства.

– У тебя есть сестра?

– Кузина. Мы росли вместе, и она мне, как родная. Но ты ведь испытываешь ко мне не сестринские чувства? Так?

– Да.

И они снова поцеловались.

– Как твоя рана? – спросила Софья через минуту.

– Совсем не болит, ты и ваши лекарства творят чудеса.

– Дима! – воскликнула она удивленно, посмотрев в мойку. – Ты помыл посуду?

– Мне стыдно сидеть дома и ничего не делать, – пожал он плечами, словно это для него было обыденным делом – помыть посуду. – Ты ведь заботаешься обо мне.

– Прогресс! – только и сказала Софья. – У меня идея! Мы сейчас сходим в кино.

– Это как в телевизоре?

– В принципе, да. Только в кинотеатре все происходит на большом экране. Вот увидишь, это классно! Театр ты видел и в своём времени, а вот с кино я тебя познакомлю.

* * *

Софья надела прямую юбочку до колена, короткий тонкий джемпер и курточку. На ноги обула осенние туфли на каблучке.

– Ты прелестна, – оглядывая её, сказал Дмитрий, – но юбка, на мой взгляд, короткая.

– Нет, моя юбка средней длины. Короткую, то есть мини-юбку, ты видел у той девушки в метро. На меня никто не обратит внимания.

– А я?

– Ты должен привыкать. – И оглядев его, сказала: – Тебе очень идёт современная одежда. Ты и в своём веке довольно интересный мужчина с колоритной внешностью, – при этих словах оба улыбнулись, вспомнив первое знакомство, – а здесь... мне будут завидовать другие девушки.

– Подобные комплименты полагается говорить даме, а не мужчине.

– А разве тебе не интересно, как ты выглядишь?

– Да, но я просто могу посмотреть в зеркало.

В кинотеатре шёл фильм «Турецкий гамбит». В некоторых местах, где использовались спецэффекты, типа летящего колеса, Дмитрий вздрагивал, пытаясь отклониться. Но Софья взяла его за руку, и он успокоился.

– Потрясающее зрелище! – сказал он, когда они гуляли по набережной. – Театр – это игра актеров на сцене и понимаешь, что это только игра. А

здесь... всё как в жизни, и выглядит реальным. Но я не могу понять вонзающегося в лоб ножа или пули в горло. Кровь, клокочущая из раны. Неужели это можно сделать, не убив кого-то? Всё так живо, по-настоящему.

– Это называется – создание спецэффектов. Все актёры и животные при съёмках остаются живы и здоровы.

– А что за война с Турцией?

– Для вашего времени ещё не скоро. Хотя, как сказать. Семьдесят лет для истории не такой уж большой срок.

– А эта девушка – Варя Морозова, она больше похожа на ваших современниц. Я имею ввиду характер и манеры поведения.

– Может быть, ведь книгу о Фандорине написал наш современный автор.

Они брели по набережной в свете вечерних фонарей. Волны с тихим плеском набегали на каменные ступени и снова отступали.

– Дмитрий, я всё хотела спросить, почему Селезнев и после дуэли преследовал тебя? Вы же разрешили конфликт с оружием в руках и оба остались живы. Казалось бы, он должен быть удовлетворён.

– Потому, что я не произвёл свой выстрел, а оставил за собой.

– Но почему?

– Он поспешил с выстрелом и ранил меня. А я, будучи раненым, не смог бы точно прицелиться, так как дрожала рука. Поэтому оставил выстрел за собой.

– А Селезнев теперь живёт в постоянном страхе за свою жизнь?

– Да. Но мне трудно понять другое – он ведь ГРАФ. Как он мог решиться на столь низкий поступок

– Но тогда он будет поджидать тебя.

– Меня не это волнует, а тот факт, как снова вернуться в моё время. Ведь в первый раз, когда мы искали лаз, то исходили ту поляну вдоль и поперёк, но у нас ничего не получилось. А когда ты снова зацепилась за корень каблуком, мы проникли в твоё время. Как мы найдем тот корень?

– По-моему, всё дело не в корне. Я размышляла над этим и пришла к выводу.

– ?

– Видишь ли, в самый первый раз я тоже зацепилась каблуком, но заметь – тоже упала, хотя только на колени.

– И что?

– Я думаю, что дверь во времени находится низко над землёй. Достаточно присесть или низко нагнуться, и мы пройдем. В прошлый раз, когда мы истоптали поляну, то ходили во весь рост, и у нас ничего не получилось.

– Разумно. Мы должны обязательно проверить.

Вечером, смотря телевизор, Дмитрий восклицал:

– Ты только посмотри, что творится в мире! Ведь – осень, а во многих странах происходят наводнения, цунами. В Библии сказано, что перед концом света увеличатся хлады, глады, землетрясения, по местам

наводнения. Обрати внимание – по местам, а не везде. В моё время, чтобы наводнение случилось осенью... я такого и не припомню.

– Учёные говорят, что происходит глобальное потепление климата на планете. А это чревато таянием ледников в Антарктиде, и повышением уровня мирового океана.

– Значит, у вас здесь действительно не так всё гладко, как кажется на первый взгляд. Хотя вы летаете даже в космос.

– Ты и об этом уже знаешь?

– Я же целый день был у телевизора и энциклопедию читал. Так вот, несмотря на все достижения цивилизации, люди прямо на улицах не стыдятся, ругаются матом. Я не видел, чтобы кто-то перекрестился. В нашем веке перекреститься – обычное дело, как поздороваться.

– Да, сейчас атеистов больше, чем верующих.

– Вот Господь вас и наказывает. Смотри, что люди творят во всём мире: взрывы в городах, гибнут дети и мирные люди. А оружие какое страшное! По телевизору была передача о терактах. Это что же за ироды такие? Во время войны тоже страшно и люди гибнут. А у вас массовые убийства происходят в мирное время в больших городах. Да ещё в скоплениях народа. Что же ваши правители, имея такое вооружение, не могут ничего сделать? Остановить всё это?

– Всё очень сложно. В мире столько оружия, что оно продаётся и покупается преступниками. Многие на этом богатеют, а затем обманным путём пробираются в правительство, занимают руководящие посты. Не будут же они бороться сами с собой. Есть люди, что во имя каких-то своих идей, веры или взглядов готовят такие теракты. Они ходят среди нас и их невозможно выследить. На обычного прохожего ведь не подумаешь, что он террорист.

– Не знаю такой веры. В любой вере: христианстве и исламе, главная заповедь – не убий!

9

– Знакомьтесь – Катя, моя подруга. А это – Дмитрий, мой... друг, – представила Софья их друг другу.

Дмитрий галантно поцеловал протянутую для пожатия руку. Катя улынулась.

– Очень приятно.

Сотрудники музея с интересом посматривали в их сторону, особенно женская половина коллектива.

– Ты дала новую тему для пересудов, – сказала Катя, – ближайшую неделю «на повестке дня» будет обсуждаться только эта сенсационная новость.

– Что ж я не против, – улыбнулась Софья, – надо же чем-то занять свободное от работы время.

– И здесь то же самое, – проворчал Дмитрий, подняв глаза к небу.

Туристических групп в этот день было немного, и Софья провела только две экскурсии. Дмитрий внимательно слушал её, особенно когда видел портреты своих современников и знакомых.

Удивительная штука – время. Здесь он слышит о своих знакомых в давно прошедшем времени. О каких-то их деяниях, подвигах, которых в его времени они ещё не совершили. Для него они такие же реальные и живые, как Софья, Катя и окружающие в данную минуту люди. Ещё недавно на балу он видел многих своих современников, о которых Софья говорит, как о героях. И ничего особенного, значительного с ними ещё не случилось.

После обеда Дмитрий с Софьей и Катей спустились в хранилище. Девушки показали ему портрет женщины, так похожей на Софью.

– Нет, я никогда не видел её прежде. И не слышал ни от батюшки, ни от матушки. Странно...

– Да что же тут странного? – воскликнула Катя. – Она же жила в позапрошлом столетии. Откуда ты и твои родители могут о ней знать? Если, конечно, она не прямой предок, и вы до наших дней не ведёте родословную? – Софья с Дмитрием переглянулись. А Катя продолжила: – Может, она из одной, совсем незначительной ветви вашего рода. Возможно, она приехала ненадолго из провинции в 1814 году и подвернулась под руку неизвестному художнику. Он её запечатлел, а портрет как-то пережил все передрыги революции, отечественной войны и сохранился во времени.

– Может быть, – задумчиво промолвил Дмитрий и как-то странно взглянул на Софью.

– Что? – тут же перехваченным от волнения голосом прошептала она.

– Нет, ничего.

– Ты всё же думаешь, что мы можем быть родственниками? – затаив дыхание, спросила Софья.

– Воз-мож-но, – размышляя о чём-то своём, протянул он.

В помещении повисла полнейшая тишина. Девушки, приоткрыв рты, смотрели на Дмитрия, ожидая, что же он ещё скажет? Но Дмитрий молчал, внимательно изучая портрет.

– Дим, – прошептала Софья, – ты кого-то вспомнил?

– Что? А... нет, – словно очнулся Дмитрий. – Я просто подумал, что... но это только моё предположение. Возможно...

– Что?! – дуэтом воскликнули девушки.

Дмитрий взглянул на их замершие в ожидании лица, на приоткрытые рты, распахнутые глаза, в которых светился живой вопрос и ещё что-то. Возможно, надежда, что он вдруг сию же минуту, по мановению волшебной палочки, найдёт ответы на все их вопросы и откроет тайну. Ему вдруг стало легко и весело. Дмитрий широко улыбнулся и, приобняв Софью, чмокнул девушку в щёку.

– Что, Дим? Ты что-то вспомнил? – отстраняясь, спросила она.

– Нет, пока ничего. Но дай мне немного времени, и я отвечу тебе на этот вопрос.

– Опять – время, – сказала Софья, и только Дмитрий понял, о чём она.

Два следующие дня быстро пролетели, насыщенные различными событиями и знакомством Дмитрия с современным миром. В четверг Дмитрий отправился в музей к Софье с намерением проверить, верна ли их версия о проникновении из одного мира в другой.

В конце рабочего дня Софья с Дмитрием проводили подругу до остановки.

– До завтра, – попрощалась Катя и побежала к автобусу.

– В парке ещё многолюдно, – оглядевшись, сказала Софья, – погуляем немного?

Дмитрий предложил ей руку, и они побрели по аллеям парка, ожидая, когда разойдутся последние прохожие. Из туч, затянувших осеннее небо, начал накрапывать дождик. Софья достала из сумочки зонт, нажала кнопку, и он с упругим хлопком развернулся.

– Позволь? – Дмитрий взял у неё из рук зонт и внимательно рассмотрел, повертев в руках. – Как ты это сделала?

Софья показала пальцем на кнопочку. Дмитрий нажал на неё, и зонт с шорохом легко свернулся обратно. Ещё раз нажал, и тот снова раскрылся.

– Надо же, такую вещь, как зонт и то усовершенствовали.

Некоторое время они шли молча.

– Софья, – останавливаясь, обратился к ней Дмитрий, – думаю, тебе не покажется таким уж неожиданным то, о чём я сейчас скажу. С тех пор, как мы познакомилась, между нами возникли определённые чувства. Ты стала безмерно дорога мне. Я не хочу показаться самонадеянным, но замечая, что и ты ко мне не равнодушна. Нет, подожди, не перебивай, – остановил её Дмитрий, заметив, что она хочет что-то сказать. – Я – мужчина и, следовательно, должен принять решение. Если у нас сегодня всё получится, то мы вернёмся в моё время. Ты должна знать, что мои намерения благородны.

– Дмитрий, у меня и в мыслях нет, сомневаться в твоей благородности.

– Не перебивай. Здесь у вас, как я понял, всё проще, что касается отношений между людьми. Но у нас считается неприличным для молодой дамы – проживание в доме холостого мужчины. Поэтому, Софья, я предлагаю тебе руку и сердце и прошу стать моей женой.

– Дима, Дмитрий, – взволнованно сказала Софья, – мне очень приятно твоё предложение, но и очень больно.

– Отчего же?

– Видишь ли, ты мне, действительно, безразличен. Ты мне очень нравишься и волшебным образом действуешь на меня. В твоём присутствии я волнуюсь, как девчонка, и... Но, Дима, как же мы можем быть вместе? У меня здесь дом, любимая работа. У тебя там тоже своя жизнь, родные. Ответь, ты захочешь остаться со мной здесь, навсегда?

– Нет, я не могу. Я только вернулся с военной службы. Батюшка говорил, что император намерен призвать меня ко двору. Я не смею отказать.

– Вот видишь! У каждого из нас своя жизнь, в своём времени. Но, Дима, – с болью в голосе спросила девушка, – если ты сейчас пройдёшь в тоннель, ты ещё вернёшься?

– Непременно, – улыбнулся он, – пока я в отпуске, и пока тоннель открыт, я хочу и имею намерение о многом ещё узнать. Ты обещала показать самолёты. Надеюсь, ты ещё не передумала?

Софья радостно улыбнулась ему в ответ.

– Дим, это здесь, за скамейкой, – сказала она и, оглядевшись, остановилась. – Вокруг никого, пойдём?

Сойдя с аллеи, они подошли к старому дереву.

– Дима, мне страшно, – прошептала Софья, сжав его руку в своей. – Вдруг ничего не получится.

– Я тоже волнуюсь. Пошли?

– Пошли. С Богом.

Дмитрий перекрестился и первым, наклонившись пониже, шагнул... Софья видела, как он постепенно исчезает, как бы растворяясь в воздухе. Осталась только его рука, за которую она держалась. Дмитрий нетерпеливо подёргал её, и Софья, наклонившись, быстро шагнула следом. В тот же миг, окружающий мир видоизменился. Здесь не было никакого дождя, а стояла тихая безветренная погода. Всё было, как и прежде, только листва на деревьях заметно поредела. Софья вынула из пакета плащ Дмитрия, который захватила с собой из дома и накинула ему на плечи.

– Чтобы не привлекать внимания, – пояснила она.

– А ты? Ты свой плащ взяла?

– Нет, я сейчас вернусь обратно – мне с утра на работу. А ты успокой родных, что жив-здоров, и возвращайся. Я буду очень ждать тебя. В течение недели, каждый вечер, в это же время жду тебя у нашей скамейки.

– Я и не предполагал, что мне так трудно будет расстаться с тобой, – сказал Дмитрий и, крепко прижав к себе Софью, горячо зашептал: – Может, всё же, пойдёшь со мной? Пусть неприлично! Пусть говорят о нас! Мы завтра же пойдём, обвенчаемся и пресечём все слухи. Я не дам тебя в обиду.

Софья подняла к нему лицо, и губы их встретились.

– Димочка, – говорила она с нежностью, – в отличие от твоих современниц, я не боюсь слухов и пересудов. Но не могу вот так взять и разорвать всё то, что связывает меня с моим временем, где я родилась. Мне необходимо хотя бы подумать. Моё сердце разрывается между двумя мирами. Мне не даёт покоя та женщина с портрета. Завтра я намерена просмотреть архивы, и хоть что-то найти о Софье Батуриной. – И тише добавила: – Я боюсь, что нас могут связывать родственные узы.

– Тебя *это* больше всего удерживает?

– Скажем так, что это одна из важнейших причин, – Софья огляделась по сторонам, – ну что ж, мне пора. Я буду ждать тебя.

– Может, останешься?

– Нет, Дим, не могу.

Дмитрий притянул её к себе и крепко поцеловал.

– Хоть мне и трудно уйти, но надо, – глядя ему в глаза, сказала Софья, – вот возьми, здесь перевязочный материал. Как им пользоваться – ты знаешь. Всё, мне пора.

Софья ещё раз припала к его устам. Затем повернулась и, наклонившись, шагнула в тоннель. А Дмитрий быстрым размашистым шагом пошёл в сторону имения.

10

Как только Дмитрий скрылся за поворотом, из густых зарослей кустарника выбрался молодой мужчина. Где-то за деревьями заржал конь, и мужчина повернул голову в его сторону. Но тут же нетерпеливо отмахнулся и пошёл к старому клёну, где только что исчезла Софья.

Юрий Селезнев несколько дней назад, потеряв из виду Дмитрия и Софью, был ошеломлён. В прошлый раз он почти настиг их, но они бесследно растворились. Он обшарил всю окрестность, но не нашёл никаких следов. Дмитрий не появлялся даже в своём особняке. Опрос местных крестьян и служанки так же ничего не дал. С тех пор Юрий почти неотрывно с утра до поздней ночи дежурил в лесу, где когда-то встретил девушку странной внешности и где потерял из виду Дмитрия с Софьей. Временами незаметно подъезжал к особняку, но безрезультатно.

Что же произошло? Думалось Юрию. Куда они могли скрыться? Что за тайна здесь кроется? Почему они убегали? Исчезнуть незаметно – невозможно. Лес в это время года хорошо просматривается. Да и бежал он за ними почти след в след. Надо хорошо подумать. Итак: они упали и не поднимались, он бы заметил. Отползти так быстро тоже не могли. В-первых, Юрий с друзьями очень быстро, практически через несколько секунд, были на месте падения беглецов. Во-вторых, князь был ранен, что, скорее всего, причиняло ему боль и неудобства. Получается какая-то нелепица, если только Дмитрий с Софьей не провалились сквозь землю. Какая-то странная история с этой девушкой, окружённой тайной. Её необычный наряд при первой встрече, появление на балу, странные и непонятные слова, что она порой произносила... Данные обстоятельства вызывали у Юрия непреодолимое желание понаблюдать за князем и девушкой.

Наконец-то сегодня его ожидание было вознаграждено. Как из-под земли, а точнее из воздуха, материализовался Дмитрий, а следом за ним и Софья. Они о чём-то тихо говорили и целовались, но разобрать слов Юрий не мог. Затем девушка наклонилась, как если бы перед ней была очень низкая дверь или другой лаз, шагнула и исчезла. Дождавшись, когда Дмитрий скрылся, Юрий быстро подошел к дереву, возле которого исчезла Софья, и, замерев от волнения, сделал шаг в ту же сторону. Но... ничего не произошло. Он вернулся в исходное положение, и, помня, как это проделала она, наклонился и шагнул.

Вдруг стало светлее, и пейзаж резко изменился. В глаза молодому человеку бил яркий свет, что исходил от неизвестных ему светильников,

напоминавших уличные фонари. Но не те фонари, к которым он привык и что зажигали фонарщики на улицах родного города. Прямо среди леса чудесным образом возникли ровные улочки, вдоль которых возвышались необычно яркие светильники и стояли скамейки. Непонятно откуда шёл странный гул. Он был похож на отдалённый грохот мощного водопада. Но какие-то странные резкие и мелодичные звуки нарушали это монотонное звучание. Что же там может быть?

Юрий вышел на аллею, осмотрел фонарь. Нет, пламени в нём не видать. Юрий не помнил такого яркого света ни от одного известного ему осветительного прибора, разве что от солнца. Но гул не давал покоя, что же может издавать такой звук? И молодой человек пошёл в направлении шума. Наконец парк окончился, и глазам открылась широченная дорога, какой он в жизни не видел. Вся поверхность дороги была ровная и гладкая, как стол. Юрий наклонился и дотронулся до неё рукой. Очень твёрдая. Как камень. Впрочем, дорожки в парке и тротуар, на котором он стоял, такие же. Надо же, как всё ровно уложено, что даже не видно ни зазоров, ни трещин между камешками. Хотя трещины всё же есть, но общего впечатления не портят. Юрий до сих пор знал только выложенные булыжником мостовые в крупных городах, но те бугристые и виден каждый отдельный камешек. Эта же широченная дорога была ровной, гладкой и разрисована белыми полосами – очень красиво! Но то, что двигалось по ней туда-сюда, он не мог не то что представить, но и увидеть в самом фантастическом сне. По направлению в обе стороны неслись с огромной скоростью, иногда подавая резкие сигналы, маленькие самоходные... не то коляски, не то кареты. Конечно же, эти самоходные штуки не были похожи ни на что, виденное им прежде. Но, как и у карет с колясками, у них так же были четыре колеса. Спереди, как огромные глаза, горели очень яркие фонарики, что далеко вперёд освещали дорогу, а сзади маленькие, не очень яркие и красные, видимо, чтобы в темноте при такой большой скорости никто не наехал случайно. Самоходные маленькие каретки напоминали округлые морские камешки удлинённой формы. Но вот мимо проехал большой экипаж, изнутри освещённый ярким светом, где сидело много людей, а некоторые даже стояли. Экипаж остановился, бесшумно открылись створки, и вышло несколько человек. Другие люди, стоявшие на краю дороги, вошли внутрь. Створки закрылись, экипаж издал утробный звук, из-под заднего колеса вылетел дым, и экипаж поехал. В ноздри Юрию пахнул неприятный запах. Он закашлялся. Проходящие мимо люди с любопытством посматривали на него. Внешним видом людей он так же был ошеломлён: все женщины ходили в коротких юбках или штанах, как мужчины. Многие дамы были острижены, как мужчины, и отличались от них только наличием груди.

– Сударыня, – обратился он к проходившей мимо женщине средних лет, что по его меркам была одета приличнее других и скромнее, – вы не скажете, где я нахожусь?

– Пить надо меньше, – огрызнулась женщина и, посторонившись, быстро прошла мимо.

– Чего только на себя не напялят, чтобы выпендриться, – сказал о нём своё мнение проходящий мимо мужчина интеллигентной наружности.

Компания же юношей и девушек привела его просто в изумление. Мини-юбки или облегающие брючки, очень коротко остриженные волосы у девушек и почти наголо у юношей – ошеломили и без того находящегося близко к истерике Юрия Селезнева. Он что в бреду? Или у него белая горячка? Нет. Надо срочно вернуться назад. Юрий быстро побежал в парк. Но куда же идти? Все дорожки похожи одна на другую. Фонари все, как один. Юрий метался по аллеям парка, но не мог вспомнить, где же он прошёл в этот странный мир. Может, он оставил там след? Может, там смята листва или ещё что? Но осенний листопад с каждым днём становился всё обильнее; новая листва ложилась поверх старой, укрывая все следы. Между тем, почти совсем стемнело.

Побродив по парку, Юрий решил отдохнуть, успокоиться и поразмыслить. Хорошо хоть дождь, что начал было накрапывать, прекратился. Поэтому можно было присесть на скамью и отдохнуть, без риска промокнуть. До боли в желудке хотелось есть. Находясь в засаде в ожидании Дмитрия, Юрий перекусил ещё в полдень и то наспех, поэтому голод всё больше и больше давал о себе знать. Молодой и крепкий организм требовал поддержания сил. Но где ему найти хоть какую-то харчевню? Куда пойти в этом странном мире? К кому обратиться? Первые же люди, с кем Юрий пробовал заговорить, обругали его или осмеяли. Компания молодых людей, оглядев его с головы до ног, прыснула со смеху и удалилась. Хотя на его взгляд, он выглядит приличнее всех тех, кого ему довелось здесь встретить. Да и в конце-то концов! Он джентльмен!

Уже совсем стемнело, но благодаря необычно яркому освещению в парке вдоль аллей было светло, как днём. Только в зарослях кустов и деревьев появились таинственные ночные тени.

На аллее, со стороны широкой дороги, кто-то быстро шёл в его направлении. Неужели это женщина? Одета она была в джинсики и курточку, но Юрий не знал этих названий. Принадлежность полу он определил по походке и тому, как по асфальту постукивали тоненькие и высокие каблочки. Он ещё подумал, как можно, чтобы барышни рядились в штаны и жакеты, вроде мужчин.

Девушка подходила всё ближе, и Юрий заметил, что волосы её собраны на затылке в пучок, а на висках и лбу вьются прелестными колечками. При ходьбе хвостик раскачивался, и длина его доходила почти до талии. Этот факт, после виденных им стриженных голов, значительно расположил его к даме.

– Милая барышня, – заговорил Юрий, вставая, – сударыня, я прошу прощения, что, не будучи представленным, обращаюсь к вам, не сочтете ли за труд объяснить мне – где я нахожусь?

Девушка оглядела его с головы до ног. И он, видя изумление, отразившееся на её лице, поспешно добавил:

– Не пугайтесь, я – джентльмен и не причиню вам вреда.

Странная внешность человека и его манера говорить озадачили девушку, а потом рассмешили. Она подумала, что это розыгрыш и, улыбаясь, ответила:

– Вы в парке, «сударь»

– О, я это вижу. Но как называется местность, где расположен парк? Почему здесь такие странные люди? Я пришёл сюда через какой-то лаз, что расположен прямо в воздухе. Для меня вдруг всё изменилось, я попал совсем в другой мир и не могу вернуться назад.

– С вами всё ясно, – громко сказала девушка, решив, что её разыгрывают, – вам надо в больницу! – И подумав, добавила: – А с наркотиками завязывайте, это очень вредно!

И быстро зашагала прочь.

– А что я должен завязывать? – не понял Юрий. И тихо добавил: – Или как?

Молодой человек оглядел себя, может, шейный платок развязался? Но нет, всё в порядке? Он не спеша побрёл следом за девушкой, подошёл к фонтану, который уже не работал в осеннее время года. В бассейне фонтана на поверхности оставшейся воды плавала сухая листва. Юрию очень хотелось пить. Он рукой разогнал листву и зачерпнул ладонью воду. Вода оказалась ужасно невкусной, от неё пахло тиной и ещё чем-то не очень приятным. А точнее очень неприятным, но отдалённо знакомым. И чтобы как-то скоротать время, он стал вспоминать вещество с этим запахом. Ах, да! Конечно! Вода отдавала хлором. Её же нельзя пить, какая гадость, думал он, отплевываясь.

Так Юрий просидел в тени фонтана около получаса. Вдруг снова услышал знакомый цокот каблучков. Но, помня, как девушка поспешила оставить его, не стал выходить из тени, чтобы не быть назойливым. Да и дворянская гордость не позволяла терпеть уничижительное к себе отношение.

Девушка была уже совсем близко, когда из тени зарослей, прямо перед ней, выскочили двое мужчин, одетых в бесформенную одежду. На них были широкие штаны и широкие жакеты, как будто надутые. Юрий такой одежды и у нищих в своем мире не видел. Чёрные шапки, надвинутые на глаза, обтягивали головы.

– Гони деньги и мобилу, – подступая к девушке и выставя вперёд нож, сказал один из грабителей. Второй стоял рядом и держал руки в карманах.

Юрий, не раздумывая, выхватил из-за пояса пистолет, что носил при себе, по долгу службы. Он выскочил из тени, наводя оружие на преступников.

– Господа, я требую оставить даму в покое, иначе пристрелю вас без предупреждения.

Грабители обернулись, но, видя оружие странного вида, направленное на них, переглянулись.

– Что это у тебя за пукалка? Она стрелять-то может?

Молодые хулиганы заржали, и первый, что угрожал девушке, потянулся к сумочке, висевшей на её плече. Юрий нажал на курок, и раздался выстрел. Преступник закричал от боли, выронив нож, и схватился за запястье, из которого хлынула кровь. Второй выхватил из кармана нож. Демонстрируя ловкость, он легко перекинул нож из руки в руку и стал подступать к Юрию.

– Ну, ты! Бэтмен! Или как там тебя? Чёрный плащ? Что кончился заряд в твоём антиквариате? Сейчас я распишу тебя ножичком.

Но Юрий отбросил в сторону разряженный пистолет и выхватил из-за пояса другой, что имел про запас, если вдруг снова промахнётся в Дмитрия. Не ожидая такого поворота событий, преступник отбросил нож и, подняв руки, отступил.

– Всё, всё. Я понял. Мы уходим.

Он схватил своего друга, и они скрылись.

– Сударыня, вы не пострадали? – учтиво обратился Юрий к девушке, пряча за пояс пистолет.

Он поднял с земли разряженное оружие и так же спрятал его за пояс.

Девушка, глядя на него, отступила. Юрий, заметив её страх, удивился – она его боится? Он же спас её!

– Вам не следует меня бояться, милая барышня. Я сам, волею судьбы, попал в затруднительное положение. Но скажите, кто эти люди, что требовали у вас деньги и ещё что-то, чего я не понял.

– Да просто шпана, что вечерами грабит одиноких прохожих.

– Но теперь они будут знать, что всегда могут встретить достойное сопротивление. Возможно, данный факт заставит их передумать заниматься столь сомнительной деятельностью.

– Не думаю, – ответила девушка, – это лёгкий способ наживы. Жертву они выбирают слабее себя и в основном – одинокого прохожего. То, что вы находитесь рядом и можете прийти мне на помощь, для них явилось неожиданностью.

– Отныне они будут знать.

– А откуда у вас это старинное оружие? Сейчас такое только в музеях.

– Ну, как же? Я нахожусь в гвардии, на службе у императора.

– Вы фантазёр? – засмеялась девушка.

– Вы мне не верите?

– Простите, мой таинственный спаситель, но сейчас начало XXI века, а царское правительство свергнуто ещё в 1917 году.

– Что?..

Юрий остановился, как вкопанный! Как громом поражённый! Девушка с любопытством наблюдала за ним. Это что, игра? Тогда он великий артист, которого она почему-то не видела на экранах. А такой талант не может быть незамеченным. И эта его странная одежда. Даже если костюм шит для артиста, то ткани уж слишком добротные. Зачем такое расточительство? Да и жарко на сцене в такой одежде. И качество материи... какое-то несовременное, что ли? Нет, среди современных

тканей есть и более дорогие, но эти... Девушка осторожно провела рукой по его плащу и дотронулась до рукава рубашки. Юрий улыбнулся.

– Ткани натуральные? – спросила она.

– А разве бывают другие?

– Но ведь это очень дорого, даже для театра.

– О, – улыбнулся Юрий, – в театре используют дешёвое сукно, а мой плащ из шерсти. Моя семья довольно состоятельная, и мы можем позволить себе добротную одежду.

– А как ваше имя?

– Юрий Константинович Селезнев, – щёлкнув каблуками и слегка склонив голову, представился он, – наследный граф имения Селезневых. В данное время состою на службе в гвардии его величества Александра I, в чине поручика.

– Хорошо отрепетировали свою роль, – усмехнулась девушка.

– Это не роль. Я говорю правду. А как ваше имя, сударыня?

– Меня зовут Катя. Екатерина Сергеевна Вишнякова. И без титулов.

Их сейчас, как вы знаете, не существует.

– Очень приятно, Екатерина Сергеевна, – и он поцеловал ей руку. – Могу я вас проводить? Во избежание новых нападений.

– Буду благодарна.

И они не спеша направились к выходу из парка.

– Извините, Екатерина Сергеевна, – начал Юрий.

– Можно просто – Катя, – поправила девушка.

– Хорошо, а ко мне обращайтесь – Юрий. Я вот о чем хотел спросить, Катя, а где здесь можно утолить жажду? У меня с обеда не было ни капли во рту, а вода в фонтане непригодна для питья.

– Это точно, – улыбнулась Катя, взглянув на воду в бассейне, – пойдём в супермаркет.

– Куда, простите?

– В магазин.

Какой-то он странный, размышляла Катя. Ведёт себя вполне прилично, учтив. Как-то нереально в наше время. А может, он сумасшедший? Ну, такое слабое помешательство. И вполне возможно сбежал из психушки. Или конченный романтик. Начитался старинных романов и от безысходности современной жизни, от повсеместной несправедливости, впал в психоз. Вообразил себя защитником угнетённых и обиженных, нацепил старинный костюм, и изображает эдакого «рыцаря». А... а может, он маньяк? Нет. Не похоже. Он хладнокровно защищал её. А от вида крови на руке грабителя у него не загорелись глаза каким-то там ненормальным блеском. И домогаться он её не пытался типа: «Я злодея зарубил? Я тебя освободил? А теперь душа-девица на тебе хочу жениться». А ведь они долго наедине были совершенно в тёмном месте. Ну, или почти в тёмном. Ведь стоило бы ему применить силу, и она не смогла бы воспрепятствовать ничем – он довольно плечистый мальч. Странно, может, он и правда болен?

Они вышли из парка и направились к супермаркету.

– Как здесь светло и красиво! – восхитился молодой человек.

Катя лишь удивлённо взглянула на него.

– Ты что будешь пить?

– Воду.

– Какую? Пепси, спрайт, минералку?

– Не знаю...

Катя положила в корзину пластиковую бутылку минеральной воды и «спрайт». В соседнем отделе взяла несколько пирожков и направилась к кассе. Юрий молча следовал за ней. Посетителей в это время суток было мало, но все находившиеся здесь с любопытством рассматривали странно одетого мужчину. Кассир назвала сумму, и Катя подала деньги.

– Зачем же? – остановил Юрий девушку. – Я сам в состоянии заплатить.

Он положил на стол бумажную старинную купюру. Кассир посмотрела на него, как бы говоря, что она и не таких чудачков встречала.

– Шутник. Проходи-проходи, молодой человек.

Катя взяла его под руку и вывела из магазина.

– Держи, – она открыла и подала ему пакет с ещё горячими пирожками. Отвинтила крышечку с бутылки, и газ с шипением рванулся из горлышка, увлекая за собой часть воды, что потекла по пластиковой бутылке и намочила Кате руку. Катя ойкнула и отвела руку с минералкой в сторону, чтобы не забрызгать одежду. – На, пей.

– Почему она так шипит? Это не опасно?

Катя улыбнулась и открыла баночку спрайта, откуда так же с шипением вырвался газ, и Катя, поднеся баночку ко рту, отпила несколько глотков.

Юрий осторожно попробовал минералку.

– О, вкусно! Только щиплет язык.

Утолив жажду, он съел пирожки, не забыв предложить и Кате.

– Спасибо, я не голодна.

Юрий утолил голод, и Катя спросила:

– Ты потерял деньги и не можешь добраться домой?

– Почему же, вот мои деньги.

– Я уже поняла, что в вашей семье сохранились многие старинные раритетные вещи. Это, конечно же, ценно, как антиквариат, – терпеливо говорила Катя, – но сейчас поздно и все ломбарды закрыты. У тебя есть современные деньги?

Юрий нахмурился.

– Как те, которыми расплатилась ты?

– Да.

Он точно ненормальный, подумала девушка.

– Нет, таких у меня нет. Да и где бы я их взял? Я не грабитель.

– А где ты живешь?

– Наше имение находится под Гатчиной.

– А как ты оказался здесь?

– Я же тебе говорил, что состою в гвардии его величества.

Катя, вздохнув, закатила глаза. Господи, может у него амнезия? Но какая-то странная. При амнезии люди вообще себя не помнят.

– Молодой человек, – обратилась она к нему.

– Юрий, – напомнил он.

– Да. Юрий. Сейчас начало XXI века – 2005 год. И никакой царской армии не существует.

– Но, как же? Вот мои документы.

Катя внимательно рассматривала его документы, которые подтверждали, что он поручик царской гвардии. А в паспорте было сказано, что он рожден в 1779 году.

В музее, где она работала искусствоведом, хранились такие документы, но старые и от времени пожелтевшие. Эти же были совсем новыми и выглядели, как подлинники.

– Где тебе их сделали? Выглядят, как настоящие.

– Мадам, вы оскорбляете меня! – искренне воскликнул Юрий. – Это настоящие документы и подписаны самим государем-императором, – вздохнул и грустно добавил: – Но я вижу, что вы не верите мне.

– А у вас есть другие документы?

– Нет, но я, кажется, начинаю понимать, что случилось. Вы говорите, что сейчас начало XXI века. И судя по тому, что меня окружает – это действительно так.

Юрий стоял, призадумавшись. Мимо проехал автобус, издав сигнал.

– Скажите, а как называются самоходные экипажи и маленькие каретки, что создают такой гул?

– Большие – автобусы, а маленькие – легковые автомобили. Они бывают разных марок. Одним словом – машины, – решила объяснить Катя, если он и правда сбежал из дурдома и никогда не видел современного мира.

– Я всё больше и больше начинаю понимать. Так вот откуда та девушка! – как бы отвечая своим мыслям, промолвил Юрий. – Поэтому она была так странно одета. А я принял её за девицу лёгкого поведения. Я оскорбил её дважды, и Дмитрия вызвал на дуэль. Я – идиот! Я обязан найти её и извиниться. О, Боже! – взмолился он. – Мне нет прощения! Но, Господи, позволь мне исправить эту ошибку.

Катя удивлённо слушала этот бред сумасшедшего.

– Екатерина Сергеевна, Катя, – обратился он к ней, – я понимаю, что мои слова звучат для вас словами безумца... не отрицайте, это написано на вашем лице. Но я проник в ваш мир через таинственный лаз или тоннель, как хотите его назовите. Я видел, как это проделали мужчина и женщина. А затем вслед за женщиной, повторяя её движения, шагнул в ваш мир. Потом я потерял место, где находится лаз.

– И где же это случилось? В парке что ли?

– Да, где-то в парке. Видите ли, я заинтересовался яркими фонарями, а потом побежал посмотреть, что же создает такой шум и гул. А когда хотел вернуться, не смог. Все фонари и дорожки здесь похожи одна на другую.

– Ну, хорошо, предположим, что я поверила. А где ты собирался переночевать?

– Я и сам не знаю. Если бы не вы, милая Катюша, то я, возможно, умер бы сегодня ночью от жажды и голода более чем от холода.

Катя улыбнулась его шутке.

– Екатерина Сергеевна, а вы могли бы показать мне ближайший трактир?

– Трактир? – прищурившись, произнесла она.

– Да, – вполне серьёзно подтвердил он, – трактир.

– Но у вас нет денег и паспорта, а без них вас никто не примет ни в один «трактир».

– В трактир нужен паспорт? – искренне удивился Юрий.

– Да, в современный нужен.

Что же делать? Заплатить за ночлег в гостинице она могла бы. Но у него нет никаких документов, да и одежда вызывает недоумение. Он ведь вооружён и ранил в парке человека! Если тот обратился в больницу, то Юрия может разыскивать милиция. А найти его по описанию очень легко. Ей бы наплевать на него и уйти, но он спас её от грабителей. Нельзя же быть такой неблагодарной.

– Хорошо, – решившись, промолвила Катя, – сегодня вы переночуете у меня. Но, если вы квартирный вор, то не обнадеживайтесь; я живу очень скромно и квартиру снимаю. У меня нет ничего ценного, кроме старенького компьютера, который и за сто рублей никто не купит.

– Если бы я не понимал ваших опасений, то оскорбился бы, – учтиво промолвил Юрий, – а вы проживаете с родителями?

– Нет, я же сказала, что одна.

– Но я не могу принять ваше предложение. Это бросит тень на вашу честь.

– Какую ещё тень? – вздохнула Катя.

– Юной девице неприличествует находиться долго наедине с мужчиной без компаньонки.

– В таком случае тень уже пала.

– Как?

– Ну, мы с вами около часа здесь почти наедине, и без компаньонки.

– Шутите?

– Юра, в современном мире никому нет дела до того, с кем ты, где и когда проводишь свободное время.

– А девушкам?

– До совершеннолетия ещё опекают, а потом она вправе поступать, как хочет.

– Но это же для неё скандал, бесчестие! Кто же её возьмёт замуж?

– Тот, кто полюбит.

– А репутация?

– Юрий, я всё ещё не могу поверить в вашу историю... ну, хорошо. Как вы, видимо, знаете и сами, девушки у нас заканчивают обучение в школе и могут продолжать образование кто, какое хочет. У меня, к

примеру – высшее. Получив профессию, девушки работают так же, как и юноши. И если она с восемнадцати лет может обеспечивать себя, то почему ей не распорядиться своей судьбой, жизнью?

– Так всё изменилось?

– В корне.

– А где вы живёте? – спросил Юрий.

– Здесь недалеко, на окраине Питера. Всего несколько остановок на автобусе.

– Катя, вы хотите сказать, что мы поедem на этом, как вы его называете, – автобусе?

– Разумеется. Ведь у нас с вами нет лошадей, – с лёгкой иронией ответила она.

– А это не опасно?

– Пешком ходить тоже опасно. Вдруг кирпич на голову упадет.

– Тоже верно, – согласился молодой человек. – Ну, что ж, я готов.

Подожёл автобус. Юрий вошёл вслед за Катей и сел рядом на свободное место у окна. Пассажиров в этот поздний час было немного. Катя украдкой наблюдала за Юрием. На его лице мелькал неподдельный страх, который он старался скрыть, отвернувшись в окно. Но побелевшие костяшки пальцев на руке, которой он держался за поручень переднего сиденья, выдавали напряжение.

Кондуктор, указав взглядом на него, спросила у Кати, когда та оплатила проезд:

– Артист?

– Ага, - кивнула девушка.

– Понятно, – тихо сказала кондуктор, – они теперь часто в костюмах разъезжают.

И склонившись ещё ниже, шепнула Кате:

– Но этот-то хо-о-рош! Красавец-то какой и статный. Ухажёр?

– Угу, – улыбнулась Катя.

Всю оставшуюся дорогу Юрий молчал до самого Катиного дома, о чём-то размышляя. Когда же закрылась дверь лифта, он вздрогнул и, не стесняясь, совершил крестное знамение, прошептав слова молитвы.

В прихожей Катя включила свет, сняла обувь и куртку.

– Раздевайтесь, проходите, – сказала она.

Юрий снял плащ.

– Но как же я буду без сапог, босиком? Это неприлично.

– Вот тапочки.

Пройдя в единственную комнату однокомнатной квартиры, молодой человек осмотрелся.

– А другие комнаты есть?

– Нет, только кухня и ванная комната с туалетом.

– Но как же вы будете спать со мной в одной комнате?

– О, Боже, – простонала Катя, закатив глаза, и вновь обратилась к Юрию, – вы, сударь, предпочитаете остаться ночью на улице?

– Милая Катя, простите меня. Вы, рискуя репутацией, благородно делите со мной своё крошечное жильё, а я неблагодарный говорю об условностях. Я клянусь вам, – торжественно сказал он, – что никому не открою тайны, дабы не опорочить вашу честь.

Катя, выслушав всю тираду, возвела глаза к небу и пошла в ванную комнату.

– Юра, я приготовила вам ванну, можете помыться. Мужской одежды у меня нет, чтобы переодеться, но вот возьмите спортивное трико. Оно одинаково подходит и мужчине, и женщине. А также вот футболку. Мой папа оставил её, когда летом приезжал в гости.

– А это что такое? – указал Юрий на унитаз.

– Ты или переигрываешь, или действительно из далёкого прошлого, – задумчиво промолвила Катя.

Она объяснила, как пользоваться душем, унитазом, моющими средствами. При этом молодой человек слегка покраснел. Пока он мылся, девушка приготовила ужин: поджарила картофель и отварила сардельки. В зале разложила кресло-кровать и постелила бельё.

– Это что за чудо такое? – изумился Юрий, выйдя из ванной и увидев телевизор.

– Телевизор, – покорно ответила девушка, решив больше не удивляться, а спокойно отвечать на все вопросы, чтобы не затрачивать много времени на споры.

Катя повернулась к Юрию и замерла; она вдруг другими глазами увидела его и восхитилась. Ещё влажные волосы, довольно тёмные, зачесанные назад, открывали высокий широкий лоб. Из-под тёмных дуг бровей, на неё смотрели тёмно-серые глаза. Нос с горбинкой не портил, а придавал некий шарм лицу. Губы широкие, но красивой формы и чётко очерчены. Юрий улыбнулся, блеснув ровными зубами.

– Я смешон? – неуверенно промолвил он, оглядев себя.

– Нет, что ты, – растерялась Катя, когда поняла, что слишком уж откровенно его рассматривает, – трико вам коротковато, но совсем не портит фигуры.

Боже, что она такое говорит? При чём здесь его фигура? И чтобы окончательно не наговорить глупостей, она сказала:

– Прошу к столу. Извините за столь скромный ужин, но я не предполагала, что у меня сегодня будут гости.

– Очень вкусно, – отметил молодой человек, начав есть. Катя налила чай, поставила на стол печенье и открыла баночку со сгущённым молоком.

Ели молча, украдкой посматривая друг на друга.

– Здесь вы будете спать, – указала Катя на кресло, когда закончили с ужином, – это не широкая кровать к какой вы привыкли, но всё, что я могу вам предложить в данной ситуации.

– Не беспокойтесь, Катюша. Я очень благодарен, что вы не оставили меня на улице, рискуя репутацией. А постель меня вполне устраивает, всё очень красиво и уютно.

– Тогда располагайтесь и можете посмотреть телевизор, пока я схожу в душ.

– А как всё там внутри происходит? – осмелился задать он ещё один вопрос. Молодой человек замечал, что его вопросы раздражают девушку.

– Вы и о телевизоре ничего не знаете?

– Нет.

– Ну, конечно же, – проворчала она, – я могла бы и не спрашивать. Здесь передают новости, тебе полезно посмотреть в целях самообразования. Или знакомства с современным миром.

Приняв душ, Катя просушила феном волосы и узлом завязала их на затылке. Надела пижаму, а сверху накинула махровый халат. Юрий был так поглощён телевизором, что не заметил, как девушка вошла, включила компьютер и, вставив дискету, принялась за работу.

– Катенька, вы так тихо вошли, что я и не заметил.

– Ничего, – улыбнулась она, – ты смотри телевизор, а я поработаю. У меня завтра экскурсия для учеников старших классов.

– Эта машина для работы?

– Да, это компьютер.

– А телевизор? Так похож на эту вещь.

– Мониторы у них действительно похожи, но предназначение разное.

– Хорошо, не буду мешать тебе.

Закончив работу, Катя зевнула и потянулась. Телевизор продолжал работать, а Юрий крепко спал, уткнувшись носом в подушку. Девушка встала, выключила телевизор и легла на диван.

Какой он симпатичный, думалось ей. Жаль, если его история окажется всё же вымыслом большого воображения. Как здорово было бы, если бы он действительно оказался из прошлого, и фантастическое приключение оказалось правдой.

Самой себе Катя могла признаться, что молодой человек хорош собой: высокий, стройный, широкоплечий, развитая мускулатура, очень приятные черты лица. И если в то время вся интеллигенция была столь хороша и, как говорится, породиста, то во время революции 1917 года, Россия лишилась прекрасного генофонда. Ведь тогда почти весь цвет русской интеллигенции эмигрировал за границу.

Утром Катя встала пораньше, приняла душ, расчесала щёткой волосы и собрала их в пучок. Нанесла лёгкий макияж и отправилась на кухню готовить завтрак. Тем временем Юрий встал и плескался в ванной.

– Доброе утро, – поприветствовал её молодой человек, заходя на кухню.

– Доброе утро, – улыбнулась девушка, – как спалось?

– О, великолепно! Спасибо, Катя, я многим вам обязан.

– Правда? – лукаво поинтересовалась она. – И как же моя репутация? Ей ничто не угрожало? Ой, я хотела сказать, она не пострадала?

И окончательно запутавшись, Катя покраснела. Юрий улыбнулся и, взяв её руку, поцеловал.

– На то ваша воля, мадам.

– Давайте лучше завтракать, – нервно дёрнув плечом, сказала Катя и поспешно отвернулась к столу.

– Катя, вы очень красивая девушка, – заметил Юрий, – почему вы одна?

– Никто не любит, – отшутилась Катя.

– Этого не может быть. Вы умны, образованы, красивы.

– Таких, как я, полно.

– Вы просто недооцениваете себя.

– Ой, да прекратите, Юрий. В нашей стране женского населения раза в три больше, чем мужского.

– Боже! Поэтому вы несчастные вынуждены сами зарабатывать на жизнь?

Такая точка зрения на данную проблему развеселила Катю. Но она решила прекратить бесполезную дискуссию.

– Юра, мне пора на работу.

– Можно мне с вами?

– Нет. В той одежде, что была на вас вчера, нельзя. Вы своим экстравагантным видом привлекаете внимание. И не забывайте, вчера в парке вы ранили человека. Вас может разыскивать милиция.

– Милиция – это жандармерия?

– Что-то типа того.

– Но ведь тот человек – грабитель, и угрожал тебе.

– В наше время запрещено иметь огнестрельное оружие без специальной лицензии, – объяснила девушка. – Хотя вы по-человечески и правы, но всё же преступили закон.

– Вы забываете, сударыня, что я в военном звании и имею право на ношение оружия.

– За давностью времён ваши права и документы устарели. Они просто недействительны. Если я не ошибаюсь, то уже прошло двести лет?

– Что же делать?

– Вы сегодня останетесь здесь, – распорядилась девушка. – Я куплю для вас необходимую одежду, а о дальнейшем будем думать.

Катя приняла решение, что сегодня же по компьютеру поищет данные на Юрия. Она выяснит кто он, и тогда решит, что с ним делать.

– Я не альфонс, и не могу позволить понравившейся мне даме, тратить на меня свои средства.

Что? Он сказал «понаравившейся даме»? Горячая волна ударила ей в голову. Что это с ней? И что он так пристально на неё смотрит?

– Я, конечно, не богата, в вашем понимании, но мне вполне хватает средств для жизни. Видите ли, Юра, сейчас большая часть интеллигенции обеднела и находится ещё в более удручающем состоянии, чем я. Как-нибудь, если вы не скроетесь в неизвестном направлении, я подробно посвящу вас в тонкости современного мира.

– А почему я должен исчезать?
– Ну, мало ли? Вдруг вы всё же вешаете мне лапшу на уши.
– Я не вешаю, – он изумлённо посмотрел на свои руки и её уши, – это просто невозможно.
– Я имею ввиду обман. На всякий случай запомните – денег здесь нет, а за квартирой присматривают мои соседи по площадке.
– Вы хотите меня обидеть, Катя?
– Нет, Юрий, но в наше время полно мошенников, что придумывают подобные истории, а потом грабят доверчивых людей.
– Я не грабитель. Неужели ты ещё не поняла?
– Буду надеяться. Хотя вся история выглядит уж очень фантастически. Дайте-ка, если можно, ваши документы, я сравню их с подлинниками, что хранятся в нашем музее.
– Хорошо. Это вам моя гарантия, что я не мошенник и не сбегу.
И всё же странный он, думалось Кате, когда расположен дружески, говорит с ней на «ты», а когда обижен, сразу же переходит на «вы». Хотя это вполне объяснимо.

11

В этот день Софья уединилась в архиве. Достала сохранившиеся печатные издания в период с 1800 по 1815 год. Она старалась внимательно просматривать каждую статью. Но имя Софьи Батурлиной, так нигде и не встретилось. Видимо, не очень значительная личность в истории. А то, что сохранился портрет, так то могла быть случайная работа малоизвестного портретиста. Мало ли таких портретов и картин хранится в музеях и частных коллекциях.

Интересно, как там сейчас Дмитрий? Странно... если рассуждать логически, его-то и на свете уж нет, жил-то он очень давно. И все люди, жившие тогда, давно умерли, и прах их ислел. Но Дмитрий ведь жив! Она с ним только вчера рассталась. Он как бы вышел в другую комнату или уехал в другой город. Существует же гипотеза, что временные миры существуют параллельно друг другу и находятся один в другом, как матрёшки. Возможно, между его и нашим временем открылась такая дверь. Софья где-то читала, что периодически подобные явления случались и раньше.

Просматривая одну из небольших статей, на глаза ей попало имя Селезнева. Так интересно, что же здесь пишут о нём? А сообщалось в статье, что в конце октября прошлого года при загадочных обстоятельствах пропал Селезнев Юрий Константинович, молодой поручик царской гвардии. Так же говорилось, что был найден только его конь, привязанный в лесу, недалеко от дороги в окрестностях имения Батурлиных. Никаких следов насилия или чьего-то пребывания не обнаружено. Император Александр лично выражает соболезнование родным и советует не терять надежды, ибо все мы в руках Божьих.

Софья призадумалась. Селезнев бесследно исчез? Что же с ним произошло? Может, он столкнулся с Дмитрием, и тот его... нет. Этого не

может быть. Хотя Селезнев преследовал их, и они даже слышали выстрел. Нет, Дмитрий возобновил бы дуэль. Да и тело, оно же не игла, что в стоге сена. Надо спросить у Дмитрия. А за какой год газета? Ага, вот – 1806 год. Следовательно – с Селезневым произойдёт что-то на днях. Скорее бы пришёл Дмитрий.

– Устала я что-то, – потянулась Софья, – на сегодня хватит. Лучше завтра продолжу на свежую голову.

Выйдя из архива, она встретила Катю.

– Сонечка, миленькая, – налетела та на неё. – Пожалуйста, проводи вместо меня последнюю экскурсию. Мне срочно надо уйти.

– Что-то случилось?

– Да! Нет! Ой, Сонь, мне надо бежать. Я тебе завтра всё объясню... тут такая история! Ну всё, пока.

И расцеловав подругу в обе щёки, она скрылась из виду.

Софья провела экскурсию, и у неё ещё осталась уйма времени до того часа, в котором они с Дмитрием условились встретиться. Она вышла во внутренний дворик, чтобы полюбоваться на осеннее одяние рябин, пламенеющих алой листвой. На жёлто-оранжевый наряд красавцев клёнов. Не успеешь оглянуться, и вся многообразная палитра красок исчезнет, облетит, словно смывается холодными серыми дождями. Такое буйство красок бывает только осенью, а она очень уж скоротечна.

– Сонечка, ты что, милая, здесь скучаешь? – заботливо поинтересовалась уборщица Зинаида Михайловна.

– Да вот, вышла полюбоваться на наши рябинки с клёнами. Помните, Зинаида Михайловна, в прошлом году было так же тихо и красиво? А в одну ночь налетел ветер и сдул всю листву с деревьев.

– Да так оно почти всегда и бывает. Осенью-то.

– Вот я и хочу насладиться этой красотой, пока она ещё радует глаз.

– Софьюшка, а я про тебя сон чудной недавно видела. Вот послушай.

Сидишь ты на берегу реки и плетёшь веночек из луговых цветов. И такой красивый веночек выходит. А через речку эту мосточек перекинут деревянный. И чудно так: солнце светит, небо синее-синее, а по всему небу, даже в воздухе и над мостом звёзды ярко так горят. Красота! А за речкой, на том берегу, лес растёт густой, зелёный. Выходит из леса олень и через мосточек к тебе. Ты его не боишься, а примеряешь веночек на голову. Стоишь, любишься и оленя по морде всё гладишь. Вдруг он срывается и убегает назад с твоим веночком. Ты плачешь, мечешься по берегу, зовёшь его. Отчего-то боязно тебе на мосточек идти. А потом осторожно так ступаешь ногой, как бы пробуешь, выдержит ли он. И со всего духу бежишь на тот берег. Так чудно: бежала ты, а вдруг не ты, а оленица скачет к лесу. И я проснулась.

– И что, Зинаида Михайловна, это значит?

– Кажется мне, милая, что ты замуж выйдешь. Лес – это чужая сторона. Может, за границу? А олень – жених. Унёс он твой веночек, и ты за ним побежала. Веночек – это любовь, сердце твоё. Тут сослуживцы поговаривают,

что ухажёр у тебя завёлся? Я видела вас недавно – видный такой мужчина. И смотрите вы с ним.

– Ой, что вы, Зинаида Михайловна, я не могу за него выйти замуж.

– Это почему же?

– Я не могу объяснить, но... нет, не могу.

– Не любишь что ли?

– Люблю. Но столько между нами препятствий.

– А вот попомнишь мои слова, девонька. Быть вам вместе! Я такие сны редко вижу, но уж если приснился, то непременно сбудется. У меня бабка ещё предсказательницей была.

Зинаида Михайловна ушла, а Софья тихо прошептала:

– Если бы вы все знали, то не говорили бы. То, что с нами происходит, противоречит самой природе.

В этот вечер она ушла из парка, когда почти стемнело, а Дмитрий так и не появился.

* * *

Катя с замиранием сердца открыла дверь, внутренне готовая к тому, что в квартире никого нет. Но сердце её кричало: «Не обмани! Господи, не обмани!»

В комнате тихо работал телевизор, а Юрий сидел на диване и рассматривал книги, что содержали в себе шедевры художников всех времён. Перед ним на журнальном столике в беспорядке лежали журналы «Вокруг света» и «Наука и жизнь», что Катя и сама любила читать.

Молодой человек так увлёкся, что не слышал, как девушка тихо разделась и вошла, наблюдая за ним.

– Привет, – сказала она.

– О, Катенька, вы вернулись, – обрадовался он, – а от кого привет?

– Как от кого? – не поняла девушка.

– Вы вошли и сказали: «Привет». А от кого?

– От меня.

– От вас? Ах, понял. Так сейчас говорят?

– Да, а как у вас приветствуют?

– Добрый вечер, сударыня, – серьёзно сказал он, беря её за руку и склоняясь с поцелуем, – как вы себя чувствуете?

– Классно! Просто великолепно! – воскликнула Катя и весело рассмеялась.

– У меня сегодня отличное настроение.

– Рад слышать.

– А я рада, что ты не сбежал.

– Я и не собирался этого делать, – недоумевал Юрий.

– Хочется верить, – ответила Катя и, подумав, добавила: – Не знаю, может, я набитая дура и делаю глупость, но вот держи.

– Что здесь? – взяв пакеты, спросил он.

– Я купила тебе одежду, всё, что необходимо на первое время.

Катя объяснила, что для чего предназначено, и Юрий очень удивился, что исподнее белье такое маленькое. Затем в ванной комнате он переоделся.

Катя невольно затаила дыхание, когда перед ней предстал стройный современный юноша, словно со странички журнала мод. Военная выправка и врождённая грациозность, а может, свою роль сыграл и тот факт, что в богатых семьях прошлых веков обучение танцам считалось обязательным с пяти-шести лет. Юрий держался в новой одежде изящно и уверенно. Катя перевела взгляд к его лицу. Черты лица в отдельности нельзя было назвать красивыми и правильными. Но в целом он был очень интересен. О таких говорят: он с шармом или что в нём есть мужская харизма. Такие мужчины нравятся женщинам больше, чем яркие красавцы. Екатерина была не исключением.

– Я сегодня просмотрела базу данных Питера и области, – сказала девушка, – а также всё, что касается Гатчины. Но на тебя нет никаких данных. Может, ты скрываешь своё настоящее имя и место жительства?

– Почему ты мне опять не веришь? Я же рассказал, как я здесь оказался.

– Ты посмотри на себя в зеркало – выглядишь так, словно всегда носил эту одежду.

– А в своей одежде я выглядел нелепо?

– Нет, почему же? – стушевалась Катерина. – Ты был олицетворением рыцаря, джентльмена, о котором мечтает каждая современная девушка. Но и в этой одежде ты выглядишь вполне современным молодым человеком.

– Мне тоже нравится, – посмотрев на себя в зеркало, ответил Юрий. – Только нижнее белье... и порты тесноваты.

– К этому ощущению ты быстро привыкнешь. Только не порты, а джинсы.

– Джинсы, – повторил он, – смешно. А носки мне нравятся, удобно. Ты вот вчера была в таких же джинсах, только более облегających и с украшениями. Почему у вас женщины носят штаны, как мужчины? Сегодня ты в юбке, но она очень короткая. В наше время тебя приняли бы за девушку лёгкого поведения.

– Ничего себе – короткая! – возмутилась Катя. – Да она ниже колена. А брюки женщины носят потому, что это удобно. Ты видел, какой сейчас транспорт? В длинных и широких юбках, как у ваших дам, было бы неудобно ездить в автобусах или автомобиле. У нас женщины работают, как и мужчины. Девушки учатся вместе с юношами. Да ещё в час-пик, когда транспорт перегружен народом так, что мыши прошмыгнуть негде, ваши дамы выходили бы из транспорта голыми. В такой тесноте кто-нибудь или на юбку наступит, или она за что-нибудь зацепится.

– Сложно вы живёте, – констатировал Юрий.

– Да уж как есть, – ответила она, а затем спросила: – А чем ты сегодня занимался?

– О, я просмотрел много книг. Поразительно! Ваши художники для книг копировали картины известных художников. Многие из них я видел

в подлиннике, а здесь тончайшие миниатюры. И что более всего удивляет – не видно следов краски, как при написании картин.

– Это не миниатюры, а фотографии.

– Не понял.

Катя взяла мобильный телефон с видеокамерой и сделала снимок.

– Вот смотри.

– Это я! – восхитился Юрий. – Но как это возможно?

– Сейчас существуют такие аппараты, которыми фотографируют всё, что необходимо. А затем снимки печатают на бумаге.

Катя взяла альбом с фотографиями и села рядом с Юрием на диван. Просмотр начали с детских снимков.

– Превосходно! – восхищался он. – Какая же ты хорошенькая была в детстве.

– А сейчас страшенькая? – игриво-обиженно произнесла девушка.

– Ну что вы, Катенька, вы очень красивы. Вы понравились мне с первого взгляда ещё там, в парке.

И так как они сидели рядом, рассматривая альбом, Юрий осторожно обвил рукой девушку за талию и притянул к себе. В первый момент она растерялась. Но замороженные близостью и слившимся дыханием молодые люди разволновались. И Юрий, воспользовавшись замешательством девушки, поцеловал её. Лицо Кати зарделось, и она, встав с дивана, быстро прошла на кухню. Юрий последовал за ней.

– Однако! – приходя в себя, сказала девушка. – Вы очень шустрый.

– Катенька, я готов принести вам свои извинения, но мне не хочется этого делать. Потому что я намерен ещё раз поцеловать вас.

– А как же ваши речи о чести и репутации? – отступая, спросила она.

– Но я не собираюсь лишать вас чести.

– Да, но вы пользуетесь моей слабостью и беззащитностью, – надменно и скорбно произнесла Катя, решив поиграть в даму позапрошлого столетия. Хотя внутренне она содрогалась от смеха. Игра захватывала и веселила её всё больше и больше. Юрий, конечно же, ей очень нравился. Зачем скрывать? Ведь современные девушки более честны в своих чувствах и не жеманничают, как их пра-пра-прабабушки. Катя всё больше увлеклась. Юрий, не зная того, навязал ей эту роль. Что ж, она примет условия игры.

– Катенька, не говорите так! Иначе я чувствую себя ничтожеством. Неужели я вам до такой степени противен, что вы так оскорблены моим поцелуем? Я же не претендую на большее, только поцелуй.

– Вы меня смущаете, сударь, – скромно потупив глазки, прошептала она, – неужели в вашем времени вы позволяли себе подобные отношения с девушками?

Юрий остановился, смутившись. Как и все молодые повесы, офицеры-кутилы, он часто пользовался услугами девиц из кабаков и уличных хорошеньких, но бедных девушек. Влюбляться ему ещё не приходилось. Он сам был сбит с толку новым для него чувством, поэтому все слова Кати принимал за чистую монету.

– Но я ещё никогда не был влюблён.

– Откуда же такой опыт в соблазнении девиц? Вы выглядите опытным ловеласом.

– Когда человек влюблён, его поступками управляет сама любовь, – высокопарно заявил он.

Если бы Катя, отступая, не почувствовала, что опёрлась на подоконник, она упала бы, рассмеявшись. Но чтобы не обидеть Юрия и ненароком не прыснуть со смеху, она огляделась по сторонам, изобразив на лице испуганно-растерянное выражение. Ахнув, как девушка средневековья, прижала ко рту пальцы, скрывая улыбку.

Юрий же, видя её смущение и растерянность, почувствовал новый прилив сил и ощутил себя рыцарем. Он стал на одно колено и поднёс её другую руку к губам. Катя очень веселилась, играя с Юрием, и при этом старалась сохранить серьёзное выражение лица. Но кое-чего она не учла. После учтивого поцелуя, молодой человек развернул её руку и нежно коснулся губами ладони. Юный ловелас знал, что здесь сосредоточено множество нервных окончаний. Рука её дрогнула, а он стал целовать каждый пальчик. Ощувив мягкость его губ, Катя поняла, что переиграла. Горячая волна от кончиков пальцев со скоростью электрического разряда пронеслась к сердцу и ударила в голову. Если она сейчас же ничего не предпримет, то окончательно сдаст свои позиции. Юрий уже поднялся с колена и почти заключил девушку в объятия.

– Ой, что там? – воскликнула Катя, глядя поверх его плеча, как если бы что-то увидела.

Юрий обернулся, и она, выскользнув, быстро прошла в зал. В это время зазвонил мобильный, и Катя схватила его.

– Да, я слушаю, – бросила она привычную фразу дрожащим голосом.

– Катюша, это я. У тебя всё в порядке? Ты так быстро убежала сегодня – я волнуюсь.

– Да, Сонечка, спасибо. У меня всё отлично.

– А что с твоим голосом? Ты взволнована?

– Немножко. Я потом расскажу. А у тебя как дела?

– Всё в порядке, экскурсию провела. До завтра.

– До завтра.

Катя положила трубку. Юрий стоял в дверях комнаты, опираясь на косяк, и улыбался.

– А ты ведь меня перехитрила. Что ж, признаю своё поражение.

– У нас говорят один – ноль. Но у меня есть предложение, давай сходим в кафе.

– Зачем?

– Как зачем? Поужинаем, послушаем музыку.

– Это как в ресторан?

– Да, похоже.

– А разве юным дамам можно там бывать?

– В нашем времени – можно.

– Но платить должен мужчина, а мои деньги здесь не принимают. Для меня это оскорбительно.

Ситуация... думала Катя. Если сдать его деньги в ломбард, то их возможно и не примут. В крайнем случае, возьмут пару купюр в музей. А так они не имеют никакой ценности. Катя предложила обменять его деньги на свои.

– Ты это делаешь, чтобы я не чувствовал себя иждивенцем! – возмутился Юрий. – Я хотел бы многое дать тебе взамен. Если бы мы вернулись в моё время, ты бы увидела, как я богат.

– Что ты, – смутилась Катя, оттого что он точно понял её намерения. – Прости, я хотела помочь тебе обменять твои деньги. Завтра я предложу старинные купюры в наш и другие музеи. И возможно, от сделки выручу неплохую сумму. Пожалуйста, возьми деньги. Ведь ты будешь чувствовать себя увереннее, если они у тебя будут.

Юрий колебался, и тогда Катя предложила:

– Хорошо. Я даю тебе их займы. И как только ты обменяешь свои купюры или заработаешь, ты их мне вернешь.

– На это я согласен. Но завтра же мы совершим сделку. Я поеду с тобой в музей.

12

В полумраке небольшого, но уютного кафе тихо играла музыка. Редкие парочки, при свете свечей, уединились за столиками. Катя прошла к дальнему столику у стены. Юрий отодвинул стул, помогая девушке сесть. Официант принёс шампанское, фрукты и шоколад. Горячее они заказали на более позднее время.

– Здесь очень красиво! – Юрий с интересом рассматривал зал. – Я никогда не видел ничего подобного, даже в Париже или Лондоне.

– Ты был в Лондоне и Париже?

– Конечно. В юношеском возрасте батюшка с матушкой брали меня в путешествие во время летних каникул. В тамошних гостиницах на первом этаже располагались обширные обеденные залы. Но они на вид строги и просты. Здесь же всё устроено с хорошим вкусом для отдыха. Освещение и мягкий цвет стен навевают романтические виды.

– Да, мне здесь тоже очень нравится. А скажите мне, Юра, где вы получили образование?

– В последние два года в Париже, а до этого в Казанской гимназии, что находится под главным ведомством Московского университета.

– А какие науки вы изучали?

– Как обычно, – удивился Юрий её вопросу, – латинский, французский, немецкий, арифметику, геометрию, танцы, музыку, рисование и фехтование.

– А кто был директором университета? – решила проверить его девушка. Если он всё же обманывает, то не может помнить таких подробностей. Или же если, как и она, не изучал историю подробно.

– При основании ассессор Михаил Иванович Веревкин, а ныне профессор Савич.

– И вы хорошо знаете перечисленные языки?

– Более всего французский. Да оно и не удивительно, в Москве и Петербурге все на нём говорят. Это модно.

За лёгкой беседой они не заметили, как кафе заполнилось до отказа. Появились первые танцующие пары.

– Почему они, обнявшись, стоят на месте и покачиваются? – удивился Юрий.

– Они танцуют.

– Разве так танцуют?

– Так сейчас модно, – пожалала плечами Катя.

– Но это же неприлично! Посмотри, как мужчина прижал к себе даму. Он просто оскорбляет её! Я должен ей помочь.

Он решительно встал.

– Сиди! – одёрнула его Катя. – Если бы дама не хотела, она возмутилась бы. А она выглядит вполне довольной и даже счастливой.

– А-а, я понял! Дама здесь работает, дабы ублажать клиентов.

– Что ты! Нет, конечно, – зашипела на него Катя. – Сейчас всё не так, как у вас. Девушка пришла с этим парнем, и они приятно проводят время, как и мы с тобой.

– И мы можем вот так обниматься? И никто на нас не обратит внимание?

– Можно и не прижиматься. Посмотри вон на ту пару.

– Для моего времени это всё равно неприлично.

– Времена меняются. Что здесь постыдного, если люди любят друг друга?

Юрий встал и, поклонившись, пригласил Катю на танец. Он взял руку девушки в свою и, поддерживая её спину другой рукой, грациозно повёл в танце, подражая другим парам.

– У тебя получается даже лучше, чем у других. Я как будто пару, а не танцую.

– Мне очень приятно держать тебя в объятиях. Но я не назвал бы эти шаги танцем.

Когда же заиграла ритмичная музыка, танцевальную площадку заполнило более юное поколение. Двигались они свободно всем телом, выполняя замысловатые движения. Юрий прыснул со смеху в кулак.

– Что здесь смешного? – обиделась Катя.

– У них у всех одновременно наступил припадок? Почему они так дёргаются? Это же неприлично.

Такое нелестное высказывание возмутило девушку. Да как он может смеивать всё то, что ей близко и привычно?!

– А ваши танцы? – вспыхнула она. – Да взять хотя бы мазурку. Скачете, как козлики и ещё ножкой подёргиваете. Смех, да и только.

– Катя, вы сердитесь? – перестав смеяться, с раскаянием произнёс Юрий. – Прошу, простите меня. Но такие танцы я вижу впервые, что невольно вызвало мой смех. Простите, если я обидел вас.

– Ладно, забудем, – успокоилась Катя, – я понимаю. Только, если тебе кажется, что так танцевать легко, то попробуй сам. Ну хотя бы как тот парень.

– Можно я попробую дома? Мне стыдно так дёр... танцевать.

Несмотря на небольшие расхождения во взглядах относительно танцев, вечер в целом прошел успешно. Катя слегка захмелела. В вечерних сумерках они не спеша брели домой. На душе было легко и хорошо. Юрий поддерживал девушку под локоток. Они остановились, глядя на тёмные воды Невы.

– А ведь я здесь на этом мосту бывал неоднократно, – вспоминал Юрий. – Мы с друзьями любили заходить в ресторан Бореля «Роше-де-Конкаль», что недалеко от Николаевского моста.

Катя промолчала. Она лишь обхватила его руку повыше локтя и прижалась, положив голову ему на плечо. Юрий замер, боясь пошевелиться, и с нежностью посматривал на девушку. Посмотрел вдаль, как бы что-то вспомнил.

– А ты знаешь, как мы называем шампанское?

– Ты хочешь сказать называли?

– Для меня, Катенька, – сказал он с грустью, – всё в настоящем. Так вот, мы с друзьями называем шампанское – таможенный квасок.

– Я читала об этом, – улыbnулась она, – ведь «мадам Клико» очень дорогое шампанское, даже во Франции. А русские офицеры покупали его ящиками.

– Да, – с гордостью сказал Юрий, – наши дворяне довольно состоятельны и богаче многих заграничных.

– А почему ты не хочешь меня поцеловать? – вдруг тихо сказала Катя. Юрий напрягся и проглотил подступивший комок.

– Я хочу, – прошептал он, – но ты была сегодня против, и я не решаюсь. Девушка лукаво взглянула на него снизу вверх.

– Но это же была игра, шутка. А ты мне очень нравишься. Очень.

Сердце молодого человека ёкнуло. Как же эта девушка так быстро околдовала его? Он, конечно же, безумно хочет поцеловать её и даже больше. Но нельзя себе позволить такое с дамой, которая была столь добра и не бросила его ночью одного замерзать в незнакомом мире. Она, рискуя репутацией, поделила с ним кров своего крошечного жилья, купила одежду. А он, находясь здесь, ничего не может ей предложить. Он полностью на её содержании. Стыд-то какой, размышлял Юрий.

Катя сама встала на цыпочки и потянулась к нему. Веки опущены, губы приоткрыты и совсем рядом. Он ощутил на лице лёгкое тёплое дыхание. И Юрий не выдержал, крепко обнял её и поцеловал. Влюблённые ещё некоторое время стояли, прижавшись, переводя дыхание.

– Юра, давай окончательно перейдём на «ты».

– Я и сам хотел просить тебя об этом.

Юрий лежал на своём кресле-кровати и смотрел в потолок, слушая шум воды в душе. Сердце его учащённо билось. Катя так мила и раскованна, она доверилась ему всецело, немного охмелев от шампанского. И Юрий

хорошо понимал это, так как сам был трезв. Что для него каких-то две бутылки шампанского на двоих за весь вечер, когда с друзьями они попивали «таможенный квасок» ящиками?

А Катенька, захмелев, льнёт к нему и ластится, как котёнок. Если он сейчас воспользуется её состоянием, то позже девушка возненавидит и его и тот час, когда они встретились. Но как же устоять, если удержу никакого нет. Чем это может кончиться? Боже, он даже готов жениться, неужели всё так серьёзно? А вдруг представится возможность вернуться домой? Что будет с ней? Нет. Так не должно с ней поступать. До сих пор, пользуясь услугами девиц, он никогда ни о чём не задумывался. Но все те – прочие, были чужими, а Катя вдруг стала родной и близкой.

Шум воды в ванной прекратился, и Юрий поспешно повернулся на бок, к стене лицом и притворился спящим.

Катя тихо вошла и посмотрела на Юрия, обошла кресло и заглянула в его лицо.

– Эх, – вздохнула она, – дрыхнешь...

Затем тихо прошла к дивану и легла. Как только голова её коснулась подушки, тут же провалилась в сон. Юрий открыл глаза и улыбнулся.

Катя проснулась от шума льющейся воды. Она откинула одеяло и села. Воспоминания о вчерашнем вечере потоком нахлынули на неё. Господи, помилуй, как же она вела себя вчера? Не раздумывая, быстро встала и подошла к зеркалу. Оттуда на неё смотрело существо с растрёпанными волосами и в полупрозрачном одеянии. Пока Юрий был в ванной, Катя быстро убрала постель. Боже, как стыдно! Хорошо, что он уснул и не видел, как она пришла соблазнить его, после того как весь вечер вешалась на шею. А он? Должна признать – вёл себя, как истинный джентльмен. Но что он о ней подумал? Да ещё после стольких дискуссий о свободе поведения в отношении между женщиной и женщиной. Катя провела щёткой несколько раз по спутанным волосам. Что же делать? Халат она оставила в ванной вчера, когда... хотела... как же пройти мимо него и остаться незамеченной? Шум воды стих, и Катя, прокравшись, встала за дверь ванной. Юрий вышел, не замечая её, и направился в комнату, на ходу закрывая за собой дверь. Девушка тут же с силой толкнула дверь и прошмыгнула в ванную. Он удивлённо остановился и успел заметить только светлый силуэт и волосы, волной рассыпавшиеся по спине.

Через несколько минут, как ни в чём не бывало, Катя вошла в кухню свежая после душа, с лёгким макияжем и уложенными волосами.

– Привет, – стараясь придать голосу непринужденность, сказала Катя.

– Привет, – подражая ей, улыбнулся он, – как самочувствие?

Лучше бы он промолчал! Катя залилась румянцем.

– Извини меня, – пробормотала она, отворачиваясь, – я вела себя просто отвратительно. Мне очень стыдно.

Юрий повернул её к себе и пальцем приподнял подбородок.

– Ты была очаровательна.

– Да, уж.
– Не огорчайся. Просто благодаря действию шампанского несколько откровенна, что случается почти со всеми.
И легонько поцеловал её.

13

– Иван Егорович, – обратилась Катя к директору, заглянув в его кабинет, – а где Софья? Я что-то не вижу её.
– Она второй день в архиве, Катенька.
– Спасибо. – И взяв Юрия за руку, побежала в архив.
– Сонечка, привет.
– Привет, Катюш, – ответила та, поднимая глаза от стола, и вскочила, чуть не опрокинув стул. Софья замерла с широко открытыми глазами, в которых застыл страх. «Призрак?» – пронеслось у неё в голове.
– Знакомься, Сонечка, мой друг – Юрий.
– Селезнев, – прохрипела Софья.
– Вы? – в свою очередь выдохнул он.
– Вы что, знакомы? – Катя переводила взгляд с одного на другого. – Так значит всё – ложь? Ты всё лгал мне?

Но Юрий вдруг встал на одно колено и прижал руки к сердцу.

– Софья, ради Христа, простите меня. Я знаю, мне нет прощения...

Катя развернулась и пошла к двери, потому что на глазах у неё уже блестели слёзы. Всё ложь! Он, оказывается, и Софье тоже морочил голову? Просто не ожидал, что встретит её здесь. Катя уже взялась за ручку двери, но следующие слова её остановили.

– Но откуда я мог знать, что вы из другого времени? Вы появились перед нами там, в лесу, так неожиданно. В тот день мы с друзьями устроили в лесу пикничок по поводу дня рождения одного из нас. Естественно, хорошо выпили и навеселе возвращались домой. Нам не хватало ещё чего-то такого, романтического. И вдруг – вы, как из-под земли, да в таком коротком одеянии. Мы и приняли вас за девицу лёгкого поведения. Но вы почему-то стали убегать. Конечно же, ваше бегство распалило в нас охотничий азарт, но вы неожиданно воспользовались покровительством князя Батурилина и уехали. Представляете, в каком мы были бешенстве от ускользнувшей добычи?

– Так Дмитрий тоже из прошлого? – округлив глаза, спросила молчавшая до сих пор Катя. – Соня, и это вот он и его друзья напали на тебя тогда в парке? Я правильно поняла?

– Да, Катенька, всё так, – повернулся к ней Юрий, – но подожди, милая, позволь мне всё объяснить, – и вновь повернулся к Софье. – А потом на балу... вы, такая красивая рядом с князем... затмили всех! Я не удержался и пригласил вас на танец, но вы снова отказали. Я пришёл в ярость, почувствовав себя униженным перед моими же друзьями.

Мне не трудно было проследить, как вы вошли в зимний сад, и я отправился следом. Там, желая реабилитировать себя в глазах друзей, я

снова оскорбил вас. Но всё же хочу сделать признание: вы мне дали достойный отпор. Князь вызвал меня на дуэль, где я и ранил его. А он ушёл, оставив выстрел за собой. Я, обуреваемый низменным гневом и мстостью, хотел хоть в чём-то скомпрометировать его и вас, зная, что вы уехали тогда вместе. Устроил за вами слежку после дуэли. Выслеживал его в лесу, где вы тогда исчезли. Это ошеломило меня, я ждал. И вот вы вновь появляетесь передо мной, как из-под земли. Я видел, как вы наклонились и шагнули, будто перед вами была низкая дверь, и исчезли. Дмитрий ушёл, а я последовал за вами в этот мир.

Девушки внимательно слушали, а Юрий помолчал и продолжил.

– Мне нет прощения, но я искренне раскаиваюсь и прошу вас: простите меня Христа ради. Я готов принести свои извинения и князю Дмитрию.

– А тот выстрел? Зачем вы стреляли? – спросила Софья

– Это не я, – изумился Юрий, – как вы могли подумать? Мы также слышали выстрелы и позже, возможно, кто-то охотился неподалёку.

– Хорошо, встаньте, – сказала Софья, приходя в себя.

– Так это правда, что он из прошлого? – указывая пальцем на Юрия, спросила Катя.

– Да, это правда. Если бы я случайно не попала в то время, ничего бы не случилось, – ответила Софья, – но меня интересует другой вопрос: как вы, оба мои знакомые, встретились в огромном мегаполисе? Именно вы?

– Мы с Юрием встретились тем же вечером в этом же парке.

– Но мы с Дмитрием отправили тебя домой, и ты уехала на автобусе.

– Я забыла на работе дискету. А к утру надо было подготовиться к лекции перед старшеклассниками. Вот я и вернулась.

И Катя поведала всё, что с ней приключилось в тот вечер.

– Очевидное – невероятное! – поражалась Софья.

– А Дмитрий? Он ушёл навсегда? – спросила Катя, помня о чувствах подруги к нему.

– Нет, он вернётся ненадолго.

– И вы можете показать, где тот проход в мой мир? – спросил Юрий.

– Естественно, могу.

– И я могу вернуться?

– Хоть сейчас.

Что со мной, думала Катя, почему мне так больно? Он рад, что может вернуться, а я не хочу. Не хочу! Она отвернулась, чтобы скрыть слёзы, что наполнили глаза и бусинками висели на ресницах, готовые вот-вот выплеснуться. Софья с пониманием и сожалением смотрела на подругу. Юрий перехватил её взгляд и подошёл к Кате, которая тут же отвернулась, обнял за плечи.

– Я только всё улажу дома и навсегда вернусь, – тихо, только ей одной, шепнул Юрий на ушко, – если ты, конечно, этого хочешь.

Катя прижалась к нему и спрятала лицо на груди, а по щекам уже катились крупные капли. Софья только грустно улыбнулась, ей ли не понять подругу, когда она сама переживала те же чувства.

– Софья Михайловна, – позвал кто-то от двери, – вы здесь?

– Да, Иван Егорович.

– Проходите, Аркадий Андреевич, – сказал директор, пропуская вперёд немолодого плотного мужчину с серебристыми пышными волосами и такими же усами и бородкой.

– Знакомьтесь, Сонечка, – это мой друг Аркадий Андреевич Завьялов. Он историк.

– Очень приятно – Софья, – представилась девушка, протягивая ему руку, – а это мои друзья Екатерина и Юрий.

– Рад знакомству, юные леди и джентльмен. Я не буду не скромен, если сразу перейду к делу?

– С удовольствием помогу, чем смогу, – улыбаясь, ответила Софья.

– Видите ли, милая Софья, – начал профессор, – я, как вам уже известно, – историк и преподаю сей предмет в университете. Мне понадобился перевод одного занимательного текста. А если точнее, то несколько листов текста, из очень старинной книги на французском языке. Человек, который мог оказать мне необходимую помощь, в отъезде за границей, а я не специалист по языкам. Поэтому я обратился за помощью к своему старому другу Ивану Егоровичу, а он рекомендовал мне вас, Софья Михайловна.

– Можно взглянуть? – поинтересовалась девушка.

– Да, разумеется, – профессор открыл дипломат и достал старую книгу в ветхом переплете. Полистав, нашёл нужную страницу

Софья бережно взяла и пробежала глазами несколько строк

– По всей видимости, я огорчу вас, Аркадий Андреевич. Здесь встречаются слова и обороты, в значении которых я не совсем уверена и не могу гарантировать точного перевода. Слишком уж старый текст.

– Позвольте мне, – вдруг попросил Юрий и взял книгу из рук Софьи.

Он с лёгкостью, красиво и с неким изяществом бегло прочёл несколько строк и перевёл их.

– Bravo! – воскликнул профессор. – Молодой человек, могли бы вы сделать перевод, скажем, за неделю? Я хорошо заплачу.

– С радостью, – улыбнулся Юрий, – и не за неделю, а через день.

Вечером Софья со спутниками подошла к заветной скамье у старого клёна.

– Это здесь, у клёна. Надо только пониже наклониться, потому что лаз находится низко над землей.

– Надо же, – промолвил Юрий, – так просто! А мне в тот день казалось, что и дорожки, и скамейки в парке – все одинаковые, куда не глянь.

– Просто ты был напуган и растерян, да ещё в сумерках, – грустно улыбнулась Софья, – как я тогда у вас.

– Софья Михайловна, простите меня ещё раз, пожалуйста, – искренне попросил Юрий. – Я сам никогда не смогу простить себе, что вёл себя хамски.

– Юра, – перебила его Катя, – ты собираешься уйти прямо сейчас?
– Нет, мне же надо перевести текст для этого почтенного человека.
– Тогда пойдём домой? – обрадовалась девушка.
– Конечно. А вы, Софья?
– Я подожду Дмитрия. Вы идите.
– Софья, – попросил Юрий, – не говорите обо мне Дмитрию. Я хотел бы лично принести ему извинения.
– Хорошо, Юра, я не скажу.

Софья прождала Дмитрия до темна. А когда появились первые звёзды в тёмно-синем небе, а в парке зажглись фонари, она вздохнула и пошла в сторону метро.

* * *

Катя подошла к кухонному окну и посмотрела во двор, где густо разрослись деревья и своими кронами закрывали почти весь обзор.

– Ты на самом деле хочешь остаться здесь, со мной? – задала она вопрос, который с некоторого времени волновал её больше других.

– Да, мне нравится в этом времени. Столько всего необычного и интересного. Даже в самых фантастических романах моих современников нет ничего подобного, – начал Юрий издалика.

– Ты хотел бы остаться здесь только благодаря более высокому уровню жизни?

– Да, ваша наука шагнула далеко вперёд. Мне бы хотелось получить здесь образование. Только вот с документами большое препятствие. Мой паспорт по сравнению с твоим – просто бумажка.

Катя грустно слушала рассуждения Юрия. Оказывается, ему дорога не она. Ему хочется красивой и лёгкой жизни. Что же здесь удивительного или нового? Людми всегда двигала корысть, хоть тогда, хоть сейчас. И Юрий не исключение. Поэтому-то он и не ухаживает за ней и не пытается соблазнить, как всякий нормальный мужчина. Даже не прилагает никаких усилий по ухаживанию, хотя бы для того, чтобы остаться здесь. А зачем? Способ заработать деньги он уже нашёл. За перевод платят неплохо. А она-то, дура! Размечталась и втюрилась по уши. Так тебе и надо! Что ж, снова разочарование, впервой ли? Переживу, думала она, впредь наука будет.

– Хорошо, я помогу тебе, – потухшим голосом промолвила она. – Мы заявим в милицию, что я нашла тебя в парке. В сущности, так и было. Только мы ещё скажем, что ты потерял память и не помнишь... ни кто ты, ни откуда. Тебя положат в больницу с диагнозом – амнезия. Но так как память к тебе не вернётся, тебе, в конце концов, выдадут документы. Подрабатывать ты сможешь переводами с французского, а может, и с других языков, которые знаешь. Когда накопишь достаточно денег, снимешь себе квартиру. А если сможешь заработать достаточную сумму и останется желание – получишь образование. А пока у тебя нет необходимых денег, я помогу тебе освоить грамоту современного русского языка.

– А почему таким трагичным тоном? Если ты не хочешь и моё присутствие здесь нежелательно, я вернусь к себе.

– А разве моё мнение что-то значит? Тебя, как выяснилось, интересует только наш мир и уровень цивилизации.

Катя продолжала смотреть в окно, а по щекам катились крупные слёзы разочарования. Юрий подошёл к ней и, развернув, прижал к себе.

– Глупенькая, неужели ты ещё не поняла, что главной причиной моего решения являешься ты. Я не представляю своей дальнейшей жизни без тебя. Признаюсь, что вначале хотел увести тебя с собой. Но потом понял, что тебе там будет трудно. Скандалы для тебя неизбежны в моём мире. Ты слишком... как бы это сказать?

Катя с интересом ждала и смотрела на него.

– Горяча... жива... – попробовал он найти нужные, определяющие характер любимой слова, – нет, не то.

– Самостоятельна и самоуверенна? – подсказала она.

– Верно, эти слова более характеризуют тебя. Видишь ли, ты не сможешь, как наши барышни: сидеть дома, заниматься хозяйством и детьми. А из развлечений только балы и театры. Как я успел заметить, ты очень дорожишь работой. Ты смела в высказываниях и поступках. А в моём времени ты не сможешь постоянно сдерживать свой нрав. Так или иначе, горячность твоя проявилась бы. А моё общество склонно быстро выносить приговоры. Ты просто не смогла бы жить отверженной. Даже если бы и справилась со своим нравом...

– Я что так безобразно себя веду? – изумилась Катя.

– Нет, что ты, – и Юрий поцеловал её в щёку, – но форма построения предложений, существующая сейчас, резко отличается от нашей. Ты мила и естественна, но у нас этого не поймут. Тебя сочтут вульгарной, а я этого не хочу.

– Но...

– Нет, нет, – становил он попытку Кати возмутиться, – я так не думаю, хотя сначала это поражало меня. Я здесь живу, смотрю ежедневно телевизор и понял, что такая речь и стиль поведения приняты обществом в целом. Но людям моего столетия невозможно будет объяснить, они не поверят в путешествие во времени. Поэтому я хотел бы остаться здесь с тобой.

– Значит, я тебе... то есть, ты в меня...

– Да, я люблю тебя, – просто сказал Юрий. И от его слов приятное тепло разлилось у девушки в области сердца.

– Тогда почему ты избегаешь меня?

– Я? Избегаю? Я ведь живу с тобой в одной комнате.

– Да, это так. Но ты не делаешь попыток... сблизиться, как все влюблённые, – выпалила она и почувствовала, что лицо заливают краской. Она снова отвернулась к окну. А Юрий улыбнулся и обнял её.

– Вот поэтому ты и не сможешь жить в нашем мире. Тебя бы за эти слова заклеили порочной женщиной. Но я-то знаю, что это не так. А

соблазнять тебя я не хотел, потому что ты мне очень дорога. И я хочу связать свою жизнь с тобой. Я, конечно же, мог действовать по вашим законам, но меня ещё держат принципы, привычки и воспитание, заложенные в моём мире. Это как инстинкт.

– Всё равно я тебя не понимаю, – проворчала Катя, – ты знаешь, что эти условности у нас ничего не значат, если люди любят друг друга, и ничего...

– Вот я и дождался от тебя признания, – Юрий взял девушку на руки и направился в зал.

14

Прошло две недели. Софья ежедневно до темна засиживалась в парке, ожидая Дмитрия. Но он всё не приходил. На деревьях и кустах листва заметно поредела, что было большой помехой, если бы Дмитрий вдруг появился среди бела дня, когда в парке полно народу. Хотя гуляющих заметно поубавилось. А с наступлением холодов останутся лишь редкие спешащие утром на работу, а вечером с работы прохожие. Сегодня был выходной, но Софья не удержалась и пришла. Она присела на свою скамью, с тоской глядя на влюблённые пары. Счастливая Катерина, думалось ей, невооружённым взглядом видно, что она влюблена и счастлива. И Юрий почему-то не уходит. Как будто ему не надо обратно. Он ведь на службе у государя. Что же с ним будет, когда он надумает и вернётся? А Катя? Зачем ей нужна эта любовь? Страдания неизбежны, если он уйдёт. Или она собралась с ним? Нет. Однажды Софья спросила её об этом. Но Катя лишь рассмеялась и ответила, что нет, никуда не собирается. Но может Юрий? Нет, нет! Если уж Дмитрий, не будучи на службе, так дорожит расположением государя, то неужели Юрий может так легкомысленно отнестись к своим обязанностям? Это же дезертирство. Хотя, как сказать? Обстоятельства-то необычные. Пересечь время – не то, что уехать в другой город или даже в другое государство. Это случай из ряда вон выходящий. И неизвестно ещё, происходило ли что-то подобное когда-нибудь в истории. А ради любви люди совершали и большие безумства. Стоп! А статья, что ей попала в архивах? Ведь Юрия сочли без вести пропавшим. Позже Софье попадались и другие колонки из газет, в которых говорилось, что его мать графиня Селезнева от горя из-за исчезновения сына сошла с ума. Она всем знакомым твердила, что её сын отправился в будущее. Что, якобы, там он встретил свою любовь и не мыслит жизни без неё. Она даже виделась с девушкой. Все окружавшие графиню родные и близкие делали вид, что верят, дабы не причинить страдальце ещё большей боли. А за спиной сочувствовали и жалели тихую несчастную женщину.

Выходит, Юрий и в самом деле решил...

Но неожиданно Софью привлекла сцена, разыгравшаяся прямо перед ней. По аллее парка шла девушка. Кокетливо вздёрнув носик, она походкой модели неспешно дефилировала, покачивая стройными бёдрами. На ней были белоснежные стрейчевые брючки, короткая белая курточка и в тон сапожкам белая с чёрным сумочка, украшенная стразами. Девушка была

необычайно хороша и сознавала это. Прохожие невольно задерживали на ней взгляды. Навстречу брёл бомж в старой потрёпанной одежде. Проходя мимо красавицы, он нечаянно задел её плечом. Девушка брезгливо сморщилась, достала белоснежный носовой платочек, отряхнула им плечо, и презрительно, даже не взглянув на бомжа, бросила платочек к его ногам. Гордо отвернувшись, она продолжила свой путь. Но горемыка хоть и был бездомным, всеми забытым и никому не нужным, видимо ещё не совсем утратил бывшее в нём когда-то чувство собственного достоинства. Со словами «ах ты, ...!» он быстро догнал красотку и чувствительно, так что она по инерции пробежала вперёд, припечатал свой выдавший виды ботинок к её очаровательной попке. Девушка резко повернулась, вскрикнув, и ошеломленно уставилась на бомжа, хватая ртом воздух и не зная, что предпринять. Мужичок демонстративно снял свой истоптанный ботинок и, брезгливо бросив его к ногам гордячки, важно зашагал прочь.

Народ, наблюдавший эту сцену, кто веселился от души, кто возмущался поступком бомжа. Софья, конечно же, сочувствовала бедняжке, что с раздражением как могла отряхнулась и пошла прочь. Но никто так и не пришёл на помощь оскорблённой девушке. Не то, что во времена Дмитрия, думалось Софье.

– Софьюшка, я так рад видеть тебя, – раздался за её спиной долгожданный родной голос.

– Дима! – Она вскочила со скамьи и бросилась в его объятия. – Где же ты пропадал столько времени? Я уж не знала, что и думать.

– Софья, родная моя, – прошептал князь, отстраняя от себя любимую и заглядывая в глаза. – Поедем, скорее, домой, я тебе всё расскажу.

– Как твоя рана? Покажи, – потребовала Софья, когда прекратился долгий поцелуй и они разжали объятия, стоя прямо в прихожей

– Пустяки, всё давно в порядке, – говорил Дмитрий, продолжая обнимать её, – извини, что не могу тебя отпустить – я слишком долго тебя не видел.

Девушка сама закинула ему руки за шею и поцеловала его.

– Я всё же хочу взглянуть на рану.

– Остались только шрам и покраснение, – говорил Дмитрий.

– Где же ты так долго был? Почему не возвращался? Что случилось? – забросала Софья его вопросами.

– Степан встретил меня со вздохом облегчения, как только я вернулся в имение. Он, так же как и ты, хотел обо всём знать: где я был, как моя рана, где барышня, почему её нет и куда она пропала? Дома был такой переполох! Мы ведь ушли с тобой на прогулку и не вернулись. Степан отправился на поиски в тот же вечер. Ему якобы почудились отзвуки выстрелов. Он бродил по лесу всю ночь, уснул под утро прямо под кустом. А когда рассвело, собрал моих крестьян, и те два дня искали нас. Степан как раз собирался в Петербург к батюшке с матушкой, когда я вернулся. «Дабы сообщить о вашей пропаже, ваша светлость» – сказал Степан, – улыбнулся Дмитрий.

– Я представляю, что он пережил... бедный Степан. И что же?

– Когда он меня увидел, то бросился в ноги со слезами. Я поднял его и крепко обнял. Мой верный и преданный Степан, – с любовью и нежностью произнёс задумчиво князь. – Ты знаешь, Софья, а ведь Степан с самого моего детства мне как нянька. И люблю я его, как родного. Сколько он прикрывал и выгораживал, чтобы мне не попало за шалости от родителей. И на службу в провинцию батюшка отправил его со мной. Да собственно и не отправил, а Степан сам упросил отца. И как ты, видимо догадываешься, я всё ему рассказал о нас с тобой.

– И что же Степан?

– Он перекрестился и сказал: «На всё воля Божья. Пути Господни неисповедимы». Только поинтересовался, а где же сейчас барышня? Я всё ему объяснил, показал одежду твоего времени и электронные часы, что ты мне подарила. Он поцокал языком: «Дивные у них там мастера и кудесники». Припомнил, что так же был удивлён наряду барышни, когда впервые увидел.

– А что тебя так надолго задержало?

– На следующий день приехал батюшка, справиться о моём здоровье. И был очень удивлён, что рана почти затянулась. Я не стал раскрывать ему тайну. Батюшка остался со мной на пару дней и уж собирался отправиться в Петербург, но пожаловали с «визитом» жандармы и офицеры царской гвардии. Как ты, видимо, догадываешься, это были приятели Селезнева. Они утверждали, что он пропал и не появлялся на службе уже несколько дней. Начались поиски, и тогда его дружки «вспомнили» о нашей с ним ссоре. До них якобы дошли слухи о нашей дуэли. Заметь – якобы! Посмей они утверждать, то должны были бы сознаться, что являлись секундантами, а следовательно – участниками дуэли. А это арест, следствие и весьма большие неприятности. Они, видимо, надеялись, что меня арестуют и обвинят в гибели Селезнева. Мальчишки! – гневно с презрением бросил Дмитрий и продолжил: – В качестве доказательства, что я был участником дуэли, была осмотрена моя рука. Приятели Селезнева были ошеломлены, узрев только шрам. Но так как след от раны всё же был, меня взяли под стражу и отправили в Петербург под домашний арест, пока следствие не закончится. На дознании Степан подтвердил моё заявление, что след от раны на руке я получил на охоте от него же самого, когда мы возвращались домой со службы. Якобы, охотясь, я неосторожно попал под его выстрел. Доктор государя дал заключение, что огнестрельные раны не затягиваются за такой короткий период, который прошёл со дня дуэли, опять же произошедшей, по слухам. И я, в конце концов, был освобожден.

Селезнева искали ещё какое-то время в округе нашего имения, там же была найдена его лошадь, привязанная в лесу. Поэтому я не мог вернуться незамеченным. Поползли слухи, что графиня Селезнева тронулась рассудком. Бедная женщина... Говорят, она болтает разные небылицы, что якобы её сын жив и здоров и приходил домой с молодой красивой барышней. Ещё

о том, что он с ней счастлив и собирается жениться. Но живут они в каком-то таинственном запредельном мире и прочая чушь...

– А может, слухи не лишены логики? Ты-то уходишь ко мне тоже, так сказать, в запредельный мир...

– Ну, что ты, Софья, подумай сама; единственный мир, куда он мог попасть – это ваше время. В худшем случае – потусторонний мир, если он умер. Но раз он не мог попасть сюда... – Дмитрий на мгновение задумался и внимательно посмотрел на Софью. – Ты думаешь, что он тоже? В тот день, когда он стрелял и преследовал нас, он так же мог проникнуть сюда?

Софья во все глаза смотрела на Дмитрия. Как же ей хотелось всё рассказать ему, но данное слово Юрию не могла нарушить.

– Дим, Катя очень просила позвонить ей, когда ты вернёшься. Она желает встретиться.

– Да, конечно же, звони.

* * *

На следующий день около трёх часов дня Софья с Дмитрием гуляли по набережной Невы, поджидая Катю. Софья немного нервничала, потому что не могла предугадать реакцию Дмитрия на встречу с Юрием.

– Привет! – весело прозвучал звонкий Катин голос у них за спиной.

– Привет, – напряжённо улыбаясь, ответила Софья.

Дмитрий так же с улыбкой повернулся на Катин голос и замер. Лицо его побагровело и пошло пятнами гнева.

– Ты-ы? – протянул он, сжимая челюсти и играя желваками.

– Да, это я, Дмитрий Николаевич. Я хочу принести вам свои извинения...

– Селезнев, вы подлец! – гневно перебил его князь.

На набережной стала собираться толпа зевак, привлечённая громкими выкриками, заранее радуясь бесплатному представлению.

– Дмитрий Николаевич, ваша светлость! Позвольте, я объяснюсь.

– Я не желаю слушать ваших объяснений, после выстрелов в спину!

– Дмитрий! Дима! – одновременно вскрикнули девушки и бросились к ним, видя, как князь напрягся, словно сжатая пружина.

Но гнев ослепил Дмитрия настолько, что он, не замечая испуганных лиц подруг и собравшихся зевак, попытался ухватить Юрия за лацканы пиджака. Но девушки, пытаясь помешать, как им казалось, драке, только внесли сутолоку. Юрий взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие и нечаянно задев близко подступившую Софью, увлёк её за собой в холодные воды Невы.

В первое мгновение Дмитрий опешил и замер. Рядом закричала Катя. Но вот над водой показалась голова Юрия. Он судорожно втянул воздух в лёгкие и стал отплевываться.

– Юра, там Софья! – закричала Катя.

Он завертел головой и снова нырнул, пытаясь разглядеть девушку в мутной речной воде. Дмитрий пришёл в себя и бросился в реку, где несколько мгновений назад скрылась Софья. Наблюдавшая толпа зевак замерла на берегу, ожидая развязки. Подбегали новые любопытствующие.

– Что? Что случилось?

– Может помочь? – раздавались голоса.

– Да, нет. Похоже, кино снимают. Или репетируют, видите вон тот человек с камерой на мосту?

– Да какая к черту репетиция в такое время года? Вода-то ледяная!

– Что вы волнуетесь? Мы здесь с самого начала. У них и фразы театральные.

– Верно. Они кричали что-то типа: «Вы подлец! Позвольте, я объясню!» и всё такое.

– Да, даже титул упоминали – князь.

– Вот именно. Вы что думаете? Если бы это была настоящая драка... поверьте, там звучали бы выражения покрепче. Я думаю, у них всё нормально. Никто не утонет, вот увидите. Да и для таких съёмок, «моржей» скорее всего, взяли.

– Я тоже так думаю. Это видимо каскадёры. Снимают-то с моста, чтобы лиц не разобрать было.

Пока происходила словесная перепалка между зрителями, Дмитрий вынырнул вместе с Софьей и подталкивал её к берегу. Юрий хотел помочь, но гневный взгляд князя остановил его. Лицо Дмитрия сильно побледнело, и было заметно, что двигается он с огромным трудом.

– Натурально как играют! – восхитился кто-то из толпы. – Bravo!

И все дружно зааплодировали. Катя схватила подругу за руки, когда Софья оказалась у набережной, и потянула наверх. Юрий забрался на ступени и помог вытащить её из воды. Вдруг из толпы выскочил какой-то мужчина.

– Да какие это съёмки! Девушка нахлебалась воды и нуждается в помощи. Я – врач, и вижу её состояние. Позвольте, – склонился он к Софье, отодвигая Катю с Юрием.

– Эй! – крикнул кто-то. – Мужик-то тоже тонет!

Вода обожгла его холодом, когда Дмитрий нырнул в реку. Но от страха за Софью, он не замечал этого. Почти сразу же он натолкнулся на неё в мутной воде и, подхватив, выплыл на поверхность. Но тут недавно раненую руку свело судорогой. Дмитрий из последних сил, преодолевая боль, дотолкал девушку до набережной. Внимание всех присутствующих было устремлено на Софью, поэтому на Дмитрия не обратили внимания – мужик-то и сам справится. Оставшись один, он старался ухватиться за скользкий мрамор ступеней, но ослабевшая здоровая рука постоянно соскальзывала. Одежда, бывшая на нём, отяжелела, пропитавшись водой. Потеряв остаток сил, князь стал погружаться в воду, успев захватить в лёгкие воздух.

Юрий оглянулся, отреагировав на крик из толпы и, не раздумывая, снова прыгнул в реку. Он поднырнул под Дмитрия и помог выбраться на набережную.

Люди уже не стояли, как сторонние наблюдатели, а участливо помогали добраться мокрым и продрогшим мужчинам до сухого места. Как только Дмитрий отдышался, сразу бросился к Софье.

– Как она? – спросил он, расталкивая любопытных.

Девушка уже пришла в себя и только сильно дрожала.

– Вам необходимо в больницу, – говорил врач, приводивший её в чувство, и взял в руки мобильник, – я вызову скорую.

– Нет, нет, – запротестовала Софья, удерживая его, – остановите такси, я живу здесь – совсем рядом.

– Поедьте с нами, – попросила она, когда доктор остановил такси, – я заплачу за ваши услуги.

– Девушка, вы оскорбляете меня, – мягко сказал доктор, – я выполнял свой профессиональный долг и поступил, как любой порядочный мужчина.

– Спасибо вам огромное, – беря его крепко за руку и пожимая, сказала Катя, – от всей души благодарим вас. Вы спасли мою подругу.

– Прежде всего, её спасли эти джентльмены, – улыбнулся доктор, – вот моя визитка – звоните, если возникнет необходимость.

– Благодарим вас, – взяв визитку, сказала Катя.

– И всё же на днях позвоните мне. Вас следовало бы осмотреть, – промолвил доктор, прощаясь.

Дома в шкафу нашлись трико, джинсы, пара футболок для мужчин. Пока Софья принимала ванну, отогреваясь от ледяной воды, вояки оставались под строгим надзором Катерины. «Дабы отвлечь их от разборок», как подумала Катя, она включила телевизор и подала горячий кофе с бутербродами. Позже, когда Юрий сменил Софью в ванной, девушки, как могли, защищая его, рассказали Дмитрию обо всём, что с ними произошло. О заблуждении Селезнева и его искреннем раскаянии.

– Он просто ещё очень молод, и поэтому совершил столько глупостей. Дима, ты вспомни свои юные годы и свои проделки.

Лёгкая улыбка заиграла в уголках его губ.

– И, в конце концов, я люблю его! – с вызовом сказала Катя, подняв нос вверх. – Мы были в гостях у его мамы. Мы ей всё рассказали, и она нас благословила и пожелала счастья. Мне она подарила семейные драгоценности и много других вещей. У Юрия теперь есть деньги для осуществления его мечты. Он сможет получить здесь высшее образование, в дополнение к своему, полученному в девятнадцатом веке.

– Выходит, графиня не сошла с ума, – промолвил Дмитрий, – теперь всё объясняется. Но всё же у меня остается неприятный осадок, несмотря на его извинения и ваши объяснения.

– Дим, – взяв его за руку и заглядывая в глаза, сказала Софья, – Юрий спас сегодня твою жизнь и этим искупил свою вину. Сам Господь вмешался в вашу ссору, желая примирить. Не упрямясь.

– Что ж, у вас очень сильные покровительницы, – вставая, сказал Дмитрий Юрию, когда тот вошёл после ванны.

– И славные защитницы, – улыбнулся молодой человек, пожимая протянутую руку.

Они стояли на аллее в парке, недалеко от заветной скамьи. Дмитрий сжимал её руки в ладонях и печально смотрел в глаза.

– Может, всё-таки пойдёшь со мной?

– Я не могу, – с болью в голосе и со слезами на глазах, ответила Софья.
– Дима, ну как ты не понимаешь? Здесь вся моя жизнь! Мои друзья, работа. Я здесь родилась и мне будет трудно без всего, к чему я так привыкла.

– Почему же, я очень хорошо понимаю, – грустно промолвил князь, – в моём времени нет тех удобств и развлечений, что здесь.

– При чём здесь развлечения!? – вспыхнула Софья, но тут же осеклась и продолжила: – Дмитрий, меня удерживает не уровень цивилизации. Здесь всё, что когда-либо было для меня дорого. Вся жизнь! Могилы родных людей! А ты? Ты почему не останешься? Юрий же остаётся.

– У меня долг перед Отечеством и отцом с матушкой. Если я исчезну – они не переживут. Они и так пострадали из-за моих выходов в юности. К тому же я дал согласие на службу при дворе. Ты же сама поведала мне о том, о чём у нас только догадываются – будет война с Наполеоном. Я не могу оставить своих родных в такое время.

Девушка обняла любимого и склонила голову ему на плечо.

– Но ведь ты будешь приходить ко мне?

– Софьюшка, родная, мне завтра во дворец на службу. Отпуск закончился, и не будет столько свободного времени, как до сих пор. А от Петербурга до имения в моём времени не доедешь за пятнадцать минут. Зима скоро насыплет огромные сугробы, и лаз будет недоступен, потому что находится у самой поверхности земли. Да и неведомо – надолго ли он открыт?

– Но ведь ты говорил, что отслужил двенадцать лет. Почему снова должен служить?

– Любимая, при дворе не только военная служба, но и штатская. Ты вот работаешь ежедневно. А это моя работа, моя служба. Я не могу бездельничать.

– Значит, ты прощаешься со мной навсегда, – не скрывая слёз, которые уже бежали по щекам, говорила Софья.

– Это одному Богу известно, любимая.

– Димочка, я всю жизнь, каждую минуту буду помнить о тебе и думать, что же ты делаешь в это мгновение?

– Я тоже буду вспоминать о тебе, родная. И вечерами, глядя на луну, знай – что где-то там, в далёком прошлом есть человек, который любит тебя.

И как бы вторя их словам, со стороны развлекательной площадки звучала музыка:

И коснутся бессмысленной высью

Пара фраз, долетевших отсюда:

Я тебя никогда не увижу,

Я тебя никогда не забуду.

* * *

На следующий день Софья уединилась в хранилище. Она пересматривала какие-то документы, статьи, но ничего не откладывалось в голове. Ей никого не хотелось видеть. От бессонной ночи и слёз под глазами залегли тёмные круги.

Ну зачем? Зачем ей дана была эта встреча? Чтобы ещё раз пережить боль утраты? Неужели она мало страдала от потери мужа? От рано ушедших родителей? А теперь вот Дмитрий... для чего нужна была эта любовь? Почему у неё не так как у всех? Вот даже Катя... она так же встретила любовь из другого времени, но они вместе и счастливы. А у неё самой одни загадки.

Софья встала и прошла в другой конец помещения, где хранились картины. Где же она? Ага, вот. Может это супруга Дмитрия? Возможно, он встретил женщину, похожую на неё и женился? Софья взяла портрет и, прислонив к стене, отошла на пару шагов, чтобы ещё внимательнее рассмотреть его. Но что это? В причёске женщины художник запечатлел зажим для волос, украшенный стразами. Софья подняла руку и сняла со своих волос такой же зажим из пластика, украшенный стразами, – точную копию с портрета дамы. Но ведь в то время не было пластика. И крестик такой же, как у неё, и серьги. Внезапная догадка, словно молния, осенила девушку. Софья поставила портрет на место и побежала наверх.

– Сонечка, ты что такая заполошенная? – спросила уборщица Зинаида Михайловна, ставя ведро с водой на пол.

– Зинаида Михайловна, миленькая, кажется, вы были правы; унёс красавец-олень моё сердце. А я вот с опозданием, но хочу догнать его. Иначе не быть мне счастливой.

– Что ж беги, девонька. В жизни ничего нет больше любви, только на ней стоит белый свет, только на ней всё и держится.

– Вы совершенно правы. Вот хочу попроситься – ухажу навсегда.

– Уезжаешь что ли? Он что далеко?

– Невообразимо далеко! Но он ждёт меня, я знаю.

– Да благословит тебя Господь, Софьюшка. Будь счастлива. – И старая женщина перекрестила её.

– Спасибо вам.

Софья обняла её, расцеловала в обе щёки и понеслась прочь.

* * *

– Степан, я пойду, пройдуся.

– Может, коня запрячь, ваша светлость?

– Нет, не надо.

Прошла неделя с тех пор, как Дмитрий вернулся – неделя службы при дворе. Вчера в субботу вечером он прискакал в имение, чтобы здесь провести выходной. Он и сам не знал, почему его так тянуло сюда. Нет, к чему лукавить, конечно же, он знал. Слабая надежда, что, приехав, найдёт здесь Софью, ещё теплилась в его сердце. Он даже Степана не взял в

Петербург, а оставил в имении, если вдруг она передумает и вернётся. Князь соскочил с коня и с надеждой бросился к дому. Но навстречу вышел лишь Степан и обречённо развёл руками. Взгляд князя погас.

И вот сегодня, в воскресенье, после обеда он решил пройтись по лесу, томимый тоской о встрече и надеясь – сам не зная на что.

Ночью выпал первый снег. Лёгкий морозец приятно бодрит дух, а снег, лаская слух, похрустывал под ногами. Когда наступят сильные январские морозы, снег слежится и будет поскрипывать, а сейчас, при лёгком морозце, укрывая всё воздушным лёгким покрывалом, он именно похрустывал.

Дмитрий не спеша брёл по знакомой дороге и прислушивался к голосам зимнего леса. За спиной в имении ещё слышался лай собак, а здесь так тихо и спокойно. Лишь юркие синички, попискивая, прыгают с ветки на ветку. Где-то рядом раздаётся стук дятла. А вот белка, напуганная неожиданным гостем, выскочила из-под корня, почти у ног Дмитрия и, цепко хватаясь лапками за кору дерева, лихо взлетела вверх по стволу. Не добежав до верхушки, остановилась и, повернув головку, посмотрела на человека глазками-бусинками, как бы говоря: а вот не достанешь. Дмитрий улыбнулся и пошёл дальше.

На что он надеялся? Что она всё-таки передумает? Глупо. Там цивилизация! Такая технология, что даже горячая вода бежит из крана, усмехнулся он, не говоря уже о туалете и различных приспособлениях на кухне. А что здесь? Как что?! А этот дивный лес с птицами, белками, лисами... А чистота и прозрачность воздуха! Чего уже давно нет там. А аромат свежееиспечённого хлеба в доме! И много, много всего настоящего, родного. Да, конечно, плюсов много там и много здесь, но Софья – женщина своего времени. И нет ничего удивительного, что она не смогла оставить дорогой её сердцу мир. Ведь он тоже не смог оставить то, что дорого ему.

Дмитрий остановился у знакомого дерева, ноги сами принесли его сюда. А что если он сейчас наклонится и... шагнёт? Нет! Решение принято и довольно терзать себя. Если метаться от одного берега к другому, то боль так и не утихнет. Это так же, как если врач отсекает неизлечимо больную часть тела, а рана болит, но заживает. Хоть потом и не хватает этой части, такой нужной, но боль-то проходит. Так и здесь. Не стоит беречь рану, которая ещё кровоточит и болит.

Дмитрий развернулся и пошёл прочь. Он выбрался на проезжую дорогу, где его когда-то остановила перепуганная, странно одетая девушка. Кажется, всё было только вчера. Нет! Прочь, прочь! Не вспоминай, забудь! Как вдруг...

– Дима-а-а! – услышал он позади себя, когда что-то затрещало, зашумело и шлепнулось.

Он резко обернулся и бросился назад сквозь голый кустарник к лежащей в снегу Софье. Она, как и тогда упала, а вокруг лежали разбросанные пакеты, сумки, коробки. Он подхватил её и, поставив на

ноги, прижал к себе. Затем отстранил и торопливыми поцелуями покрыл мокрое от снега, но счастливое лицо.

– Родная моя, родная, – всё повторял он, – как же ты решилась?

– Я поняла, что не смогу жить без тебя. И мне ничего не надо в том мире, где нет тебя. Когда ты ушёл, то не только мой дом, город, но и вся земля – весь мир опустел. Я ещё подумала, что Господь даёт такие встречи только для того, чтобы люди были вместе. Те люди, которые предназначены друг другу, которые по капризу судьбы или ещё каким-то причинам были случайно рождены в разное время.

– Милая, родная, какая же ты умница!

– Дим, помнишь тот портрет? Это же я на нём.

– Я это понял ещё тогда. Но когда ты отказалась идти со мной – думал, ошибся.

– А что же ты не сказал мне? Я бы не раздумывала так долго.

– Ты должна была сама сделать выбор.

– Вот я его и сделала. Раз портрет существует, значит, я должна была быть в твоём мире. Просто случайно, видимо, родилась в будущем.

– Пути Господни неисповедимы, как часто любит повторять Степан, – промолвил Дмитрий. – А зачем так много сумок? Твоя одежда здесь непригодна.

– Здесь все необходимые медикаменты, разные женские штучки, без которых я не смогу в вашем времени обходиться и многое другое, что нам пригодится, а у вас этого ещё не изобрели.

– Но как ты всё донесла? Мы и вдвоём не сможем утащить.

– А мне помогли Катя с Юрием. Я за последнюю неделю оформила дарственную на квартиру для Кати и уволилась с работы. Всем сообщила, что уезжаю навсегда в другой регион. Я обещала Юрию, что мы будем заботиться о его матушке. Он передал для неё письмо и кое-какие нужные вещи. Во время войны мы возьмём её к себе?

– Обязательно, – пообещал Дмитрий. – Но как ты всё пронесла сюда?

– Я протолкнула вначале вещи, а потом прошла сама, поэтому споткнулась и упала.

Дмитрий держал её за плечи, на расстоянии вытянутых рук, и не мог наглядеться.

– Ты просто чудо!

Софья засмеялась и обхватила его за шею руками.

– Ты пошли Степана с повозкой за вещами, – сказала она.

– Обязательно, – ответил Дмитрий, – я и сам ему помогу.

– Прогресс! – весело заявила Софья.

И, выбравшись на дорогу, они побрели к имению.

Тираж – 50 экз.

Издательство «Ник без Компані»